

Мой позывной "Вестница"

Геннадий Кумохин

Геннадий Вениаминович Кумохин

Мой позывной «Вестница»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70385344

SelfPub; 2024

Аннотация

Предоставляю слово моей героине: «Родилась в 1922 году и до 1973 года работала инженером на одном «почтовом ящике». Однажды, уже в предпенсионном возрасте, по пути в командировку, меня застала в горах снежная гроза, и я провалилась во временную яму. С тех пор я только и делаю, что путешествую во времени: то в отдаленное будущее, то в не менее далекое прошлое».

Содержание

Часть 1	4
В обсерватории	15
«Академик»	33
«Жаным, жаным...»	42
Мой охотник	46
Не было бы счастья...	58
Назад в 73-й	72
Часть 2	78
Проект «Феникс»	78
«Адмирал»	90
Убийство Кирова	107
Чай с вождем	117
О Вере	130
Перед дальней дорогой	137
Часть 3	147
Сестра милосердия	147
Пленить Бонапарта	166
На мызе у Ломоносова	198
Командировка в средневековье. Дося и Дуся	215

Геннадий Кумохин

Мой позывной "Вестница"

Часть 1

Дорога в горы

28 мая 1973 года, поживаясь от утренней прохлады, мы вышли из самолета ТУ-114, прибывшего утренним рейсом в Алма-Ату.

Мы, это я и мой спутник – ведущий инженер нашего отдела – Гена Фролов, которого я вызвалась сопровождать в очередную командировку. Особой необходимости в моей поездке не было: и здоровье уже не то, и возраст, можно сказать, предпенсионный. Но мне как-то особенно вдруг захотелось снова побывать в обсерватории, с которой каких-нибудь пару лет назад связывали меня и продолжительные командировки, и напряженная работа.

А тут открылась новая тема, в которой я уже почти не была задействована, но в командировку меня отпустили без всяких вопросов. Я проработала в своем «почтовом ящике» много лет, и я всех знала, и меня знали все: от директора, до вахтера на проходной.

А вот Гена был в институте еще, можно сказать, на но-

венького. В Иркутске было такое предприятие «Каскад», которое по договору отправляло к нам своих специалистов. Кстати сказать, в основном очень толковых ребят и девчонок. Но Гена среди них, безусловно, выделялся. Своей рано наступившей зрелостью и немногословностью. А главное, какой-то толковой рукастостью, на которую, может быть, и не обратили бы внимания в стенах института, но которая каждый раз оказывалась незаменимой вдали от дома: на полигоне или в обсерватории.

И еще он был заядлый охотник. Случай, который произошел с ним прошлой осенью, как мне кажется, в полной мере его характеризует.

Он поехал со своим приятелем охотиться на боровую дичь. Маршрут выбрали самый отдаленный, и это в условиях сибирской тайги. Планировали вернуться через пару дней, но прошло уже вдвое больше, прежде чем вернулся один приятель. На вопрос: где же Гена, он очень удивился и сказал, что был абсолютно уверен в том, что Гена уже дома.

Оказывается, охота не задалась, и они решили возвращаться домой, но напоследок обойти одну неприметную сопку. Каждый – со своей стороны. Обогнув свою половину горы, приятель Гену не встретил. Он подождал немного, но видя, что Гены нет, решил его не дожидаться и преспокойно вернулся в город.

Гена объявился через две недели.

Страшно исхудавший, с разбитым ружьем и исцарапан-

ными руками. Но не потерявшим присутствия духа и чувства юмора. Посмеиваясь, он рассказал, что встретил на своем пути медведя. Зная, что с мелкой дробью, которой были заряжены патроны, против матерого зверя делать нечего, он залез на дерево и решил дождаться его ухода. Однако зверюга подзаправился провизией из его рюкзака и улегся под деревом, в ожидании чего-нибудь более существенного.

Прошло довольно много времени, прежде чем медведь ушел. Обходя нежелательного соседа, Гене пришлось сделать большой крюк и влезть на довольно крутой каменистый склон. К вечеру пошел снег, стало скользко и, вдобавок ко всему, он растянул сухожилие. В поисках пологого спуска он и провел больше недели, путешествуя по незнакомой горной гряде. Питался замерзшими ягодами, пока не закончились спички, согревался у костра, на ночь устраивал себе шалаш из лапника.

– А в остальном все было нормально, – неизменно добавлял Гена, когда к нему особенно приставали с расспросами.

Его рабочее место оказалось в нашей комнате, и я взяла над ним негласное шефство, регулярно приглашая на послеобеденный чай с неизменными баранками.

Мне был определенно симпатичен этот сибирский парень, так не похожий на моего сына – копию мужа в далекой молодости: такого же розовощекого, лысоватого и кругленького. Оба они работали в Бауманском училище, только на разных должностях.

Гена довольно быстро освоился на новой работе, и когда понадобился в обсерватории специалист его профиля, отправился в командировку, прихватив с собой системный блок, вышедший из строя на объекте.

Я уже не раз сопровождала его в местных командировках, знакомя его с нашими смежниками – специалистами из разных институтов. А тут дорога нам предстояла дальняя.

Изрядно поворчав, муж взял с меня обещание, что эта командировка – последняя в моей практике и отвез нас в Домодедово.

В общем-то я оказалась совершенно права, в своих опасениях. По прилету на аэродроме нас, вопреки обещаниям, никто не встречал. Больше того, когда мы добрались до базы, расположенной в старом одноэтажном районе города, оказалось, что начальник базы с утра без предупреждения уехал в горы.

Телефонной линии в обсерватории не было. Связь поддерживалась по рации, но трубку наверху никто не снимал.

Поминая начальника недобрым словом, мы решили добираться в горы самостоятельно. Правда, у нас были небольшие проблемы с багажом: по сумке с провизией и запасом теплых вещей и упакованный в полиэтиленовую пленку системный блок, весом килограмм в десять – двенадцать.

Но стоило ли об этом беспокоиться в такое чудесное утро в начале лета, в залитом солнцем красивом городе, окруженном с трех сторон живописными горами с шапками ледни-

ков на вершинах? К одной из таких вершин мы и старались попасть.

Прохлада раннего утра еще не успела смениться пышущим жаром наступающего дня, а мы уже садились в пригородный рейсовый автобус, который довез нас до конечной остановки: пяточка, за которым услуги общественного транспорта не оказывались.

Это означало, что остальные пятнадцать километров нам предстояло преодолеть на своих двоих или надеяться на попутный транспорт. Честно говоря, мы очень на него рассчитывали. Но для начала мы бодро прошагали метров пятьсот, после чего присели перекусить в тени раскидистого карагача – местного названия ясеня.

Но не успели мы развернуть наши припасы, как послышался шум приближающихся машин, и из-за поворота показалась колонна крытых брезентом грузовиков. Мы пробовали «голосовать» уже перед первой машиной, но она проехала мимо нас, не останавливаясь. Точно так же поступила и вторая, и третья. И в каждой машине на скамьях вдоль бортов сидели молодые ребята в военной форме. Зоркий глаз моего охотника моментально определил, что это едут курсанты – пограничники.

– Нет, не возьмут, – успела с досадой подумать я, когда последняя в колонне машина остановилась.

– Вам куда? – спросил высунувшийся из кабины офицер.

– Вообще-то нам нужно в обсерваторию, но мы согласны

на любую помощь в этом направлении.

– Если вас устроит БАО, тогда садитесь.

– Что-что? – не понял Гена.

– Большое Алма-Атинское озеро, – пояснила я, – нам отсюда всего пять километров до обсерватории. Поехали.

Мощные машины без труда поднимались вверх. Наши курсанты веселились, как могли. Для них это был праздник: вырваться на день из атмосферы казармы и муштры на свободу, на чистый воздух, в горы. От них мы без труда узнали о цели путешествия: подъехать к одной из вершин, возвышающихся над БАО и в честь Дня пограничника несколькими колоннами по разным маршрутам совершить восхождение на пик Советов.

– И не страшно? – спросила я у одного из курсантов, сидевших рядом со мной.

– А чего нам бояться? – ответил он вопросом на вопрос.

– Мы сильные.

– Ну, а если непогода или ветер сильный будет дуть?

– На этот случай у нас предусмотрена шинелька, она всегда выручит! Кроме того, и прогноз погоды на сегодня был хороший.

И, действительно, у каждого курсанта кроме тощего вещмешка за спиной была еще и скатка через плечо. Я с сомнением покачала головой, но больше ничего не сказала.

Перед самой плотиной наша машина остановилась, мы выбрались из кузова, и машина поспешила за колонной, ко-

торая тронулась дальше, объезжая озеро с левой стороны.

Наш путь лежал в сторону прямо противоположную, но мы не торопились, любуясь открывшимся видом.

Сердце у меня неровно забилося, и я поняла, что именно за этим пейзажем я прилетела за три тысячи километров. Перед нами открывалось дивное озеро необычного лазурного цвета, зажатое двумя массивами гор. Слева начинались высокие, поросшие у основания реликтовыми елями каменные горы с белыми вершинами. Вторая гора по счету и называлась пик Советов, к которому везли наших курсантов. Такие же горы продолжались и за озером, и правее от него.

И только самая правая возвышенность была безлесной и сравнительно пологой, с редкими каменистыми осыпями. На ней отчетливо был виден серпантин дороги, по которой нам с Геней предстояло пройти.

Но мы не торопились и расположились, наконец, позавтракать с видом на озеро. А потом тронулись в путь, все также не торопясь и постоянно оглядываясь на колдовское озеро.

Дорога петляла, как и положено горному серпантину, но почти из каждой ее точки можно было делать прекрасные фотографии с видом на горы и воду.

Не знаю, как Гена, а я откровенно наслаждалась и пейзажами, которые я, как оказалось, уже успела подзабыть, и особенно чистым горным воздухом, и предчувствием скорой встречи с друзьями, и мне было как-то особенно легко

и светло на сердце.

Наконец я обратила внимание, что мой попутчик стал все чаще подозрительно поглядывать сначала на ущелье за озером, а затем на свои часы.

– Ген, тебя что-то беспокоит? – спросила я.

– Понимаете, Екатерина Ивановна, – серьезно ответил он, – вон та белая дымка за озером, что-то она слишком быстро движется.

Я посмотрела в том направлении, куда он указывал, но ничего особенного не заметила.

– Да это просто облачко или туман, в это время года ты еще столько на них насмотришься, – легкомысленно ответила я, как будто из нас двоих не он, а я была вдвое моложе.

Но теперь и я стала все чаще поглядывать на озеро и заметила, что белое облачко продвигается действительно слишком быстро и постепенно темнеет. Вот оно уже повисло над дальним краем озера, и вода в нем вдруг, как по волшебству, изменила свой цвет, сделавшись из безмятежно бирюзовой какой-то тревожной и бутылочно-зеленой.

Заметно ускорив шаг, мы поравнялись с небольшим каменистым склоном справа от дороги. Однако до обсерватории оставалось еще добрая пара километров, и о том, чтобы успеть добраться до нее ввиду приближающейся непогоды, не могло быть и речи.

Тем временем безобидное облачко над озером успело превратиться в грязно-черное марево, внутри которого что-то

постоянно утробно урчало и вспыхивало голубоватыми проблесками. Грозовая туча успела подняться уже гораздо выше нас и заслонить и озеро, и все вершины за ним.

– Как же там курсанты, – с тревогой подумала я, – хорошо, если бы они оставались еще в своих машинах

Однако пора было и нам позаботиться о своей безопасности.

– Екатерина Ивановна, – обратился ко мне Гена, – возьмите, пожалуйста, блок, спуститесь к осыпи и выберите самые крупные валуны, за которыми можно будет укрыться от ветра. И переоденьтесь во все теплое.

– А ты?

– Я сейчас Вас догоню.

С этими словами он набросился на стоящий на обочине путевой знак с изображением поворота и начал энергично его раскачивать. Едва успел он вытащить этот знак и спуститься ко мне, как раздался ударивший по ушам хлопок и со скоростью грузового состава налетел сумасшедший порыв ветра, несущий вперемежку какой-то мусор и жестокий снежный заряд.

В двух шагах ничего не было видно, кроме белых крупных хлопьев, летящих параллельно земле. Сильно похолодало, и я увидела, как Гена, действуя бывшим дорожным знаком как большой лопатой старательно нагребает снег с подветренной стороны в уже образовавшийся сугроб за большим валуном.

– Видно, согреться решил, – подумала я, потому что и са-

ма начала дрожать на пронизывающем ветру.

Наверное, я стала быстро замерзать, и уже не очень ясно понимала, как нужно мне поступить для того, чтобы не потерять окончательно сознание.

Я только смотрела, как сноровисто управляется мой охотник со своим тяжелым инструментом. Наконец, он, видимо, решил, что нагреб снега достаточно. Похлопав по верхушке сугроба, он начал копать в нем нору, а затем бросил в нее блок, наши сумки и почти силой втащил меня.

Нора получилась довольно большая, и мы смогли сидеть в ней вдвоем, чуть поджав ноги и почти не пригибая головы. Не удовлетворившись сделанным, Гена начал подгрести оставшийся снаружи снег, практически запечатав нору изнутри. Пожалуй, теперь наше убежище можно было определить только по торчащему над сугробом обрезку трубы от дорожного знака.

Постепенно я начала согреваться и осознать, что осталась жива только благодаря сноровке моего охотника. Теперь я уже могла сосредоточиться на доносящихся снаружи диких звуках бури и раскатах грома, которые раздавались почти без перерывов.

– Екатерина Ивановна, закройте, на всякий случай глаза ладонями, – попросил Гена, когда удары грома стали особенно сильными.

Я послушалась и сидела молча, стараясь отогнать ощущение чего-то страшного и неизбежного.

Вдруг раздался страшный грохот, что-то взорвалось в нашем убежище, и я потеряла сознание.

В обсерватории

Не знаю, сколько времени я пролежала без движения, а когда очнулась, то первое, что увидела, был Гена, склонившийся надо мной.

– Слава Богу, Вы живы, – сказал он, увидев, что я открыла глаза.

– А что это было? – спросила я.

– Я думаю, в мою лопату ударила молния, – немного подумав, ответил он.

И действительно, я увидела, что вход в наше убежище буквально разворочен, как будто от разорвавшейся гранаты, а от импровизированной лопаты практически не осталось и следа, только какие-то оплавленные обломки и ржавые потеки у самых наших ног.

Буря утихла, только ровные облачка безмятежного розового цвета скользили по темнеющему небу, и в прогалах между ними уже просвечивали звезды. Мы выбрались из нашей норы и увидели перед собой сплошную пелену снега.

Явственно начинало темнеть, хотя по моим представлениям день закончился как-то очень быстро. Гена оставил в сугробе свой системный блок, решив, что вернется за ним как-нибудь потом, и мы выбрались на дорогу. Нужно было торопиться, чтобы успеть прийти в обсерваторию до наступления ночи.

Здесь снег был не таким глубоким, как за каменной россыпью, но мы все-таки успели промочить ноги в своей легкой не по-зимнему обуви, так как приходилось идти по нехоженной снежной целине.

Свернули к обсерватории, и снова – ровный снег на дороге до самых домиков, ни одного огонька в окнах и удивительная тишина.

– Странно, – подумала я, – откуда такая тишина, ведь сейчас здесь должно быть полно народа, неужели все спят?

Над соседней вершиной взошла яркая луна. В этом не было ничего необычного. По ночам над обсерваторией, как правило, было чистое небо.

Меня удивили строения, которые успели появиться здесь за время моего отсутствия. Похожий на консервную банку купол нашего телескопа оказался задвинутым за «командирский» домик, а на его месте красовались, поднятые на высоту второго этажа значительно большие по величине целых два купола телескопов.

Гена был здесь впервые, поэтому я не стала обсуждать возникшие у меня вопросы. Вместо этого я поднялась по лестнице «командирского» домика и постучала. Никакой реакции не последовало. Мы прошли дальше, заглядывая в окна других строений, но нигде не было видно ни одного огонька.

Мы подошли к домику, где, я точно знаю, постоянно жил кто-нибудь из астрономов. И тут в одном окне, я заметила слабый отблеск. Я почти бегом бросилась к ближайшей две-

ри и что есть силы принялась стучать.

– Тише, тише, а то дверь сломаете, – услышала я знакомый голос, и в створе открытой двери появился Витя Коваленко, держащий зажженную керосиновую лампу в вытянутой руке.

– Кого еще это принесла нелегкая?

– Витя, это мы! Почему же нас никто не встречает? – задала я вопрос, который, по-видимому, застал его врасплох.

– Кто это, мы? Я никого не жду!

– Коваленко! – я начинала заметно нервничать, – ведь вас должны были предупредить, что я сегодня прилечу!

– Кто это я?

– Я, Леонова Екатерина Ивановна, вот кто!

– Екатерина Ивановна? Когда-то я знал это имя. Но это было очень давно!

– Витя, да ведь это же я! – я уже не могла справиться с волнением и двинулась к нему навстречу.

– Проходите, раз пришли, – сказал он и пропустил нас в свою комнату.

И тут я увидела его лицо. Тридцатилетний парень выглядел так, как будто за два года постарел вдвое! И он тоже увидел и узнал меня.

– Екатерина Ивановна? Ведь вы же пропали много лет назад!

– Как пропала?

– Ну да! Где-то у меня была вырезка из многотиражки вашего института.

Витя покопался, отцепил приколотую к обоям порядком пожелтевшую бумажку, и я увидела на ней наши с Геной портреты.

«28 мая 1973 года в горах Заилийского Алатау во время ужасной снежной грозы бесследно исчезли сотрудники нашего института заведующая группой Леонова Екатерина Ивановна и ведущий инженер Фролов Геннадий Алексеевич. ... Светлая память о товарищах ... всегда будет жить в наших сердцах...».

– Да вы совсем не изменились! – воскликнул он, сравнивая портреты с нашими лицами.

– А почему мы должны были измениться? – вопросом на вопрос ответил Гена.

– Да потому, что с мая 1973 года прошло больше двадцати лет! Точнее, двадцать два года и почти один день.

– Не может быть! – только и могли сказать одновременно мы с Геной.

– Но где же вы так долго пропадали?

– Да никуда мы не пропадали! – с досадой сказала я и принялась пересказывать события сегодняшнего дня, которые, как оказалось, произошли целых двадцать два года назад.

– И это все? – спросил Витя, когда я закончила.

– Все, – подтвердила я, и Гена согласно кивнул.

Наступило долгое молчание. Наконец, астроном прервал его:

– Мне кажется, я знаю, что с вами произошло – вы попали

в ловушку времени!

– А разве так бывает? – с сомнением спросил Гена.

– Теоретически, – подтвердил наш астроном, – а в случае с вами, уже и практически. Иначе придется признать, что вы просто вернулись с того света.

– Ну, вот, что, – нарушил Гена опять затянувшееся молчание, – с того света мы вернулись или затерялись во времени, но я, признаться, чертовски хочу есть. Ведь у меня больше двадцати лет ни крошки во рту не было.

– Конечно, конечно, – засуетился Витя, – вы только извините меня за мои холостяцкие припасы.

– Витя, – с недоумением спросила я, – а где же Ольга?

Но он только рукой махнул. Молча вынул он из неработающего холодильника кусок сала, несколько вареных картофелин в мундире и сноровисто все почистил и порезал. Потом все так же молча достал из кухонного шкафчика три лафитника и початую бутылку «Кальвадоса» – яблочной водки местного изготовления. «Кальвадос» я помнила по прошлым встречам с четой Коваленко.

Я помнила историю семьи, рассказанную их университетским другом Сашей Шохиным. Витя был хороший парень, добрый, ответственный, похожий на Гоголя большим вислым носом. А его жена была первой красавицей на факультете астрономии в МГУ. Жгучая брюнетка с пышной фигурой. Сибирячка со звучной украинской фамилией Коваленко. Настоящим украинцем был он. Он завоевал ее своей

упорностью и тем что неожиданно взял ее фамилию.

Они заключили между собой своеобразный брачный договор. Десять месяцев в году они работали вместе в обсерватории в горах, но каждое лето жена одна уезжала на долгих два месяца в обожаемый ею Крым, а он не имел права спрашивать, как она проводит это время, и только посылал деньги по первому ее требованию.

Мы выпили по рюмке, и Витя сам начал рассказывать.

Жена не вернулась из очередного отпуска. Сначала от нее не было никаких вестей. Потом он получил пространное письмо с объяснением своего поступка. Мол она хочет жить полноценной жизнью, а не два месяца в году. Просила не винить ее и дать развод.

– Ну, да что мне было делать? Я и сам понимал, что рано или поздно так и должно было кончиться, но, когда это произошло, страшно переживал, хотел даже повеситься, и только любовь к астрономии спасла. Правда давно это было, – закончил он свой грустный рассказ.

– Да что это мы все про меня и про меня. Со мной уже давно ничего не происходит. А вот со страной...

– А что должно было со страной случиться, – не поняла я, – ну сменился один генсек, и стал править другой, а что еще?

– Ну, как же. Вы, конечно, не знаете, что больше нет Советского Союза. Нет страны победившего социализма. И социализма больше никакого нет.

– А что же мы теперь строим? – поинтересовалась я.

– Ничего не строим. Капитализм, наверное. А получается дикий капитализм. Я про такой читал в новеллах О. Генри. Был такой американский писатель. Только у нас еще хуже. Связи между бывшими республиками разрушились. Заводы и шахты стоят, рабочие и шахтеры бастуют. Сейчас у нас вместо СССР пятнадцать «незалежных» государств, часть из которых входит формально в такое объединение – СНГ – называется.

– А другие?

– А другие даже в СНГ не входят, собираются в НАТО вступать. Ужасное положение: никому ни до кого нет дела. Вот сейчас мы находимся в Казахстане, а обсерватория принадлежит России. Временно, наверное. Поэтому здесь больше ничего не строят. Даже то, что не закончили. Хорошо еще, что зарплату не забывают переводить.

Мы с Геной слушали, развесив уши, слова нашего просветителя и только диву давались.

– Да что это, вас заговорил, – спохватился Витя, заметив, что я слушаю его рассеянно, вы, наверное, устали и хотите отдохнуть?

– Было бы очень кстати, – согласился мой охотник, а я улыбнулась, вспомнив, что у астрономов, работающих в основном по ночам, было принято говорить не «спит», а «отдыхает».

Коваленко отвел нас в стоящий отдельно сравнительно

новый домик, оказавшийся гостиницей. По причине отсутствия других постояльцев мы получили по номеру из четырех кроватей каждый. Как говорится, на автомате, я надела чистое белье и уснула, едва коснувшись головой подушки.

Обычно я сплю без снов, а тут мне он приснился какой-то очень странный, пугающе достоверный.

Как будто захожу я в подъезд своего дома в Москве, в котором очень долго проводился капитальный ремонт и закончился буквально накануне моего отъезда в командировку. И что же я вижу: вместо недавно отремонтированного помещения – обшарпанные стены, с облупившейся краской и сплошь размалёванные похабными рисунками и непотребными надписями. Лифт оказался в таком же ужасном состоянии. Кроме неприличных надписей меня поразили приклеенные к потолку сгоревшие спички, оставившие на пластике разводы черной копоти. С явным облегчением добралась я до своего восьмого этажа и нажала на звонок у своей двери.

После долгой паузы дверь отворил муж, в каком-то незнакомом затрапезном халате. Не дав мне и слова сказать и не делая даже попытки пропустить меня внутрь, он начал раздраженно твердить, что денег у него и самого нет, и что на нищенскую зарплату доцента самому впору идти побираться. После этого он попытался захлопнуть передо мной дверь, но я не дала ему это сделать, быстренько просунув ногу в еще остающуюся щель.

– Почему на зарплату доцента? – успела подумать я, – ведь

он уже давно профессор.

– Паша, ты что, совсем не узнаешь меня?

Я воспользовалась его нерешительностью и успела проникнуть внутрь своей квартиры.

Он ответил совсем уже странно:

– Я не Павел, а Анатолий, а вы что, были знакомы с моим отцом?

Я взглянула в стоящее в прихожей прямо напротив входной двери зеркало и обомлела: на меня смотрела высокая тощая старуха, в ужасных обносках и с растрепанными, отросшими сверх всякой меры седыми волосами.

В голове у меня помутилось, и я услышала, как кто-то невидимый дважды произнес странное имя: «Рип ван Винкль! Рип ван Винкль!»

– Рип ван Винкль! – повторила я и проснулась.

Точнее, я еще не совсем проснулась, когда вскочив, отправилась к зеркалу в туалетном отсеке номера. Электрического освещения не было, но в свете, неуверенно пробивающемся сквозь маленькое оконце в верхней части стены, я увидела то, что хотела. Я не была старухой из своего кошмарного сна.

Теперь пришло время проснуться окончательно, и я вспомнила, что это за странное имя, которое я только что повторила.

Остроумный рассказ Ирвинга Вашингтона, американского писателя, о пьянчужке охотнике, пропавшем на два деся-

тилетия, а затем вернувшись в свой поселок с рассказом, что все это время он проспал.

Я часто читала этот рассказ своему маленькому сыну, до тех пор, пока он, выучив азбуку, не прочел его почти по слогам самостоятельно.

После этого я, уже успокоившись, на скорую руку привела себя в порядок, потому что воды в кране и унитазе по случаю отсутствия электричества не было, и вышла из номера.

Не об этом ли мгновении я так долго мечтала?

Стояло погожее утро. Солнце еще не успело встать из-за высоких гор, но было уже совсем тепло и выпавший вчера глубокий снег растаял как по волшебству. В память о нем остались только быстро исчезающие лужицы да горный ручей, обычно почти не слышимый в это время года, ревел как в первые дни весны.

Я прошла по заасфальтированным дорожкам, которых появилось значительно больше, мимо незнакомых мне строений, и по едва заметной тропинке пробралась на свою любимую полянку в окружении зарослей низкорослого можжевельника.

Здесь как будто ничего не изменилось за прошедшие годы.

Положив куртку на замшелый камень, я присела на него и глубоко задумалась.

Как величественно прекрасен был этот мир: покрытые снегом скалистые горы, застывшие в торжественной непо-

движности... Могучие и недоступные. Что им какие-то жалкие двадцать лет человеческой жизни? Всего лишь одно мгновение. А для человека это огромный пласт жизни, а иногда и целая жизнь.

Ведь у меня, возможно, кроме этих двух парней не осталось больше никого из знакомых. Что же мне дальше делать? Как мне жить? Где работать? И работать ли вообще? Ведь по обычным, земным меркам мне уже под восемьдесят... Стать дряхлой, беззубой старухой, какой я видела себя в этом ужасном сне? Сложить лапки и ждать, пока наступит физический конец жизни?

Но нет, я и не думала сдаваться. Сказать по правде, я давно уже не чувствовала себя такой бодрой. Даже хронический холецистит вроде бы перестал меня мучить. Вчера, когда Витя накормил нас салом, я еще подумала, что привычная тупая боль в правом подреберье этой ночью мне обеспечена, а вот, поди ж ты, я спала как ребенок, и сейчас никаких симптомов...

Я чувствовала, что все не случайно: и моя командировка в обсерваторию, и эта снежная буря, и этот удивительный случай, который как в чудесном невидимом лифте забросил меня на много лет вперед.

Значит, я должна еще что-то совершить в своей жизни. Что конкретно, я еще не знала, но чувствовала: это должно быть очень значительное и важное, может быть, гораздо более важное, чем все, что мне приходилось делать до этого.

Не помню, сколько я просидела на своей полянке тем ясным тихим днем, но, когда я спустилась вниз, я почувствовала себя совсем другим человеком.

Я не знаю, произошло ли в это утро что-то подобное еще с одним человеком. Мы никогда не разговаривали с Геной на эту тему. Только обменялись понимающими взглядами при встрече.

Застала его я в небольшой щитовой, где он в толстых резиновых перчатках колдовал над выдавшим виды трансформатором. Наконец, тот сдался, натружено загудел, и загорелась лампочка под потолком.

– Знаете, что, мальчики? – начала я во время импровизированного завтрака, для которого Витя не пожалел остатков вареной картошки, пары луковиц и полдюжины яиц. Все это он поджарил на выдавшей виды электрической плитке и подал прямо на сковороде к столу.

– Мне кажется, нам пора обсудить сложившееся положение.

Наш астроном застыл с куском румяной картошки на вилке, а Гена только согласно кивнул и, не останавливаясь, продолжал с аппетитом жевать – сказывался, видимо, накопившийся за прошедшие двадцать лет голод.

Я продолжала:

– Мы, тут свалились Вите на шею, без денег, без документов и, вообще, неизвестно кто, – при этих словах Витя протестующе замотал головой, – а у него и самого, как я вижу,

денег кот наплакал.

Коваленко согласно кивнул и развел руками.

– Однако, – я вела речь дальше, – у нас есть один неоспоримый козырь. Мировая сенсация: возвращение в обсерваторию двух путешественников после двадцатилетнего отсутствия. И этим нужно немедленно воспользоваться. Во-первых, для того, чтобы подтвердить наш статус вернувшихся из небытия, а во-вторых, для того, чтобы заработать немного денег нам на обратную дорогу домой и Вите для небольшой материальной компенсации.

– Вы согласны со мной? – мужчины дружно кивнули, и я продолжила:

– Давайте поступим следующим образом: поскольку у нас есть электричество, а, следовательно, и связь, Витя, на правах нас обнаружившего, немедленно направит телеграммы в Академию наук, наш «почтовый ящик», свой институт и, главное, – в редакции местных информагентств.

– А в иностранные издательства посылать? – с деловитым видом спросил Коваленко, – у нас их много теперь развелось.

– Посылай, – сказала я, – только не забудь предупредить, что интервью платные.

Мы перешли в «командирский домик», где вместо знакомой мне по прежним командировкам рации, оказались невиданные нами прежде спутниковый телефон, факс и даже ксерокс.

К немалому удивлению Вити, я освоилась с этим обору-

дованием очень быстро. Мы откатали на ксероксе свои паспорта, приложили в подтверждение институтскую заметку о нашей пропаже, и фактический материал был готов.

В это время Гена отправился к нашему укрытию, которое на самом деле стало местом нашего чудесного путешествия во времени, сфотографировал все Витиным «Полароидом» и забрал свой системный блок, при виде которого Коваленко даже руками всплеснул от радости – оказывается, он ему был давно просто необходим.

Несколько часов прошло в кропотливой работе по рассылке информации. Наконец, телефон ожил и нам стали звонить с просьбами уточнить расположение обсерватории и возможное время встречи. Коваленко аккуратно записывал, и вскоре у нас набрался целый список предполагаемых гостей, в основном начиная с завтрашнего утра. Но были и более ранние встречи.

Едва время перевалило за обеденное, как, шурша шинами по еще влажному асфальту, к нам лихо подкатила новенькая иномарка. Мы пошли встречать гостей.

Из машины вышли двое мужчин азиатской внешности. Витя на ломаном английском уточнил, кто к нам пожаловал. Оказалось, южнокорейское издательство.

Корейцы быстро о чем-то переговаривались на своем языке, почти не обращая на нас внимания.

Я прислушалась. Оказывается, они обсуждали прелести местных девочек, совсем не похожих на корейнок.

Наконец, один что-то заподозрил и сказал другому:

– Мне кажется, эта старуха нас слушает.

– Ну и пусть, – ответил тот, – держу пари, что она все равно ни черта не понимает. Ну да ладно. Нужно брать у нее интервью, а то того и гляди приедут китайцы и нас обскачат.

Я, конечно, удивилась тому, что понимаю каждое слово из их разговора. Но еще больше я удивилась тому, что еще через секунду нарушила молчание и на свободном английском пригласила корреспондентов в помещение.

Витя прямо рот раскрыл от удивления. Признаться, я тоже была более чем шокирована, потому что в школе и в институте я изучала немецкий.

Как бы между прочим, я упомянула, что с минуты на минуту мы ждем китайскую делегацию, чем вызвала у наших гостей очень горячее желание приняться за работу.

Сначала Коваленко рассказал, как он нас встретил вчера, а затем мы с Геной во всех подробностях, разумеется, на русском языке, который, как оказалось, корейцы знали вполне прилично, изложили события вчерашнего дня, которые, для нас происходили не подряд, а с интервалом в двадцать два года.

Затем, отвечая на вопросы, мы, по сути, еще раз подробно повторили наш рассказ. После чего корейцы уехали, а прямо вслед за ними прибыли китайцы.

Эти тоже были поначалу настроены скорее скептически: долго рассматривали наши паспорта, просили показать день-

ги из наших с Геной кошельков и без конца задавали вопросы.

Наконец один из китайцев, тот, что был постарше, сказал вполголоса своему молодому приятелю:

– Ты знаешь, а ведь я мог видеть похожую старушку на Олимпиаде в Москве. Русские все тогда похоже одевались.

Разумеется, сказал он это по-китайски, а я давая понять, что услышала его, ответила, что, к сожалению, мы не застали Олимпиады, как для нас еще вчера был 1973 год.

Как ни пытались наши восточные гости проявить свою хваленую невозмутимость, но глаза у них против воли сделались круглыми, правда только на мгновение.

И в этот, и на следующий день мы то и дело принимали делегации и без конца повторяли одно и то же.

Наконец, поток гостей постепенно иссяк, зато наши кошельки существенно пополнились, и мы могли уверенно смотреть, по крайней мере, на несколько дней вперед.

Вроде бы теперь мы могли и улетать, но Гена вдруг почувствовал живой интерес к астрономии, он ходил хвостом за Витей, а тот без конца ему что-то рассказывал и рассказывал. Оказывается, две башни телескопа поставили далеко не случайно. В каждом телескопе установлено метровое зеркало. Это почти в два раза больше, чем было в нашем прежнем телескопе. Но еще больший выигрыш получится, когда оба этих телескопа будут работать в так называемом режиме интерферометра. Тогда фактическое угловое разрешение этих

телескопов будет равно расстоянию между самими башнями.

– Но, к сожалению, – каждый раз добавлял Коваленко, – аппаратуру для такого режима телескопов из Москвы не довели, потому что началась перестройка, и теперь уже вряд ли когда-нибудь довезут. Так что хорошо еще, если работает хотя бы один телескоп.

Гена тоже не оставался в долгу. Он постоянно что-то паял и сверлил, и в результате привел аппаратуру в такой порядок, в каком она не была уже довольно долго. После этого мои мальчики с таинственным видом просидели пару ночей за телескопом, а следующим утром торжествующий Коваленко объявил, что они с Геной открыли новую комету и он подаст заявку на присвоение ей имени «Коваленко – Фролов».

Гену несколько смущала такая щедрость своего нового друга, но Витя был непреклонен.

А я, каюсь, все это время ничего не делала и просто наслаждалась жизнью. Погожим утром я выходила на свою полянку и часами слушала и смотрела на этот мир. Теперь он больше не казался ни чужим, ни равнодушным. Я чувствовала, что начинаю жить с ним в одном ритме, и у меня не оставалось сомнений в своем предназначении.

Я больше не сомневалась в том, что далеко не случайно оказалась застигнутой снежной грозой вместе с моим юным охотником, а затем очутилась через много лет в том же самом месте, но уже в совершенно другом времени.

Дорога домой прошла практически без приключений, и выдавший виды «Боинг» оказался гораздо комфортнее «ТУ-114», на котором мы летели сюда еще неделю назад.

«Академик»

Надо ли говорить, что, приехав домой, я застала совершенно ту же картину, которую успела подсмотреть в своем недавнем сне. Те же обшарпанные стены и изуродованная кабинка лифта. Только сын, предупрежденный о моем приезде, уже не задавал нелепых вопросов, но молча обнял меня все в том же своем невозможном халате, и мы долго стояли с ним и плакали.

– Как долго тебя не было, мама, – восклицал он, – нам так тебя не хватало.

– Но зато я больше тебя не оставлю, – повторяла я.

Со стороны могло показаться, что после долгой разлуки обнимаются ровесники, но я-то знала, что стала старше его даже не на одну, а на несколько жизней.

Потом мы поехали на кладбище повидать могилку мужа, который умер три года назад. И опять мы плакали, но уже в последний раз.

Разумеется, я поехала и на работу, но там уже не было никого, кто бы был со мной знаком. К тому же и численность работников на бывшем «почтовом ящике» сильно сократилась, а пустующие корпуса взяли в аренду посторонние фирмы, в основном торговые.

В отделе кадров приняли от меня заявление, что я прошу восстановить меня на работе в прежней должности, и облег-

ченно вздохнули, узнав, что я не претендую ни на какую материальную компенсацию.

Затем я написала заявление об увольнении по собственному желанию, и с выправленной трудовой книжкой отправилась в пенсионный фонд.

Скоро я стала пенсионером с почти полувековым трудовым стажем, однако пенсии моей, как выяснилось, едва хватало расплатиться за коммунальные услуги.

А что же Гена – мой храбрый охотник? К сожалению, дела у него обстояли не так гладко, как хотелось.

В моем «почтовом ящике» его признавать не хотели, так как он был не штатным работником, а, так сказать, прикрепленным.

Когда же он поехал в Иркутск, оказалось, что такой организации, как «Каскад», давно не существует. Так что подтверждение его существования вообще оказалось под большим вопросом. Он не застал в живых своих родителей, у которых был поздним ребенком, и поэтому его единственной связью с человечеством оставалась одна я.

Ну, и как бы поступили Вы, оказавшись в подобном положении? Что сделал он, я знаю: пошел на охоту. По тем самым местам, по которым он невольно путешествовал, вроде, всего лишь спустя полгода, а на самом деле больше двадцати лет назад. Даже кедры успели за это время подрасти, а подлесок вообще превратился в большие деревья. А вот горы совсем не изменились, они были все те же...

Примерно в то же самое время я также не собиралась сидеть сложа руки, и первым делом устроила генеральную уборку в квартире, которой не касалась женская рука со времен моего отъезда.

Сын как мог пытался мне помочь, а на самом деле только суетился без толку. И еще я совершенно его смутила, задав вопрос почему он не женат. Он отвечал, что собирался жениться, но все никак не решался сделать предложение, а когда его девушка вышла замуж за другого, совершенно махнул на себя рукой.

Толя вдруг вспомнил, как отец рассказывал ему о странном звонке вечером того же дня, когда я пропала после снежной бури. Слышимость была очень плохая, но он узнал мой голос. Как будто я сообщила, что добралась нормально и попросила сказать сыну, чтобы он не расстраивался, когда от него уйдет девушка. Потому, что я нашла для него другую невесту.

Больше звонков от меня не было, и об этом все забыли. Даже когда приходили из каких-то официальных органов и расспрашивали обо мне.

Я хорошо понимала, что не могла звонить в тот день, но слова о том, что я обещала найти для сына невесту, не давали мне покоя. Мне вдруг до смерти захотелось понянчиться с внуками.

Узнав про мое чудесное спасение, к нам с первого дня начали приходиться соседи. Дом был ведомственный. Раньше

он принадлежал Бауманскому Техническому Училищу, а теперь – Техническому Университету, что было одно и то же.

С некоторыми соседями я была знакома еще со студенческой скамьи, с большинством по работе мужа, а с остальными – просто по-соседски. И у всех я спрашивала: как они запустили дом до такого состояния.

– А что мы можем поделать? – отвечали соседи.

Дела в Бауманке шли со скрипом. На технические специальности который год был недобор. Сейчас все стремились стать юристами или финансистами, а инженерные специальности не котировались у современной молодежи.

– Ну, хорошо, – убеждала я, – на работе проблемы и платят мало, но это совсем не значит, что нужно жить наравне со свиньями.

Не добившись согласия уговорами, я решила действовать своим примером. Купила краску и валики и ближе к концу рабочего дня вышла красить подъезд. Пример подействовал. Скоро нас уже было несколько женщин, а за нами и мужчины потянулись. Покрасили стены подъезда на всех этажах, отмыли кабинку лифта, а для того, чтобы бомжи не заходили в подъезд, решили организовать дежурство.

Сначала на общественных началах, а потом скинулись на зарплату вахтера. Нашли свободное место, соорудили перегородки и провели телефон. Скоро наш подъезд было не узнать.

– Мам, а я и не знал раньше, что у тебя такие организа-

торские способности пропадают, – твердил мой сын.

– А ты еще многого обо мне не знаешь, – отвечала я шутливо.

Постепенно молва обо мне ширилась и меня начали приглашать в разные студенческие аудитории. Получила я предложение и от бауманцев.

К тому времени я уже не просто отбывала «номер», рассказывая о том, что произошло в тот памятный день, но и говорила о том, какой я оставила страну двадцать два года назад и какой застала ее сейчас.

Да, я помнила и электрички из всех окрестных городов в Москву за продовольствием, и набившую оскомину идеологию, и пустые, бессодержательные передовицы газет, и еще многое-многое другое.

Но я помнила и достижения нашей страны и то, что на мою пенсию тогда я могла бы более или менее прилично жить, а теперешняя пенсия походила больше на насмешку.

И, главное, я помнила, что мы гордились своей страной и были ее патриотами, и никому бы не позволили оплевывать ее, как делают это сейчас, унижать и прошлое, и настоящее великого народа.

Это низкопоклонство перед Западом, признаться, корбило меня больше всего. И еще сплошные американские боевики в кинотеатрах и бесконечные сериалы по телевизору.

Некоторым, и таких было большинство, нравились наши встречи, другие пытались возражать, а иногда даже оскор-

бить меня.

Одним словом, я становилась популярной личностью, но эта популярность была неформальной, потому что ни одно официальное лицо со мной не встречалось и не общалось.

За исключением, пожалуй, одного случая.

Как-то утром мне позвонили и сообщили, что со мной хотят встретиться. К тому времени я уже привыкла к различным звонкам и к индивидуальным, и коллективным встречам, поэтому даже не стала уточнять, кто это позвонил и зачем нам встречаться.

Черная «Волга» с проблесковым маячком, обходя пробки довольно быстро доставила меня к девятиэтажному зданию на Хорошевском шоссе. Я даже не обратила внимания, была ли вывеска на этом стеклянном здании, потому что меня оперативно, без всяких формальностей доставили в кабинет начальника.

Он был мне совершенно не знаком, как, впрочем, и все другие видные деятели последних десятилетий.

Это был полный мужчина лет за шестьдесят, больше похожий на ученого, каким он в действительности и оказался, чем на чиновника или военного.

– Здравствуйте, Екатерина Ивановна, – сказал он сочным баском и представился, – наслышан о Вас и хочу познакомиться лично.

Он вышел из-за стола, протянул мне руку, а потом усадил в кресло напротив.

– А скажите, то что с Вами произошло – действительно было? – продолжил он.

Я подтвердила, что все в точности так и было.

– Еще один вопрос. Вы какими языками владеете?

Я ответила, как в анкете, что в школе и в институте изучала немецкий.

– Да, нет, я спросил, какими языками Вы действительно владеете?

– А Вам откуда это известно? – спросила я недоуменно.

– Ну, мне положено это знать по долгу службы. Так, какими?

Я рассказала, что неожиданно для себя обнаружила, что понимаю корейский и китайский, и говорю на английском.

– А еще на каких? – не унимался он.

Я чистосердечно ответила, что не знаю.

– А давайте проведем один маленький эксперимент, – предложил мой собеседник, – я буду задавать Вам вопросы на разных языках, а Вы постарайтесь ответить мне на том же языке, на котором я задал вопрос. Договорились?

– Хорошо, – ответила я и мы продолжили довольно оживленную беседу, которая продолжалась не меньше часа.

Мой собеседник был действительно ученым, потому что языков он знал, как мне показалось, не меньше десятка.

– Фу, – сказал он, устало отдуваясь и переходя на русский.

– Это просто поразительно! Вы меня совершенно выбили из колеи. Я и сам не знал, что помню некоторые из языков, а

Вы шпарили на каждом из них совершенно не задумываясь. Скажите, а Вы можете назвать, на каких языках мы с Вами только что разговаривали?

Я ответила, что, скорее всего, первым был арабский, потому что в моей группе в институте был студент из Египта, и я еще помню, как звучал этот язык, а про другие я сказать ничего не могу.

– Поразительно! – воскликнул мой собеседник, – мы с Вами разговаривали, действительно, на арабском, а еще на персидском или на фарси, на иврите, на языке пушту и дари, на амхарском и коптском. А Вы не заметили ничего странного в моем произношении?

– Нет, – ответила я, – только мне показалось, что на двух последних языках Вы выражались не совсем правильно. Я бы сказала немного по-другому. И я повторила его слова так, как считала правильным.

– Поразительно, – в третий раз повторил мой ученый собеседник, – я не знаю, как это можно объяснить, или Ваш феномен вообще не поддается рациональному объяснению, но Вы, Екатерина Ивановна, судя по всему, являетесь совершенно уникальным специалистом. А скажите, кто-нибудь еще знает о Ваших способностях?

– В таком объеме, как Вы, никто. Догадывается только мой товарищ по несчастью, и астроном в обсерватории. А больше ни с кем на эту тему я не разговаривала.

– Очень хорошо. Буду откровенен с Вами. Наша страна

переживает нелегкие времена. И еще я знаю, что у Вас сильны патриотические настроения. Скажите, пожалуйста, а мог бы я попросить Вас время от времени оказывать для страны определенную, весьма необременительную услугу?

– А почему бы и нет, – согласилась я, – для меня главное знать, что это принесет хоть какую-то пользу.

Мы условились, с кем я буду общаться впредь по рабочим вопросам, а со своим собеседником, которого я стану называть «Академиком», я еще долго потом не встречалась.

«Жаным, жаным...»

Затем, как-то сразу решилась и судьба моего Толика. Еще при первом посещении Бауманки я обратила внимание на кафедре у сына на славную скуластенькую девчущку с раскосыми глазками, высокую и тоненькую, как тростинка. Все звали ее Катя.

Вечером за ужином я спросила о ней сына.

– А, это моя аспирантка, казашка, зовут ее Катима. Только, видимо, придется мне с ней расстаться по причине ее полной неспособности к техническим наукам.

– Как же она попала к вам в аспирантуру, – поинтересовалась я, – у нее что, богатые родители?

– Да нет, и родители у нее совсем не «крутые», и окончила она университет с «красным дипломом», но после этого с ней что-то произошло. Дикая она какая-то. При встрече она буквально двух слов связать не может. А то и вовсе, покраснеет, расплачется и убежит. И повторяет только по-своему: «Жаным, жаным...».

«Да, ведь это по-казахски означает «милый мой», – смекнула я, – выходит, это не девчонке, а тебе нужно ставить «двойку» за отсутствие сообразительности».

Но вслух сказала:

– А давай мы ее пригласим в гости. Может быть она в домашней обстановке не так дичиться будет.

Так оно и получилось. От чая и любимых Толиком домашних блинчиков с джемом, да еще от нескольких приветливых слов оттаяла наша дикарка. А когда я под каким-то предлогом отправила сына в другую комнату и сказала ей несколько слов по-казахски – что тут случилось. Она бросилась мне на шею и, рыдая, начала рассказывать, что любит Анатолия Павловича еще со студенческих времен. Ради него и училась на отлично, и в аспирантуру поступила, а он ничего не видит и только сердится на нее. А тут еще парень из общежития, где она живет все это время, приставать начал. Буквально проходу ей не дает. И нет у нее, видно, другого выхода, кроме как вернуться в родной свой город Семипалатинск.

– Вы, наверное, и не слышали про такой? – спросила она сквозь слезы.

– Почему же не слышала? Слышала, правда, бывать не приходилось. В нем наш великий писатель Федор Михайлович Достоевский ссылку отбывал. Но давай-ка мы с тобой о другом поговорим...

Давно уже вернулся мой сын и с немым удивлением смотрел на то, как его мать и незадачливая аспирантка сидят на диване обнявшись, обливаются слезами и перекидываются фразами на совершенно не понятном ему языке.

– Вот, что, Катюша, – сказала я уже по-русски, – перебирайся-ка ты из своего общежития к нам. У нас как раз свободная комната имеется. А чтобы вот этот бесчувственный увалень тебя не обижал, я буду следить сама. А там посмот-

рим... Договорились?

В ответ она вспыхнула жарким румянцем и зарыдала уже в голос.

Нужно ли говорить, что скоро в нашей семье был уже не один, а два кандидата технических наук. Почему два? Потому что через несколько месяцев сыграли мы свадьбу. Довольно скромную, учитывая наши финансовые возможности, но веселую.

После ухода Кати, сын еще долго допытывался о характере нашего разговора, но я стояла как та скала, и не слова не сказала о чувствах девушки, предоставив ему самостоятельно пройти весь путь от антипатии до любви. И еще он постоянно твердил мне, как бы извиняясь за что-то, что он уже старый и толстый.

– Посмотри, какой у меня живот! Самому на себя смотреть противно. Разве могу я такой понравиться молоденькой девушке?

– Ну, о том, чтобы живот не висел, самому заботиться нужно. Кстати, если ты думаешь, что твой папа был вылитый Аполлон, когда я выходила за него замуж, то очень глубоко ошибаешься. А кроме того, у казахов в народе, как я слышала, еще до сих пор есть такое представление: чем у мужчины живот круглее, тем это престижнее. Понял, меня?

Ему еще многое нужно было преодолеть в себе, прежде чем он отважился сделать предложение своей Катиме.

Сейчас у меня подрастает троица прелестных внучат, рас-

косеньких в маму и пузатеньких – в отца.

Я, разумеется, от всех них без ума.

Мой охотник

Спустя почти полгода после нашего столь неожиданного возвращения, зимним морозным днем к нам в квартиру позвонили. Я открыла дверь. На пороге стоял, как мне показалось, незнакомый человек, в бороде, и немислимой, вероятно, собольей шубе, на голове у него был экзотический треух из того же меха, что и шуба, а на ногах – щегольские унты. В нем было что-то отчаянное и порождало ассоциации то ли с героями Мамина Сибиряка, то ли Джека Лондона.

В первый момент я его совсем не узнала, только глаза показались знакомыми: это был мой охотник!

Уже в прихожей Гена снял не только верхнюю одежду, но и накладную бороду, и превратился в прежнего молодежавого парня.

Однако было что-то новое в выражении его лица, и смысл произошедших в нем перемен я узнала только из его рассказа.

В один из первых дней своего повторного путешествия, переправляясь через небольшой знакомый ручеек он нагнулся, чтобы зачерпнуть воды и машинально взял со дна небольшой камешек, как будто кто-то специально ему в руку сунул. Так же, не глядя, повертел его в руке.

Камешек был плоский, как раз такой, чтобы пускать его по воде – «печь блины». Машинально провел по нему паль-

цем – он оказался совсем гладким на ощупь. И еще странно увесистым: так должен весить совсем порядочный «голыш». Только тогда Гена посмотрел на свою находку – без сомнения это был золотой самородок.

Сердце у него екнуло и забилося часто-часто. Еще в школе они ездили на экскурсию на север области, в Бодайбо, на золотоносный рудник. Там им показывали золотые самородки, некоторым даже руками давали потрогать – Гена и сам был из числа таких счастливцев.

Он внимательно посмотрел перед собой и заметил в ручье еще несколько самородков. Сомнений быть не могло.

Он открыл месторождение рассыпного золота.

Самое важное, что золота здесь никто не искал, во всяком случае, за двадцать лет его отсутствия. Все знали, что на северо-востоке области, в Бодайбо находится богатейшее месторождение Сухой Лог и еще множество других, и все это в глухой тайге, без дорог и жилья. А здесь было сравнительно, конечно, по сибирским меркам, близко и до Иркутска, и до трассы, а вот, поди ж ты, веками лежало здесь золото, дожидаясь, что придет сюда он, пропавший на два десятилетия чудесно спасшийся охотник, и совершенно случайно откроет все это богатство.

Гена разбил лагерь возле самого ручья и в течение недели буквально на четвереньках облазил русло ручья от его истока, бьющего из горы родника, до устья – места впадения в довольно крупную речку. Получилось километров десять и

езде встречались небольшие самородки. Но больше всего их было вблизи горы.

Гена приспособил для сбора самородков полуторалитровую пластмассовую бутылку из-под «Кока-Колы», слегка обрезав горлышко, и в конце поисков бутылка почти наполнилась, и таскать ее было тяжело.

Устроив подобным образом генеральную уборку ручья, и обезопасив, до некоторой степени, свой участок от других случайных посетителей, Гена надежно спрятал свои находки, оставив себе совсем немного, после чего вернулся в город.

В гостиничном номере он отправил мне телеграмму, чтобы я не беспокоилась и принялся обдумывать свое положение.

С одной стороны, он добыл кучу золота и совсем неожиданно для себя оказался богат, а с другой, – частный промысел и в новой России был, по-прежнему, запрещен, поэтому вся его добыча оказывалась незаконной.

Нужно было присмотреться к существующим порядкам и найти возможности реализовать свой капитал. Как ни странно, но именно отросшая борода позволяла смело ходить по городу, представляя, в случае необходимости, свой паспорт, и оформить документы для регистрации юридического лица. Он встретил нескольких своих однокашников, кого в секции боевых искусств, кого в проектно-институте, занимающемся технологиями добычи драгоценных металлов. Ко всем Гена внимательно присматривался, налаживал повторные зна-

комства мысленно подбирая людей в свою команду.

А затем неожиданно исчез даже для них.

Для того, чтобы изучить на практике весь процесс поиска и добычи, он завербовался на остаток сезона на золотой прииск в окрестностях Бодайбо.

– Ну и как, изучил? – поинтересовалась я за чашкой чая, в очередной раз пораженная испытаниями, выпавшими на долю моего младшего друга.

Он только рукой махнул.

– Помните, у Горького есть пьеса «На дне», так вот, это дно еще очень деликатно описано. Реальность гораздо более жестокая и грязная вещь.

Он, действительно, получил массу полезных сведений, но выбрался оттуда с большим трудом. И самой меньшей из неприятностей, которые он там «заработал», был педикулез.

Однако вернувшись, Гена сумел реализовать почти половину своего «золотого запаса», зарегистрировал свою фирму, которую назвал «Золото Сибири», и приобрел на нее лицензию на разработку золотоносного прииска.

– Так что теперь я официальный «золотопромышленник», – прибавил он не без гордости.

– Знаешь Гена, – сказала я, в глубокой задумчивости помешивая давно остывший чай, – я рада за тебя и горжусь тобой, как если бы ты был моим сыном. Пожалуй, даже больше, чем родным сыном. Ведь мы с тобой – единственные в целом мире, кто пришел из другого времени. И чем дольше

я размышляю над этим, тем больше мне кажется, что происшедшее с нами – далеко не случайно.

– Скажи, у тебя нет такого ощущения?

Он подумал немного, как бы взвешивая свои впечатления, и молча согласно кивнул.

А я продолжала.

– Помнишь, Витя Коваленко при первой нашей встрече сказал, что мы оказались «в ловушке времени»? Помнишь? А теперь я думаю, что не только мы, а вся наша страна очутилась в этой самой «ловушке». Ты посмотри внимательно, что происходит вокруг! Как будто страшная невидимая война произошла. Но не только на земле, но и в самих людях.

Это, как если бы кто-то вдруг выпустил все темное и жестокое, что копилось в каждом из нас и сказал: «Делайте, что хотите! Теперь все позволено».

Ты посмотри, чем заполнены теперешние газеты и телевидение: смакование насилия, секса, убийств и еще преклонение перед Западом.

А наверху? Ты посмотри кто правит нами? Всмотрись в лица тех, кто правит современной Россией. Прислушайся к их словам. О чем они говорят? Ты не увидишь ни в словах, ни в делах их даже тени сомнения в правильности выбранного пути, и даже намек на заботу о простых людях, даже проблеска мысли о будущем нашей страны.

Только деньги: доллары и золото стали мерилom всего, что ценится в этой жизни. В этом плане я тебя еще раз поздрав-

ляю: ты добился успеха в современном его понимании. Но скажи? Теперь ты можешь быть полностью счастлив? Тебя ничего больше не смущает и не волнует, кроме приумножения своего богатства?

– Как вы можете так говорить, Екатерина Ивановна, – даже обиделся, обычно невозмутимый охотник, – разве я чурбан какой-то бесчувственный? Я и сам, порой, пребываю в недоумении. Откуда у людей вдруг взялась такая жадность и такая злость? Особенно это бросается в глаза на прииске. И абсолютно никто не вступится за бесправных работяг. Будто нет никакой власти другой на земле, кроме денег и золота, будь оно трижды проклято!

– Ты золото не спешి ругать, оно ни в чем не виновато. Это люди устанавливают свои отношения и свои порядки. Я тут без дела не сидела и многое успела понять и по книгам, и по разным другим источникам, например, через интернет, и беседуя со множеством интересных людей. У меня как будто пелена с глаз спала: и как мы могли этого не замечать раньше? Но в одном я твердо уверена. Мы жили в прекрасной стране, и у нас выросло поколение прекрасных людей: умных, образованных, настоящих. И таких людей, по-прежнему, большинство. А те, кто всплыли сейчас, это пена. И у власти они не навсегда. В России у нас много умных и сильных людей, которые не сидят без дела, а продолжают борьбу.

И я, не вдаваясь в подробности, рассказала Гене о моей встрече с «Академиком».

– Так что же мне делать? – не сдавался Гена, – раздать все деньги бомжам и самому туда же податься

– Ну, что ты, зачем же такие крайности. Я думаю, что если все происшедшее с нами за последнее время было не случайно, то и золото тебе было открыто тоже далеко не случайно. Золото – это стратегический металл, и оно еще очень будет нужно России. Новой России. Поэтому очень важно, в чьих руках будет сосредоточена его добыча. Раз ты сумел отыскать его и добиться легального положения – значит ты можешь. Развивай свою компанию, подбирай единомышленников. Будь сильным и умным, поступай всегда по совести, показывай пример, не обижай бедных. И это будет твое дело.

– Ну, Екатерина Ивановна, – выдохнул мой охотник, – честно скажу, думал Вас удивить, но я и сам был удивлен не меньше. Как будто это Вы со мной разговариваете, а вроде бы и не Вы. Так изменились, что и не узнать. Я просто горжусь Вами.

– Да, что ты, Гена, – замахала я на него руками, – да и что может значительного сделать старая бабушка. Это вам, молодым, предстоит разбираться со всем тем, что наворотили за эти годы, да еще, не дай бог, успеют наворотить. Удачи тебе!

На том мы и расстались.

С того памятного нам обоим разговора прошло несколько лет. К сожалению, мои слова оказались пророческими.

В августе 1998 года в России грянул дефолт. Тушить эко-

номический пожар пригласили моего «Академика».

К тому времени он успел уже сменить место работы и руководил дипломатической службой из просторного кабинета на Смоленской площади. Лично мы с ним не встречались, но он со мной поддерживал контакты через моего куратора и частенько привлекал к участию в различные рода публичных, а порой и непубличных мероприятиях. «Академик» называл это «народной» дипломатией.

За тот недолгий срок, который он возглавлял правительство, его команда, набранная им из настоящих профессионалов, сумела провести ряд реформ и придать экономике страны такое ускорение, которое чувствовалось на протяжении еще нескольких лет, и стало, по сути, началом возрождения России.

Не терял даром времени и мой Гена, Геннадий Иванович Фролов, как называли его теперь многочисленные сослуживцы и подчиненные. Его компания «Золото Сибири» стала одним из лидеров по добыче драгоценного металла не только в Иркутской области, но и во всей Восточной Сибири.

С некоторых пор, проведя совершенно блестящую избирательную кампанию в своем округе, он стал депутатом Законодательного собрания.

Когда пошла молва о том, что в правительство страны вошли не липовые, а действительные реформаторы, он от имени группы депутатов подготовил аналитическую записку о необходимости перемен в области добычи драгоценных ме-

таллов в стране, и в начале весны прилетел в столицу.

Его в скором времени пригласили в Белый Дом, но каково же было мое удивление, когда одновременно с депутатом, приглашение получила и я.

Кажется, Гена был удивлен не меньше моего, но вида не подал и не стал никак комментировать это сообщение.

Вообще, он очень изменился за это время. Больше и речи не могло быть об эпатажном треухе и шубе из экзотического меха. Темный строгий костюм с неизменным галстуком стал его рабочей формой. Но он изменился не только внешне. Он, по-прежнему, был не склонен к многоречивости, но, когда он говорил, чувствовалось, что его слова хорошо продуманы и взвешены.

По старой памяти, за нами прислали машину. Только на этот раз не «Волгу», а «Ауди».

«Академик» был неизменно предупредителен.

– Когда в 93 году я протестовал против обстрела Белого Дома, то совсем не планировал, что однажды займу здесь один из кабинетов, – начал он свой прием.

– Я внимательно прочел Вашу записку, – обратился он к Фролову, – и обратил внимание на некоторые знакомые интонации, – кивнул он в мою сторону, – поэтому решил пригласить вас вдвоем.

– Вы только не подумайте, что Геннадий Иванович мог писать этот материал чуть ли не под мою диктовку. Он давно уже весьма успешный бизнесмен и вполне самостоятельный

политик, – возразила я.

– Знаю. Я давно уже слежу за карьерными успехами господина Фролова, – ответил мой «Академик». – В его компании не только самая высокая производительность труда, но и постоянный коллектив работников и созданы очень приличные социальные условия, одним словом, социализм в отдельно взятой капиталистической фирме.

– А Вы откуда это знаете? – искренне удивился Гена.

– А это мне положено по должности, молодой человек, – уже знакомо ответил премьер и продолжал, – мы обсудили Ваше предложение по реорганизации отрасли с моим заместителем Юрием Дмитриевичем и согласились, что перемены назрели давно. Хватит там компашкам заботиться только о своих местечковых интересах и сидеть на месторождениях, как собакам на сене. Государству с каждым годом будет нужно все больше золота. И это не подлежит обсуждению. Вы предлагаете начать с создания ГОКа – горно-обогачительно-го комбината. Ну, а если мы предложим Вам самому возглавить этот комбинат – согласитесь?

Гена молча кивнул.

– Даже если для этого, чтобы избежать конфликта интересов, Вам придется отказаться от своей компании?

Гена кивнул еще раз.

– Ну, что же. Если у Вас нет больше ко мне вопросов, зайдите, пожалуйста, к Маслюкову для решения конкретных задач. Это по его части.

Гена ушел, а я осталась.

– Хороший парень, – сказал премьер ему вдогонку, – побольше бы таких. Тогда никакие сепаратисты и даже никакие «американские друзья» нам не страшны будут.

– Вот здесь, я, Екатерина Ивановна, и работаю, впрочем, осталось уже не долго, – продолжил он, начатый разговор.

– Меня в Кремле не очень-то жалуют. Слишком я для них независимый. Но, пожалуй, мы с Маслюковым свою основную работу уже сделали.

– И не жалко будет уходить? – спросила я.

– Жалко, не жалко, – это не те вопросы, когда нужно отстаивать принципы. Зато нет худа без добра. Вот уйду я, и появится больше свободного времени. И смогу я, если Вы не будете возражать, продолжить нашу беседу на амхарском языке, а то я его из-за всяких текущих дел, совсем забывать начал, – закончил он наш разговор в полушутливом тоне.

Спустя всего каких-нибудь пару недель я узнала из сообщений прессы, что США начали бомбардировки Сербии. В знак протеста против этого шага супердержавы, самолет главы правительства России развернулся над Атлантикой и вместо посадки в Вашингтоне, куда он летел с официальным визитом, вернулся в Москву. Для всех нас этот разворот послужил сигналом к тому, что есть еще в России силы, которые не склонились перед творящимся произволом и готовы с ним бороться.

Такого своеволия в Кремле ему простить уже не могли, и

спустя пару месяцев мой «Академик» остался просто академиком. А мы, действительно, смогли иногда продолжать наши беседы, в том числе и на амхарском...

Не было бы счастья...

Моя следующая история началась с события отнюдь не радостного.

Мой холецистит долгое время не подавал признаков жизни, а потом вдруг раз – и оказалось, что у меня онкология, и уже в неоперабельной стадии.

Что было делать?

Я вообще по натуре человек не очень эмоциональный и не стала проявлять каких-либо внешних эмоций по этому поводу.

Возраст у меня был уже далеко не юный, даже по фактически прожитому времени. А по календарному – я вообще уже приближалась к долгожителям.

Из близких я поделилась только со своей невесткой Катенькой, с которой особенно сблизилась за последние годы. Катюшка моя, по-настоящему, радовала меня неумемной жаждой жизни и деятельности. Ей до всего было дело: и новыми научными идеями увлекаться, и иностранные языки изучать. Если по части науки я ей помочь не могла, то с языками у нас получалось довольно слаженно. Бывало за домашними заботами, особенно в период очередного декретного отпуска, мы общались с ней, непринужденно переходя с одного языка на другой, так что приходившему с работы сыну бывало даже сложно понять, о чем у нас идет речь.

Моя болезнь для нее, никогда до этого в жизни не болевшей, была настоящим ударом. Погоревали мы с ней, погоревали и так бы мои дни скоро и закончились, если бы не редкостное упорство и светлая голова моей умницы!

Для начала она вышла на моего «Академика», о котором знала до этого только понаслышке, и с его помощью определила меня в ЦКБ, где, впрочем, только подтвердили первоначальный диагноз.

А затем они на двоих с «Академиком» такое придумали, что сначала я иначе как «авантюрой» и назвать не могла. Но подумав немного, согласилась со всеми деталями их фантастического плана.

После ухода с высокого поста наш «Академик» несколько и не думал хандрить, как это иногда бывает с иными начальниками. Вокруг него, не переставая, толпились и наши, и иностранные политики, и бизнесмены, и всем требовался его совет и авторитетное мнение. По его инициативе был создан «Меркурий клуб», задуманный как открытая площадка для дискуссий, к заседаниям которой, по старой памяти, он иногда привлекал и меня.

Впрочем, ввиду моей болезни, я не очень следила за политическими событиями, в том числе за выборами нового президента.

Наш последний разговор происходил в расположенном на Ильинке просторном кабинете Президента Торгово-Промышленной Палаты, должность которую теперь занимал мой

«Академик». Я здесь бывала и раньше, правда, не часто, во всяком случае, не так часто, как бы ему хотелось.

– Мне очень жаль, Екатерина Ивановна, что мы с Вами встречаемся сегодня по не очень радостному случаю, – начал он, – впрочем, может быть, все еще можно исправить. По крайней мере, так считает Ваша юная родственница, и, признаюсь, она сумела убедить в этом даже меня.

Должен сказать, что Ваша невестка произвела на меня самое благоприятное впечатление не только умом и широтой фантазии, но и умением убеждать даже таких «мастодонтов», как я.

Последнюю фразу он произнес по-арабски, будучи уверен, что смысл ее останется только между нами. Однако он еще недостаточно хорошо знал мою Катеньку.

Она отвечала также по-арабски, хотя и не настолько свободно, как наш «Академик».

– Спасибо большое за столь лестный отзыв обо мне, но давайте перейдем к нашему предложению. Мне бы хотелось, чтобы оно исходило именно от Вас!

«Академик» только руками развел от удивления.

– У вас, что вся семья – полиглоты? Ладно, ладно, шу-чу! А идея наша состоит в следующем. Мы знаем, что Вы являетесь уникальным участником путешествия во времени. Нам известно место, время и приблизительные условия такого путешествия. Кроме того, известно, что, совершив прыжок во времени, Вам удалось избавиться практически от

всех хронических заболеваний. К сожалению, сегодня медицина бессильна помочь Вам. Но кто знает, как будут обстоять дела через десять или двадцать лет? Поэтому мы предлагаем Вам попытаться повторить эксперимент, и для этого в самое ближайшее время отправиться в знакомое Вам Заилийское Алатау.

Признаюсь, честно, я ожидала чего угодно, но только не этого. И на все остальное, типа, лечь в ЦКБ или даже отправиться для лечения за границу у меня был готов отрицательный ответ.

Но здесь! У меня даже голова закружилась, и я почувствовала, что ужасно хочу хотя бы одним глазком взглянуть на знакомые горы и это чудесное озеро. А там... будь что будет.

– Да, но сейчас мне уже не так легко отправиться в дорогу, да и в горах я могу доставить много неудобств в своем состоянии, – пробовала я возражать.

– Не волнуйтесь, – развеял мои сомнения «Академик», – я уже обо всем договорился с Нурсултаном Абишевичем, президентом Казахстана. Он распорядился во всем оказывать Вам содействие. И потом, не забывайте, что Вы отправляетесь не куда-нибудь, а на родину Вашей ближайшей родственницы – Катимы.

Тут уж и возразить мне было нечего. Мы сердечно простились с моим «Академиком», понимая, что встречаемся друг с другом, скорее всего, в последний раз.

Если не считать моего «ахового» состояния, я устроилась

просто замечательно.

Прямёхонько на месте нашего убежища, в котором мы совершили прыжок во времени, была установлена юрта, немного поношенная, но все еще целая. В здешний пейзаж она вписалась очень удачно и была совершенно не заметна с дороги.

Сразу за юртой был установлен биотуалет – большая редкость в здешней местности. Из обсерватории напрямик протянули кабель, так что освещением и обогревом я была обеспечена. Пищу и воду мне доставляли из обсерватории, и небольшая банька также была на ее территории.

Витя Коваленко, по-прежнему, оставался практически единственным постоянным работником, хотя после открытия им новой кометы, его должность изменилась – директор обсерватории. Он был очень мил и внимателен ко мне.

На первых порах была приставлена медсестра – но это оказалось крайне неудобно для нее и обременительно для меня. Поэтому, с помощью Вити, мы научились обходиться самостоятельно.

Наступил май – самый разгар весны в горах. И в промежутках между приступами боли, которые становились все продолжительнее, я наслаждалась покоем, горным воздухом и природой. Я выставляла из юрты низкую скамеечку и часами сидела, укутавшись в плед и любуясь знакомыми вершинами.

Непроизвольно я все чаще возвращалась к мысли о кон-

це моей жизни. И, странно, мне, с детства воспитанной в духе атеизма, уже не казалась чуждой мысль о существовании Высших сил. По их воле я пришла в этот мир и уйду из него, повторяя вечный закон бытия.

Мир и покой поселились в моем сердце.

– Скоро я уйду, скорее всего, уйду, так надо – говорила я себе, потому что силы мои таяли и времени на эксперимент оставалось все меньше.

Частенько ко мне приезжала Катя, которая устроилась на полставки в местную Академию Наук. Здание Академии находилось в Алма-Ате, хотя столицу вместе со всем руководством вот уже несколько лет как перенесли в Астану. Она была бодра, прямо-таки заряжена на результат, и, как мне кажется, больше всех верила в наш успех. А ценой этого успеха была моя жизнь, но, как выяснилось, даже не одна моя.

Как всегда, в горах весна была очень переменчива. Частенько высыпал мокрый тяжелый снег и, выходя утром, мне приходилась даже браться за маленькую жестяную лопаточку, чтобы расчистить место для моей скамейки у входа. Но уже через несколько часов снег стремительно исчезал, как будто съеденный плотным белым туманом. А к вечеру неизменно выглядывало солнце и, как по команде, прямо на глазах начинали появляться из мокрой земли зеленые травинки и нежные, почти бесплотные первоцветы.

В то утро с рассвета натягивало из ущелья за озером тяжелые тучи. А когда на своем неизменном «УАЗ» ко мне при-

ехал Витя Коваленко, по юрте всюду барабанил проливной дождь.

Приближалась гроза. Мы немного поговорили с ним, вспоминая прежние времена. Едва Витя успел сделать мне обезболивающий укол, как совсем близко раздался оглушительный треск, будто огромный великан разорвал над нами крепкое полотнище.

Тут же раздался грохот в самой юрте – это лопнула двухсотваттная лампочка.

Витя от неожиданности повалился рядом со мной, и наступила тишина...

Я провалилась как будто на мгновение, а когда пришла в себя, то услышала, как приглушенно звучит прекрасная музыка – мой любимый Второй фортепианный концерт Рахманинова – и почувствовала сквозь сомкнутые веки теплый свет. Но главное, привычная изматывающая боль в правом боку исчезла, будто ее и не было.

– Наверно я уже в раю, – подумалось мне, и тут же я почувствовала какое-то шевеление рядом с собой.

– Витя это ты? – просила я.

– Екатерина Ивановна, – послышался его сдавленный голос, – что со мной?

– Не с тобой, а с нами, Витюша, с нами! Значит, все получилось!

Пора было открывать глаза.

Юрта была белая и явно новая. Внутри невидимые гла-

зу источники света создавали комфортную освещенность. Даже вместо выдавшей виды раскладушки подо мной была удобная кровать с, как я потом выяснила, ортопедическим матрасом. На ней легко уместились двое: я и Витя Шевченко, который так и лежал, скрючившись после хлопка электрической лампочки во время грозы.

Когда же это произошло? И какое время сейчас? Я на удивление легко поднялась и даже протянула руку Вите, который был явно ошарашен путешествием во времени.

Так, взявшись за руки, мы откинули полог и вышли наружу.

Что же мы увидели? Ослепительно сияло солнце, зеленела трава, белели снега на вершинах гор. Но главное было не это.

Прямо напротив нашей, действительно белой юрты был установлен огромный экран, на котором бегущей строкой показывалось время.

31 минута, 11 часов, 28 мая 2022 года.

Витя даже вздрогнул от неожиданности. Для нас двадцать два года пролетели как одно мгновение. Что касается меня, то я была готова ко всему и смотрела на вещи более отстраненно.

Наверное, мы выглядели довольно комично: высокая седая женщина в домашней пижаме и мужчина средних лет, в линялом спортивном костюме и кроссовках на босу ногу.

А навстречу нам уже бежали люди и первой из них была моя Катя. Сначала мне показалось, что она совсем не изме-

нилась. Только когда она прижала ко мне мокрое от слез лицо, я увидела сеточку морщин вокруг глаз и пряди седых волос на висках.

Дальше был митинг, правда, немного скомканный, потому что вместо одного путешественника во времени их (то есть нас) оказалось целых два. Однако говорили горячо и много и первой предоставили слово моей Кате – Катиме Леоновой – Каримовой, академику Национальной Академии Наук Казахстана и члену – корреспонденту Российской Академии Наук.

После митинга нас, как водится, обступили корреспонденты и принялись выпытывать, кто мы и что мы. Мы с Витей, не сговариваясь, рассказывали одну только правду, только о моей болезни не упомянули ни слова.

Сразу после митинга меня повезли в лучшую клинику, и все как один врачи вынесли однозначный вердикт, что я абсолютно здорова, как говорится, хоть в космос запускай.

Мне, конечно, не терпелось расспросить Катю о семье, но из-за царившей суеты нам удалось остаться наедине только вечером в номере шикарного отеля, из окон которого открывался прекрасный вид на город, окруженный подковой сверкающих гор.

Выяснилось, что мои внуки давно уже стали взрослыми. Ребята, Паша и Толя пошли по семейной линии, стали учеными и работают один в Самаре, а другой в Иркутске. А у младшенькой внучки, Настеньки оказался прекрасный го-

лос, она закончила консерваторию и теперь солистка Государственного театра оперы и балета имени Абая.

– А Толя... , Анатолия Павловича вот уже как три года нет с нами, – мы сидели на диване и плакали, обнявшись как две подруги.

И было между нами то, что связывало нас теснее всякого родства и крепче любой дружбы...

Наутро мы приступили к самому важному.

Разумеется, для этого нашлось подходящее помещение, исключаяющее посторонние глаза и уши.

Катя рассказала о результатах своей двадцатилетней работы по изучению пространственно-временного континуума. Начало пришлось на то время, когда в силу естественных причин нужно было просто спасти мне жизнь.

Но тем то и отличается ученый от нас, простых смертных, что вместо стечения случайных обстоятельств, он видит непреложные закономерности.

То, что произошло один раз, должно было повториться еще и еще. Нужно было только создать подходящие условия.

– Я просто места себе не находила, когда, по сути, отправила Вас умирать в горах. Не знаю, чтобы я с собой сделала, случись это на самом деле. Но когда Вы исчезли, я поняла, что это закономерность: горы и гроза, и принялась за исследования.

Оказалось, что время и пространство не непрерывны, а дискретны, но для того, чтобы произошел скачок во време-

ни...

– Нужно выбрать подходящее место и приложить необходимую энергию, – дополнила я рассказ Катимы.

– Да, анализируя поток энергии, освобождающейся при грозном разряде, нам удалось выделить особую составляющую, которую мы назвали Вашим именем – «поле Леоновой». Оказалось, что его можно получать гораздо более простым и экономным способом.

– Теперь о пространстве. На земной поверхности существуют участки...

– Называемые в народе «местом силы», – снова прервала я свою ученую невестку.

– Да, но Вы, наверное, знаете, об этом больше меня, – воскликнула моя Катя.

– Нет, нет, я слушаю тебя очень внимательно. Просто удивительно, как многого ты успела добиться!

– Таких «мест силы» на Земле насчитывается двадцать семь, в основном в горах, но и в океане тоже. Наверное, и раньше случалось, что в этих «местах силы» исчезали люди. Но этому просто не придавали значения. Другое дело, когда в океане исчезали большие пароходы. Это было гораздо труднее не заметить. Но и здесь выдвигались гипотезы самые разные, в большинстве своем вполне фантастические.

– В России таких «мест силы» пять, и одно здесь, в Казахстане, в котором мы, сами того не ведая, оказались тем памятным днем. А скажи, ты поняла, можно ли вернуться

обратно в то время, откуда отправился в путешествие?

– Мне, кажется, поняла, нужно поменять полярность источника L – поля.

– Ну, тогда мне пора готовиться в обратную дорогу! – почти выкрикнула я.

Однако подготовка оказалась не такой простой и быстрой, как мне того хотелось.

Команда моей Кати долго и упорно готовила устройство биполярного источника L – поля.

А я готовила свою команду. Первоначально возвращаться решила только я.

Затем ко мне присоединился Гена, Геннадий Иванович Фролов, который уже несколько лет был Полномочным Представителем Президента в Сибирском Федеральном Округе России. Вероятно, он давно уже тяготился этой должностью, и поэтому вспомнил свою охотничью юность, и решил «тряхнуть стариной». Он отпросился у своего начальства и взял отпуск за все годы своей работы на этом посту.

Последним присоединился Витя Коваленко. После возвращения с ним постоянно приключались довольно-таки анекдотичные случаи.

Сначала его практически потеряли в двухтысячном. Ведь даже мое исчезновение из юрты хранилось как большой секрет. А уж куда подевался астроном из заштатной обсерватории, в те времена вообще мало кого могло беспокоить. Его «УАЗ» с неосмотрительно оставленным ключом зажигания

несколько дней стоял у дороги, а затем подростки из туристического лагеря угнали его, единственно с целью покататься и «расколошматили» у самого въезда в город.

Зато, когда Коваленко так неожиданно объявился и сделался знаменитым, он оказался в центре, можно сказать, международного внимания. Уже на следующее утро после нашего появления в его апартаментах раздался неожиданный звонок.

Одна уважаемая дама, жена австрийского аристократа, правда уже покойного, требовала немедленного видео сеанса с «месье Коваленкофф».

Оказалось, его беглая женушка, которая за годы своего отсутствия прошла, как говорится «огонь, воду и медные трубы», услышав о вселенской популярности своего «бывшего», неожиданно вознамерилась возобновить с ним тесные отношения.

Такой сеанс действительно состоялся. В двадцать втором году это вообще не было проблемой. И видимость была прекрасной. Казалось, что твой визави находится рядом с тобой и стоит только протянуть руку, чтобы дотронуться до своего собеседника, хотя, на самом деле, это была только его совершенная трехмерная модель.

После этой беседы Витя выглядел чем-то очень подавленным и был крайне неразговорчив. Впрочем, не нужно было быть очень проницательным, чтобы представить, как протекала встреча бывших возлюбленных.

Скорее всего, она как две капли воды напоминала сцену последнего свидания Финна с престарелой колдуньей Наиной из бессмертной сказки Пушкина.

Так или иначе, с этого дня Витя тоже резко засобирился в семьдесят третий.

Назад в 73-й

Когда же мы, слегка подуставшие после двухкилометрового марш-броска по занесенной снежным зарядом дороге, появились в «командирском домике», нас встретили громкими приветственными возгласами.

Я тоже была очень рада вновь очутиться в кругу друзей.

Каждый подходил, жал мне руку или обнимал и замечал, что я очень изменилась за прошедшее время.

– Ребята, какие могут быть перемены, ведь со многими из вас мы виделись всего пару недель назад в институте.

– Нет, нет, что-то в Вас, определенно, изменилось.

Потом внимание переключилось на Гену Фролова и даже на Витю Коваленко. Несмотря на то, что мы старательно подбирали свою одежду, чтобы она не слишком отличалась от той, что носили в семидесятых, разницу тут же заметили и принялись шутить по этому поводу.

Один острослов даже заметил, думая, что очень оригинален:

– Вы прямо как гости из будущего.

Впрочем, веселье продолжалось не долго и скоро все снова принялись за работу. Коваленко отправился вместе с нами устраиваться с жильем, но прежде мы заглянули в домик астрономов. Стоило видеть, как рванулся Витя к своей жене.

– Витюня, ты чего? – удивилась его красавица жена, – пу-

сти, а то задушишь. Дай поздороваться с Екатериной Ивановной.

Внимательный женский взгляд безошибочно определил произошедшие во мне перемены.

– Что-то в Вас изменилось, Екатерина Ивановна! А что – не могу в толк взять. Нет, вижу: выражение глаз изменилось, как будто Вы только что вернулись из далекого путешествия. И одежда какая-то странная, никогда такой не видела...

– Это Гена привез из Иркутска, у них там барахолка с прямыми поставками из Китая, – нашлась я.

– Да, и у Гены похожая одежда, и даже у мужа... Кстати, Витюня, когда это ты успел переодеться?

– Я встретил их за россыпью камней. Они там прятались от бури. Рядом ударила молния и сломала их снежную избушку, которую построил Гена.

– Да, Гена спас меня и себя от холода. Ведь он из Сибири, охотник, ему не привыкать, – добавила я.

– Я там и переоделся, не мокнуть же в сугробах – снегу вон сколько намело. Кстати, Гена и для тебя привез обновки, – Коваленко деловито полез в один из вещмешков, которые мы только что сняли и начал доставать какие-то вещи.

– Витюня, ты что это рыщешь в чужих вещах, как в своих собственных? Право, неудобно как-то.

– Да нет, все в порядке, – сказал молчавший до этого Фролов, – мы как будто знакомы уже много лет, а какое между друзьями может быть непонимание?

Ольга скрылась ненадолго за тканевой перегородкой, отделявшей кухню от импровизированной спальни, а когда она появилась в новой обновке, мы просто ахнули – так она была хороша.

В совершенном восторге был Коваленко. Недаром он так долго рыскал по магазинам, выбирая костюм для своей красавицы, и с размерами он не ошибся, даже несмотря на то, что не видел ее много лет.

Он опять принялся ее обнимать, а она шутливо отбивалась, повторяя, что не виделись пару часов, а он соскучился по ней, как будто они сто лет не виделись.

– Ну, не сто, а почти пятьдесят лет не виделись, – серьезно заявил Коваленко, и был совершенно прав.

– Я вот что решил, – выпалил он, очень торжественно, – больше я тебя на юг одну не пущу, будем летать только вместе, а иначе бог знает до чего можем дойти.

Он подумал немного, а потом решительно заявил:

– Я скоро открою новую комету и назову ее твоим именем, – и совсем уже не понятно для Ольги сказал, обращаясь к Гене, – надеюсь, ты не будешь против?

– Ребята, я, может быть, чего-то не знаю, но и у меня есть маленький секрет, – и она прошептала что-то на ухо Вите.

Тот прямо взвизгнул в восхищении:

– У нас будет ребенок!

А красавица прямо-таки зарделась от смущения и шутливо закрывала ему рот своей ладошкой.

– Да, повезло Коваленко с женой, – сказал Гена задумчиво, когда мы шли к гостевому домику, который в это время заменял в обсерватории гостиницу, – впрочем, у него еще много открытий припасено из будущего, так что есть надежда, что она, действительно никуда от него не денется.

А потом наступил вечер и коллективное чаепитие, одно из тех, которые запомнились мне навсегда и согревали долгие годы.

Мы сидели на небольшой возвышенности над ровной площадкой обсерватории. Здесь строился новый дом, и пока была готова только открытая дощатая веранда с накрытым на ней столом.

За ним разместилась дюжина людей разных возрастов, объединенных между собой общей работой и поэтому понимающих друг друга буквально с полуслова.

– А помните, как мы навесили в Евпатории на телескоп столько приборов, что он, бедный, скрипел и грозил развалиться, – начинает Вадим Самонов, начальник нашего отделения.

– Да, – продолжает мой начлаб Виктор Бондарев, – а потом прибежал двухзвездный генерал и начал грозить судом, если мы испортим дорогостоящее оборудование.

– Тогда мы расположились на ночлег прямо под телескопом, чтобы, если он рухнет, то и спрашивать будет не с кого, – заканчивает Саша Шохин.

Он сегодня выступает в роли добровольного чайханщика,

с намотанным вокруг головы вафельным полотенцем – единственный остепененный кандидат наук среди этих молодых еще, в общем, людей.

Заходящее за горы солнце заливает нашу площадку теплым и густым, как абрикосовый джем, светом. Неспешно протекает дружеская беседа. Шохин разносит уже по второй пиале ароматного напитка, составленного по собственному рецепту купажа, из равных частей цейлонского, индийского и краснодарского чая.

После захода солнца я зашла в «командирский домик» и, в нарушение всех правил, заказала по рации наш домашний номер.

С замиранием сердца слушала родной голос мужа, с которым нас разделяли не только тысячи километров расстояния, но и долгие годы разлуки.

– Как ты долетела? – спрашивал он.

– Нормально, – отвечала я, – правда по дороге в горы нас застала небольшая снежная буря, но в конечном итоге все обошлось – мы живы и здоровы.

– Хорошо, а то на сердце у меня было как-то беспокойно, все щемило, но сейчас все прошло.

– Ты береги себя, Паша, – повторяла я, стараясь ни одной интонацией не выдать своих слез, которые произвольно текли у меня по лицу.

– И еще вот что, скажи Толику, пусть он не расстраивается, когда от него уйдет девушка: все равно она ему не пара.

Я ему другую невесту подыщу, нужно только подождать...

– А скоро ты ее найдешь? – доносился сквозь треск атмосферных помех его голос.

– Скоро, уже скоро, – повторяла я сквозь слезы.

Ведь не могла же я, на самом деле, сказать, что будущая невеста нашего сына, моя дорогая Катя – Катине, уже твердо стоит на своих длинненьких ножках и скоро пойдет в детский садик.

Часть 2

Проект «Феникс»

На календаре опять было 15 июня 1995 года. Двенадцать часов дня. Как минимум, двух часов хватило «Академику» для того, чтобы принять это решение.

Я смотрю на этого человека с немым обожанием и любовью, а он почти враждебно, во всяком случае, с нескрываемым недоверием.

На этот раз инициатором нашей встречи была я сама. Две недели назад я бросила в почтовый ящик на Главном Почтамте письмо на имя директора СВР. В письме сообщалось, что я обладаю огромным количеством ценнейшей информации, имеющей стратегическое значение для моей Родины – России. В подтверждение сказанному, я сообщила, что 14 июня этого года произойдет нападение чеченских боевиков на город Будённовск Ставропольского края.

Конечно, принимая это решение, я рисковала, просто чертовски рисковала. Но у меня не было другого выхода. Однажды, благодаря подобному решению я чуть не поплатилась свободой и, вероятно, даже здоровьем. Но это было тогда, а сейчас я была абсолютно уверена в этом сидящем передо мной человеке. И риск состоял только в том, что меня могут

задержать еще до того, как мое письмо прочтет сам Директор. Однако молчание начинает затягиваться, и это не очень хороший признак.

Он, по-прежнему, молчит, только внимательно читает какие-то пожелтевшие бумаги, которые принес ему моложавый мужчина с военной выправкой, по-видимому, секретарь. Наконец он закончил чтение и принялся внимательно разглядывать мой советский паспорт, который вынул из сумочки, отобранной у меня при входе.

– Леонова Екатерина Ивановна, русская, год рождения ... 1922? Однако, Вы неплохо сохранились, если, конечно, паспорт настоящий и он, действительно, принадлежит Вам.

– Конечно мне, не сомневайтесь, разве стала бы я Вас обманывать!

– А почему нет? – произнес он, явно о чем-то размышляя, – но если Вы не станете обманывать, то объясните мне, на милость, содержание вот этого интереснейшего донесения, полученного мною только сегодня из центрального архива КГБ и датированного, знаете каким годом?

– Я, думаю, 1973-м, – ответила я.

– Правильно, – не мог скрыть удивления мой собеседник.

– И Вы знаете, что в нем написано?

– Приблизительно, – ответила я, – скорее всего, в докладной сообщается, что в конце мая 1973 года в КГБ СССР, на Лубянке, обратилась гражданка, которая заявила, что обладает данными огромной важности, от которых зависит суще-

ствование СССР. В подтверждение своих слов она приводила даты предстоящего ввода и вывода войск Советской Армии в Афганистан и из Афганистана, которые должны были состояться в 1979 и 1989 году соответственно. В качестве доказательства она приводила документальный фильм, записанный у нее на странном устройстве, который она называла мобильным телефоном, размером с небольшую записную книжку. Устройство было у нее конфисковано, а гражданка признана недееспособной (вероятно, шизофрения). В результате неизвестная гражданка была отправлена на освидетельствование в психбольницу, но по дороге совершенно непонятным образом скрылась с документами, несмотря на все объявленные меры по ее задержанию... Я правильно все излагаю? – закончила я.

– Все правильно, – подтвердил он и добавил, – по паспорту это была гражданка Леонова Екатерина Ивановна, 1922 года рождения, русская, проживающая по адресу... Однако родные заявили, что Леонова Екатерина Ивановна пропала без вести по пути в командировку в обсерваторию в Алма-Атинской области...

– Это была наша первая попытка внедрения в прошлое с целью корректировки социально исторических процессов. К сожалению, она была полностью провалена мною. Несмотря на все мои доводы, со мной просто не стали разговаривать и намеревались отправить (как это тогда было в «моде») в сумасшедший дом.

– А что же происходит сейчас? – моего собеседника, видимо, начал забавлять происходящий разговор.

– Вторая попытка проведения субвременного социального эксперимента под кодовым названием «Феникс».

– С какой целью?

– Цель у нас с Вами одна: возрождение России.

– А где у Вас уверенность, что я снова не сдам Вас в психушку, как это уже пытались сделать до меня?

– Мое многолетнее знакомство с Вами и глубочайшее уважение к Вашей позиции патриота.

– Так мы были знакомы с Вами? Что-то я не припомню такой фамилии среди своих друзей.

– В мае 73-го я попала, как я понимаю, в ловушку времени и оказалась в 95-ом. Из всех влиятельных политиков только Вы заинтересовались мной, вернее моими внезапно проявившимися лингвистическими способностями.

– Это уже интересно. И какими же языками Вы владеете?

– Вероятно, большинством современных национальных языков. Когда мы познакомились, Вы протестировали мое знание десяти языков, но почему-то Вас особенно заинтересовало мое знание амхарского, – сказала я по-амхарски.

– Это просто удивительно! – воскликнул мой явно заинтригованный собеседник.

– Именно так Вы повторяли и при первой встрече. Вы поддерживали знакомство со мной в течение пяти лет, а затем, когда выяснилось, что у меня онкология, уговорили ме-

ня снова отправиться в путешествие во времени.

– И эта мысль пришла в голову именно мне?

– Нет, моей будущей невестке, но она, так же, как и Вы, еще и не подозреваете друг о друге.

– Очень странно все это... И на основании чего Вы решили вернуться в наше время и снова довериться мне?

– Я была посвящена в Ваши мысли и стала очевидцем Ваших действий вплоть до 2000 года.

– И что же я буду делать в эти годы? Мне это даже интересно.

– Скоро вы станете Министром Иностранных дел России, а в 98-м – Премьер-министром, правда, очень ненадолго.

– Ну, что касается Министра, это вполне возможно, мне уже предлагали этот пост, а вот Премьером стать я просто не соглашусь! Это при нашем-то Президенте!

– Вас будут долго уговаривать, к тому же это произойдет после дефолта.

– А, так значит, они все-таки доведут страну до дефолта!

– Ну, да ладно, – сказал он после паузы, – выкладывайте, с чем пожаловали на этот раз.

– Так вы верите, что я не сумасшедшая, и то, что я Вам сообщу, не является плодом моей больной фантазии?

Он помедлил немного, взвешивая все за и против, потом сказал:

– Пожалуй, я готов Вам поверить, но мне все-таки нужны аргументы более весомые.

– Тогда смотрите. Среди в очередной раз отобранных у меня вещей есть такая небольшая вещица. Назовем ее «смартфон». Он появился на Западе в начале двухтысячных и с тех пор претерпел множество модификаций. Но это у меня полностью отечественное производство...

– Этот что ли? Так у меня их целых два! Он достал один мобильник из моей сумки, а другой из старого конверта на столе.

– Который Вам нужен? Они оба даже не включаются!

– Разумеется, нет. Для этого нужен мой пароль, разрешите, я покажу?

Он молча кивнул. Я подошла к хозяину кабинета и по очереди коснулась указательным пальцем темных панелей смартфонов. Они моментально ожили, высветив на светло-голубом фоне написанное старинной вязью слово «Феникс».

– Вот видите, они узнали своего хозяина, – я слегка при-
тонулась ладонью к его плечу, – а теперь заменим пароль, надеюсь, Вы не возражаете?

Я взяла его указательный палец и коснулась панели одного смартфона.

– Все, теперь он Ваш.

– Я так понимаю, Вы, заодно, и меня пытаетесь перекодировать. Я знаю эту мнемотехнику вербовки агентов... Учтите, я не поддаюсь внушению.

– Ну, что Вы, – ответила я, – Вы личность совсем друго-

го уровня. И потом, мы считаем, что принудительная кодировка сознания снижает умственные способности человека, а Вам, мой дорогой, предстоит колоссальная работа в будущем. К тому же, повторяю, я совершенно не сомневаюсь в Вашем патриотизме. Тот поступок, который Вы совершите весной 99-го, будет служить примером для всех патриотов России еще много лет. Вам, кстати, он будет стоить Премьерства.

Вы разрешите, я возьму один из своих мобильников, ведь слухи о моем сумасшествии, надеюсь, не подтвердились? Теперь смотрите, как им пользоваться: Вы можете голосом давать любое задание, типа, получения информации по технологиям, научным открытиям и знаниям, залежам полезных ископаемых и прочее. Для этого достаточно обратиться: «Феникс, я «Академик», дай мне то и это». Надеюсь, вы не станете возражать, если это будут Ваши позывные?

– А Ваш?

– Мой позывной – «Вестница». Когда пожелаете со мной поговорить, назовите мой позывной.

– А если Вы будете в другом месте или ... в другом времени?

– Это уже не проблема. Для подзарядки устройства достаточно поднести его к любому источнику электричества, например, к включенному чайнику. А если нужно распечатать любой материал, просто положите смартфон рядом с любым, желательно, самым современным печатающим устройством

и поясните, что нужно сделать.

– А Вы можете рассказать мне немного о будущем? И на сколько лет вперед Вам удавалось заглянуть?

– Пока что только в пределах XXI века. И вот что интересно. Оказалось, структура пространства-времени дискретна. Она как бы нарезана ломтями по 22 года, которые существуют одновременно, если можно так выразиться. Почему именно так, мы пока не знаем. Вообще, человечество только начинает разбираться в этих вопросах, делает первые, пока еще робкие шаги.

Самое важное, что я могу Вам сообщить, так это то, что в недалеком будущем люди откажутся от представления истории, как последовательности достоверных фактов. Поскольку возможны перемещения во времени не только в будущее, но и в прошлое, вся история человечества теперь представляется как цепь вероятностных событий. Революция 1917 года могла произойти, но ее можно было и избежать, так же, как и Первой и Второй Мировых войн.

В одном из разделов «Феникса» Вам будут представлены все кризисные моменты ближайшего будущего. В том числе и террористические акты. На события в Буденновске, к сожалению, мы уже повлиять не сможем. Но в Ваших силах проводить профилактические мероприятия по предупреждению следующих терактов, выявлять бандгруппы и вовремя их уничтожать. Возможно, некоторых кровавых событий удастся избежать и тогда они исчезнут из Вашего спис-

ка, но, скорее всего, появятся новые и их тоже нужно будет стараться вовремя предупреждать.

Оказывается, что для того, чтобы добиться ускорения в развитии человечества, нужно прилагать усилия не только в настоящем и будущем, но и в прошлом. Вот почему была сформирована программа «Феникс», кстати, она международная. Оказалось, что в ренессансе России кровно заинтересованы не только мы, россияне, но и люди других стран.

Потому что Россия всегда играла и будет играть важную стабилизирующую роль в международной политике, представляя собой альтернативный полюс силы, не позволяющий раскручиваться маховику международных конфликтов.

Ясное осознание этого фактора произошло сравнительно поздно, где-то в третьем десятилетии следующего столетия. А программа «Феникс» разработана в середине четвертого десятилетия. Так много времени ушло на согласование всех аспектов программы и математическое моделирование ее возможных результатов...

Еще несколько слов о роли России. Она по своему сакральному значению выполняет роль не Империи, а связующего звена между разными культурами, религиями и традициями. Именно поэтому ее так яростно атаковали, но только дважды, почти четыреста лет назад и уже совсем недавно, эти действия почти достигли своей цели.

Но погодите, скоро она вновь возродится, подобно Фениксу, с нашей помощью или без нее – это уже не так важно.

Но пока что Россия очень слаба. Программа «Феникс» предлагает несколько основных направлений развития страны в ближайшем будущем. Я упомяну только о самых важных. О нынешнем Президенте я ничего не буду говорить, Вы и сами все знаете. Результат выборов в следующем 96-м году практически предрешен, наши заклятые друзья просто так не выпустят власть из рук, впрочем, Вы можете еще попытаться побороться, хотя бы ради того, чтобы набраться опыта.

Реальный срок первого Президента закончится в конце 99-го. Он сам назовет своего преемника. Бороться нужно за то, чтобы преемник был патриотом России. На ближайшие пять лет это, может быть, Ваша главная и самая трудная задача. Сейчас таких ребят довольно сложно найти. Поищите среди своих, действующих или бывших, хотя, как известно, бывших чекистов не бывает. Хорошо если бы это была не одна кандидатура, а, как минимум, двое ребят, а лучше даже несколько.

Вот какую архисложную задачку я Вам обрисовала, мой дорогой «Академик», – добавила я с улыбкой, чтобы смягчить свой нравоучительный тон, – да, впрочем, Вы и сами все это знаете. Новое только в том, что именно Вам будет открыто Будущее, вероятное Будущее, и только Вы сможете воспользоваться этим знанием. Ну, как, согласны?

Он ничего не ответил и только посмотрел на меня долгим внимательным взглядом. И я поняла, что снова принята в круг его друзей.

– Екатерина Ивановна, а что Вы будете делать? В каком времени собираетесь жить?

– Тут от меня зависит, к сожалению, очень немного. В 73-м мне не даст покоя Ваше КГБ...

– Оно совсем не мое, – обиделся «Академик».

– Ну, это я так, пошутила. В Вашем 95-м мне не даст жить онкология, которая настигнет всего через несколько лет. Жить во второй половине XXI века удобно, но для меня уже не интересно, потому что не останется ни одного знакомого мне человека. Поэтому остается 22-й год, выйду на пенсию, буду ухаживать за правнуками, правда произойдет это еще очень нескоро. Так что мы еще успеем с Вами поработать...

– А сколько, если не секрет?

– Ну, как минимум, лет двадцать. Вы довольны?

– Вполне. А Вы все время будете работать одна, без замены?

– К сожалению, а, может быть, и к счастью, профессия путешественника во времени доступна далеко не каждому, а, точнее, она пока уникальна. И совершенно не понятно, каким сплавом психических и физических свойств должен обладать человек, для того чтобы самостоятельно отправиться в путешествие. Выяснилось, что пока одна я могу не только достаточно свободно выбирать свой маршрут, но и брать с собой одного-двух попутчиков. Так что мне еще придется потрудиться...

– Скажите, а чем можно объяснить Ваше исцеление?

– Вы знаете, моя невестка интуитивно угадала, что это может произойти. Возможно, в путешествии во времени заново происходит сборка всего организма на каком-то чуть ли не молекулярном уровне, и все больные клетки отбраковываются. Когда-нибудь люди и сами научатся это делать, а сейчас я могу предложить Вам только прокатиться на лифте времени.

– Нет, спасибо, как-нибудь в следующий раз, – отшутился «Академик», – у меня пока и в нашем времени дел по горло. Да, вот еще, какой вопрос: «Феникс» – это единственная программа из будущего?

– Во все нет. Таких программ несколько, но я считаю «Феникс» самой главной, потому что я русская. Существует еще программа развития Китая. Кстати, не забудьте про восточный «вектор» развития России. Ведь через двадцать лет Китай будет второй экономикой мира, и с ним лучше дружить.

В глазах моего собеседника я уловила лукавый огонек и неожиданно заметила, что разговариваем с ним то по-арабски, то на фарси. И уж совсем он выглядел довольным, когда мы стали изъясняться на амхарском.

«Адмирал»

Был уже поздний воскресный вечер, почти ночь, когда закончился его рабочий день. Он вышел из служебной машины, отпустил ординарца и зашел в подъезд ведомственного дома. Дежурный вскочил при виде большого начальства и, приложив руку к виску, принялся рапортовать.

– Вольно, – не дослушав рапорт, коротко приказал он, и все-таки спросил, – надеюсь, все спокойно, – и, немного помедлив, – моя жена не приезжала?

– Никак нет, все спокойно, Ваша жена, товарищ адмирал, не приезжала, – отрапортовал на одном дыхании дежурный.

– Разумеется, – подумал он, – на даче в подмосковном Архангельском не в пример лучше, чем в прожаренной июньским солнцем столице.

Он взял ключи, поднялся по лестнице на свой этаж и отпер дверь. В прихожей было темно, но вместо теплой затхлости давно не проветриваемой квартиры, он почувствовал аромат вареной картошки и пряный запах селедки, заправленной постным маслом, с уксусом и репчатым луком.

Это был запах далекой юности, который он так прекрасно помнил и который неизменно встречал его, когда в редкие поездки в ближнее Подмосковье наведывался в заветную квартирку, о которой знал только он и еще две женщины.

Он быстро прошел в гостиную и, увидав на фоне светлого

окна знакомый силуэт, но еще не совсем уверенный, негромко окликнул: – Аля?

Так меня называл только он – мой папа, адмирал, нарком Военно-морского флота страны.

Это был удивительный человек – большой, красивый, самый умный, самый добрый и родной на свете. Я с замиранием сердца следила за каждым его движением, когда он приезжал к нам с мамой сначала в Архангельск, откуда все мы были родом, а потом в Звенигород, где он выхлопотал для нас отдельную квартирку в стареньком домике над рекой.

Из рассказов мамы я помнила, что у них была большая любовь в юности, а потом обстоятельства воинской службы отца разлучили их, и он даже не знал, что родилась я. Когда он стал известным начальником и мама сумела отыскать его, он был уже женат. Однако он сразу признал меня за свою дочь и при встречах всегда заваливал подарками.

Я носила фамилию мамы, а в анкетах напротив фамилии отца писала, что отец погиб в бою в республиканской Испании, что могло быть правдой, потому что отец долгое время был в этой стране и даже участвовал в настоящих морских сражениях.

Я закончила школу с золотой медалью и собиралась поступать в Техническое училище имени Баумана.

Сегодня было воскресенье, 15 июня 1941-го, последний мирный выходной, до войны оставалась всего одна неделя...

– Аля, – снова повторил он уже более уверенно, – ты как

здесь оказалась?

Я бросилась к нему, приобняла, одновременно пытаюсь не очень сильно приближаться.

– Просто я захотела тебя увидеть, – ответила я заранее приготовленными словами, стараясь не вдаваться в подробности.

– Но как же ты сумела пройти мимо дежурного незамеченной? – не сдавался он.

Отец привык что везде и всегда должен быть порядок, и мое появление здесь было явным его нарушением. А тут налицо было двойное нарушение заведенного им порядка: мало того, что я заявила в его квартиру, что было строжайше запрещено, но еще умудрилась проскользнуть мимо бдительного дежурного. Однако выяснение причин незаметного появления совершенно не входило в мои планы, поэтому я решила отвлечь его.

– Папа, а ты знаешь, что скоро начнется война? – задала я вопрос, на который он попросту не мог не ответить.

– А кто тебе об этом сказал? – вопросом на вопрос ответил он.

– Да все говорят, – пожала плечами я.

– А ты знаешь, что за распространение слухов тебя могут арестовать? – продолжал отец.

Вместо ответа я совершенно неожиданно для него сняла парик, который в точности копировал косу, которая была у меня в девятнадцать лет, щелкнула выключателем и превра-

тилась в такую, какой была уже довольно давно – в женщину около пятидесяти лет.

От неожиданности отец даже отшатнулся от меня и схватился за кортик, который был на ремне его морской портупеи.

– Кто вы? – ледяным тоном выкрикнул он, – и что вы здесь делаете?

– Папа, я твоя родная дочь, – как можно более убедительно попыталась разъяснить я, – только я вернулась к тебе из далекого будущего такой, какой буду через тридцать лет.

Ты еще увидишь меня в таком возрасте, например, в 1973 году, а вот я тебя таким, как ты сейчас, больше не увижу...

– Вы мне сказки не рассказывайте, – продолжал он все тем же враждебным тоном, выставив кортик – сейчас я сдам вас дежурному, а в НКВД разберутся, какая вы «гостья из будущего».

– Папа, я пришла к тебе для того, чтобы предупредить: в ночь на 22-е число Гитлер нападает на Советский Союз. Папа, через неделю начнется война! Ты слышишь меня?

Слово «война» произвело на отца сильное впечатление, но он и не думал сдаваться.

Прошло несколько минут тяжелого, я бы сказала, зловещего молчания. Наконец он принял решение.

– Докажите, что все, что вы говорите является правдой и вы не вражеская шпионка.

– Знаешь, папа, я всегда была уверена, что ты самый ум-

ный человек из всех, кого я знаю. Поэтому ты поймешь и правильно оценишь ту информацию, которую я обязана тебе предоставить.

Наверное, ты читал фантастические романы о путешествии во времени. Но оказалось, что это совсем не фантастика, и я, твоя дочь, действительно, обладаю уникальной способностью перемещаться в разные эпохи. В далеком будущем люди в разных странах осознают, насколько важна роль нашей страны для судеб мира и создадут программы для оказания помощи в переломные моменты нашей истории. Сейчас наступает один из таких моментов, и судьба нашей страны висит буквально на волоске.

– Ну, положим, вы несколько преувеличиваете.

– Нисколько, это вы, все руководство страны, безрассудно преуменьшаете грозящую опасность.

Я повторяю, война начнется в ночь на 22 июня. Только в первые дни войны фашисты уничтожат 1200 наших самолетов, причем 900 из них прямо на земле.

– А чем вы докажете, что это не провокация?

– Хорошо, – сказала я, и достала из сумочки продолговатый предмет, похожий на небольшую записную книжку.

– Это прибор, который появится только в начале XXI века. Называется он «смартфон». А этот экземпляр изготовлен в 40-ые годы следующего столетия. В нем находится программа «Щит», подготовленная для оказания помощи СССР.

Я прикоснулась пальцем к экрану, и он ожил, высветив на голубом фоне огненными буквами слово «Щит».

– Я «Вестница», – сказала я, – пожалуйста, выступление Молотова, – и тотчас же в тишине квартиры зазвучал его голос.

«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...»

– Надеюсь, ты узнал голос Народного Комиссара? – спросила я.

– Но почему не выступил Сталин? – недоуменно спросил Адмирал.

– Он выступил только 3 июля. Слушай.

– Будьте добры, выступление Сталина, – скомандовала я.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается, несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную

часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность».

Конечно, отец узнал голос Молотова, и, тем более, голос вождя. Он уже ясно понимал, что это не могло быть провокацией. И то, о чем говорили вполголоса, с оглядкой, подозревая, что это могло случиться, скорее всего должно было случиться, но все-таки надеялись, видя уверенность Сталина, может быть только кажущуюся, но тем не менее публично демонстрируемую, – сейчас это стало для него достоверным фактом.

И от глубины той страшной пропасти, которая внезапно открылась перед этим большим и сильным человеком, он разом как будто осунулся и постарел на несколько лет. Таким я видела отца через несколько лет после войны, когда он неожиданно был снят с должности и предан суду Военной Коллегии.

– Но этого мало, – продолжала я.

– Уже 8 сентября фашисты окружат Ленинград, блокада которого продолжится 872 дня и будет стоять жизни почти миллиону его жителей. А 30 сентября немцы будут уже под Москвой, и битва за столицу продлится почти полгода.

– Надеюсь, Москву они не возьмут? – с трудом переводя дух, спросил мой Адмирал.

– Нет, ни Москву, ни Ленинград, ни Сталинград фашистам захватить не удастся, но они захватят, разграбят и уничтожат сотни других советских городов.

– А когда же придет день победы? – снова спросил отец.

– 9 мая 45 года. Но победа достанется советскому народу страшной ценой. Война унесет жизни почти 30 миллионов наших граждан.

Опять наступило продолжительное молчание. Но во взгляде Адмирала я больше не чувствовала враждебности. Кортик он тоже незаметно вложил в ножны.

И на этот раз первым начал говорить он.

– Вы извините, что я не буду называть Вас дочерью – для меня это слишком разительный контраст между юной девушкой, еще почти ребенком, и Вами, зрелой и мудрой женщиной. Умом я понимаю, что и она, и Вы, скорее всего, один человек, но привыкнуть к этому я еще не могу. Я Вам скажу то, что не рассказывал еще никому: вчера я был с докладом у Сталина, в котором привел данные о том, что немцы выводят свои корабли из советских портов, что, по моему мнению, является признаком приближающейся войны. Я просил дать разрешение, также вывести наши торговые суда из портов Германии, на что «Хозяин» в категорической форме запретил это делать, заявив, что это наши враги и ложные друзья пытаются сравить его с Гитлером в своих интересах. Это какое-то наваждение или необъяснимый сеанс массового гипноза: видеть, понимать, но не иметь возможности сказать это

слово, которое и без этого у всех на устах – «завтра война».

– Думаю, что, кроме нашей самонадеянности, это была и блестящая работа немецкой разведки, возможная только при условии, что все решения за всю страну принимает один человек. Позже такое положение назовут «тоталитаризмом».

Ну, да дело сейчас уже не в этом. Война – практически свершившийся факт, и в этом все убедятся уже через неделю. А сейчас здесь об этом знаем только мы с тобой. Пони-маешь, папа, реальность устроена таким образом, что практически одновременно существует множество времен: и мы, живущие за неделю до войны, которую скоро назовут Великой Отечественной, и время до нас, и после нас – их великое множество. Реальности, в которых мы существуем, похожи на нарезанные равными дольками кусочки арбуза. Каждая существует сама по себе, но все переходят одна в другую, начинаясь с того самого момента, на котором закончилась предыдущая реальность.

– Папа, – сказала я, – позволь, я тебя хоть немного покормлю.

Мы прошли на кухню, где так же, как и во всей квартире, корпусная мебель была затянута в белые холщовые чехлы. Ловким движением фокусника я смахнула со стола салфетку, и перед ним предстали именно те закуски, наличие которых он почувствовал еще при входе в квартиру. В заключение я слегка подогрела томленную в сливочном масле молодую картошечку и достала из новенького холодильника за-

потевший графинчик с анисовой, которую он весьма уважал, хотя и не злоупотреблял спиртным никогда. Этот холодильник ХТЗ-120 был предметом особой гордости отца, всегда питавшего слабость к техническим новинкам.

Несколько минут отец сосредоточенно ел, а я сидела напротив и смотрела на него, стараясь запомнить его таким, каким он был сейчас: на вершине своей карьеры, молодой, красивый и полный нерастрченных сил.

Наконец отец закончил есть, выпил пару лафитников водки в начале и в конце еды и решительно отодвинулся от стола. Здесь за столом появился пузатый самовар и накрытый разукрашенной ватной бабой заварочный чайник с дегтярного цвета чаем. К ним прилагались сахарница с колотым белоснежным сахаром и солидный запас флотских сухарей.

И опять я с удовольствием смотрела, как он расправляется с крепчайшими сухарями, с легкостью дробя их крупными белыми зубами.

– Зубы у меня в него, – подумала я, – до сих пор все до одного целые, а вот фигурой я пошла в маму. Тоже высокая, в юности была тонкая, а сейчас, пожалуй, сухопарая.

– Ну, уважила ты меня, дочка, – сказал Адмирал, – такой ужин приготовила, а я уж думал, что придется по-холостяцки чаем с сухарями обходиться, а затем добавил, – рассказывай: зачем пришла ко мне в таком виде?

– Если я скажу, что просто захотелось тебя увидеть, ты, конечно, мне не поверишь. Нет, я пришла не просто преду-

предить тебя о начале войны.

В программе «Щит», о которой я тебе говорила, заложена вся возможная информация обо всех больших и малых сражениях на суше и на море. Большой раздел посвящен развитию техники, прежде всего военной, но также гражданской и, так называемого, двойного назначения. Именно, начиная с этой войны, новинки военной техники начнут играть решающую роль в достижении победы над врагом не только в отдельных сражениях, но и в исходе всей войны.

Еще во время войны станет ясно, что Германия работает над совершенно новым видом оружия – атомной бомбой. Если бы она была завершена несколькими месяцами раньше – еще не известно, кто вышел бы из нее победителем. Разработками гитлеровцев сумеют воспользоваться американцы. Они возвестят начало новой эры двумя взрывами атомной бомбы над городами Японии. Эти взрывы будут практически бесполезны в военном отношении, но явятся прекрасным средством устрашения и запугивания. Эти взрывы японцы будут помнить многие десятилетия и не только не станут осуждать «янки», но будут бояться даже называть имя агрессора. И беспрекословно ему подчиняться.

Вся необходимая информация о создании атомной и еще более мощной водородной бомбы находится в этом «смартфоне». Вы сможете воспользоваться ею в любой момент.

Но дело даже не в секрете формулы расщепления урана, а в том, что для освоения новых технологий необходи-

мо разработать множество новых материалов, создать с нуля огромное количество производств, организовать кооперацию нескольких министерств. Это станет возможным только после того, как в Советском Союзе осознают жизненную необходимость форсирования работ по созданию бомбы. Такой приказ может отдать только Верховный Главнокомандующий – Сталин.

Аналогичная ситуация сложилась и с разработкой ракетного оружия. Очень много вреда принесла стране начатая с середины 30-х годов борьба с «врагами народа». Тоталитарное государство само душило передовую науку, и нужна была сильнейшая встряска, для того чтобы положение коренным образом изменилось.

Такой встряской для страны станет Великая Отечественная война.

Но теперь все изменится, и важно, чтобы в руководстве страны появился хоть один, а лучше если группа разумных людей, способных не только трезво взглянуть на вещи, но и воспользоваться возможностями программы «Щит».

– Поэтому, папа, выбор пал на тебя.

– Но, почему на меня? Разве я совершу что-нибудь необычное?

– Ты будешь известен и через пятьдесят лет. А через семьдесят пять с авианосца, носящего твое имя, будут взлетать самолеты в Средиземном море и расстреливать террористов, возомнивших себя государством.

– Так значит, у нас все-таки построят авианосцы?

– В то время он будет одним-единственным. Но этот поход станет символом возрождения военно-морского могущества России.

– А что, у России и тогда будут непростые времена?

– Будут, да еще какие!

Но сначала Советский Союз победит в этой войне, которую назовут Великой Отечественной, а потом разразится, так называемая, холодная война, а точнее, битва за выживание. Жестокая гонка вооружений, борьба за победу в Космосе, в технологиях, в музыкальном и киноискусстве, наконец, соревнование за удовлетворение потребностей и свободу каждого человека.

Все это дополнится тотальной пропагандой Западного образа жизни, во многом вымышленного, показного, но талантливо изображенного с подлинно голливудским размахом.

– И кто здесь победит?

– К сожалению, не мы, папа.

Но развалит страну не внешний враг, а алчность и эгоизм его руководителей, которые сочтут за лучшее ради своих амбиций пожертвовать великой страной.

– И когда это произойдет?

– Ровно через пятьдесят лет.

– Так вот чем это закончится... Я всегда знал, что государством должен править закон, а не партийные работники.

И боязнь потерять высокое положение, подлость и наущничество не должны побеждать гражданское мужество и ответственность перед народом.

– Да, и за свою принципиальность ты наживешь множество врагов и массу неприятностей. Кроме всего прочего ты войдешь в историю за то, что единственный из наших военачальников, ты дважды станешь контр-адмиралом, трижды – вице-адмиралом и трижды получишь высшее воинское звание на флоте – Адмирал Флота Советского Союза. (Чтобы не огорчать отца, я промолчала, что в третий раз он станет Адмиралом уже посмертно).

С самого начала войны ты станешь членом Ставки Верховного Главнокомандования и будешь участвовать в принятии важнейших решений.

А после войны тебе предстоит разрабатывать программу развития флота СССР. Именно поэтому, папа, мне поручили передать тебе программу «Щит». Ты согласен?

Он помедлил немного и твердо произнес:

– Согласен.

– Тогда смотри, – я взяла большую ладонь отца и прикоснулась его указательным пальцем к экрану «смартфона», – теперь нужно произнести пароль. Пусть это будет «Адмирал», ты не возражаешь?

Теперь ты хозяин этого прибора и куратор программы «Щит». Посмотри, как им можно пользоваться. К сожалению, еще не существуют такие приборы, как принтеры и дру-

гие устройства. Однако всю информацию можно считать прямо с экрана. Если нужно увеличить масштаб, достаточно приказать:

– Режим проектора, и направить луч света на любую белую поверхность, например, стену. Думаю, что с фотографиями, сделанными с этих картинок, сможет работать любой чертежник. Для зарядки прибора достаточно положить его рядом с любой электрической проводкой, вроде вот этого провода к выключателю.

Потом мы еще долго сидели рядом и обговаривали детали предстоящей новой для отца работы. Пока я не заметила, что его неуклонно тянет ко сну. Отдых был необходим даже его могучему организму.

Я изрядно задержалась после разговора с отцом. Утомленный моим известием о неизбежном начале войны, он расположился спать, а я еще долго возилась на кухне, готовя ему завтрак и размышляя о грядущих трагических событиях.

Уже порядком рассвело, когда я вышла из адмиральской квартиры и размышляла о том, как мне незаметно пройти через охрану, стоящую у подъезда на первом этаже. И вдруг я увидела странно знакомую девичью фигурку, крадущуюся мне навстречу вверх по лестнице.

– Аля!? – скорее угадала, чем вспомнила, окликнула я ее, когда мы поравнялись.

– Что? Кто Вы такая? – вскинулась девушка испуге, – меня, кроме отца никто так не называл!

– Я знаю это не хуже тебя самой, – ответила я.

Но открываться я сейчас не собиралась, поэтому перевела разговор на другую тему:

– А, что, охрана опять спит?

– Ну, да, поэтому я так рано и собралась навестить отца.

– Ты знаешь, его сейчас лучше не будить. У него очень много работы, и положение в мире сама знаешь какое.

– Да, знаю, наверное, будет война...

Мы спустились вниз, прошли мимо мирно спящего дежурного и присели на лавочке во внутреннем дворе.

– Ты уже записалась на курсы медсестер? – спросила я.

– Да, а Вы откуда знаете? – опять удивилась девушка, – об этом я еще никому не рассказывала.

Вместо ответа я просто ее обняла. У меня было очень странное ощущение: разговаривать сама с собой с той только разницей, что вторая «я» была старше первой на несколько десятков лет.

Он проснулся, как и всегда, в половине шестого утра и рывком вскочил с кровати. В спальне никого не было, так же, как и в большой служебной квартире, которая полагалась ему как высокому должностному лицу. Он зашел в ванную и долго умывался, а затем брился опасной бритвой, предварительно тщательно подправив ее на ремне.

Ночное происшествие успело почти бесследно исчезнуть из его памяти, и он, мурлыкая под нос любимую арию из «Мистера Икса», вернулся в спальню.

И тут увидел посторонний предмет, который лежал на прикроватной тумбочке, и тотчас все вспомнил.

«Смартфон»! Адмирал поднял его и еще раз удивился весомой тяжести этого маленького предмета. Затем он слегка провел пальцем по гладкой черной поверхности экрана, и тот ожил – засиял кроваво-красной надписью «Щит» на бледно-голубом фоне цвета вечернего неба.

– Я «Адмирал», – представился он, и спросил, – сколько времени до начала войны?

– Сегодня 16 июня 1941 года, – ответил ему негромкий голос, – до войны осталось шесть дней. Доложить сколько часов?

Вместо ответа он сунул «смартфон» в карман широчайших морских клешей и в сердцах погрозил кулаком кому-то невидимому:

– Погодите же, вы, у меня!

Эти слова не разошлись с действиями Адмирала.

В ночь на 22 июня он отдал приказ о приведении военно-морского флота в полную боевую готовность, что позволило избежать потерь кораблей и морской авиации.

Еще пятнадцать лет с небольшими перерывами он будет находиться на капитанском мостике подведомственного ему флота огромной страны.

И важнейшие решения, которые он принимал, удивляли его современников своей прозорливостью, как будто он мог предвидеть их результаты на многие годы вперед.

Убийство Кирова

Я хорошо помню день, когда убили Кирова. Его смерть буквально всколыхнула всю страну.

Мне было двенадцать лет, я была пионеркой. В школе проводились траурные линейки. Мы зачитывали воззвания, обращенные к нашим старшим товарищам – коммунистам. И давали торжественную клятву отомстить врагам за смерть товарища Кирова.

Я была самой высокой в классе, и, кроме того, председателем совета отряда. Поэтому мне часто приходилось идти рядом со знаменем, которое выносил мальчик из старшего класса.

«Вот бы мне оказаться в Смольном, когда подлый враг целился в товарища Кирова, – не раз обращалась я в мечтах к этому страшному моменту, – я бы ни за что не позволила ему нажать на курок».

Что бы я смогла сделать, оказавшись против взрослого врага, я еще не знала, но была твердо уверена в своей победе.

Помню короткий приезд отца, когда он, уже командир крейсера, заехал к нам из Москвы после награждения орденом. Но вид у него был далеко не радостный. Я слышала, как он до позднего вечера шептался с мамой за перегородкой, которой была отгорожена моя половина комнаты. Я не могла слышать весь разговор, но ясно чувствовала тревогу в их

голосе и отдельные слова: «террор» и «репрессии».

С того времени прошло много лет. До неузнаваемости изменилась, а затем и вовсе исчезла страна, в которой я родилась. И теперь из открытых уже документов я могла узнать мельчайшие подробности убийства Кирова. Стало известно, кем на самом деле был человек, который его убил. И какими он руководствовался мотивами. Общепринятым стало мнение, что убийство этого видного деятеля партии и государства послужило как бы спусковым курком «Большого террора», который развернулся в последующие годы.

В результате, было репрессировано и расстреляно огромное количество не только рядовых граждан, но и руководителей государства, армии и флота. По сути дела, Красная Армия оказалась просто обезглавлена. Существовало даже мнение, что Гитлер решился на войну с СССР только после того, как узнал о страшных результатах репрессий.

Но интрига в оценке убийства Кирова все же оставалась. Казалось, спецслужбы просто воспользовались этим убийством для того, чтобы развернуть волну террора.

Но оставалось не ясным, было ли это убийство спонтанным или оно было спровоцировано. И кто, в таком случае, являлся заказчиком убийства.

В проекте «Антитеррор», разработанном в 40-е годы XXI века, было предусмотрено несколько мероприятий, которые, в случае их успешного выполнения, позволили бы предотвратить или ослабить волну террора, захлестнувшую нашу

страну в предвоенные годы.

И вот я неторопливо прохаживаюсь в просторном коридоре Смольного, делая вид, что с интересом рассматриваю пышную лепнину, щедро украшающую интерьеры бывшего Института благородных девиц. Впрочем, во всем сказывается недавно пережитая разруха. Части осыпавшегося лепного рельефа закрашены известкой. Филенки резных дверей забиты обыкновенной фанерой. Рабочий день в разгаре. Деловито снуют ответственные работники аппарата. Сошки поменьше и вовсе передвигаются рысцой.

И во всей этой массе людей мне нужно найти одного единственного – убийцу, пока еще потенциального.

На календаре 1 декабря 1934 года. Московское время 16 часов. Ровно через полчаса раздастся тот роковой выстрел. Его убьет мелкий совслужащий Леонид Николаев, 30-летний человек, озлобленный своей неудачной судьбой.

А вот, собственно, и он, одетый в мешковатое суконное пальто, растерянный, с шапкой-ушанкой в руке, которой он периодически утирает катящийся по лицу пот. Невыразительное, начинающее покрываться мелкой сеткой морщин лицо и подслеповатые глаза побитого и злобного зверька.

И тут я совершила непростительную ошибку. Вместо того, чтобы просто отобрать револьвер и сдать его охране, я начала вести с ним душеспасительную беседу.

– Здравствуйте, гражданин Николаев. Я знаю, зачем вы пришли в Смольный. Ваша цель – убить Кирова.

– Значит, и вам это уже известно, – даже с некоторым облегчением промямлил Николаев.

– Но скажите, зачем вы собираетесь это сделать? Товарищ Киров выдающийся гражданин, верный сын народа.

– А зачем этот «сын народа» спит с чужими женами? – завелся с полуслова Николаев.

– Вы видели, как жена вам изменяла или вам кто-то об этом сказал?

– Как же. Товарищ Борисов все видел, он врать не будет!

– А кто такой, этот товарищ Борисов?

– Он из НКВД, личный охранник Кирова. А вот и он, товарищ Борисов!

Я и не заметила, как из просторов бесконечного коридора возникли фигуры двух приземистых мужчин в военной форме и фуражках с красным околышем.

– Товарищ Борисов, подтвердите, пожалуйста, мои слова.

– Ты иди, Леня, иди, – покровительственно произнес охранник, профессионально оттесняя меня от убийцы.

– А вы гражданка, собственно, кем будете? – повернулся он ко мне.

Я достала из кармана кожанки удостоверение с почти подлинной подписью Ягоды и протянула его второму сотруднику НКВД.

– Ух ты, – присвистнул он, – личный представитель товарища Ягоды.

– Что-то я вас не припомню, товарищ, – с недоверием

буркнул Борисов, но я не дала ему опомниться.

– Я в аппарате недавно, – отрезала я, и добавила с напором – а вы знаете, что сейчас отпустили убийцу товарища Кирова?

– Ну, какой же он убийца? – осклабился презрительно, – для убийцы у него «кишка тонка», так, участник неудавшегося покушения. Согласовано со всеми инстанциями.

И добавил внушительно:

– Я лично зарядил его револьвер холостыми.

– Да, а вы в курсе, что Николаев раздобыл боевые патроны в курируемом НКВД спортобществе «Динамо»?

Борисов изменился в лице и опрометью бросился вслед за Николаевым, который успел уже завернуть за угол. Мы с его напарником поспешили следом.

Уже подбегая к приемной, мы услышали выстрел и истошный женский крик:

– Убили! Сергея Мироновича убили!

Картина была жутковатой: на полу навзничь лежало безжизненное тело, а вокруг него бегал Николаев, судорожно размахивая револьвером. Борисов одним прыжком подскочил к убийце, вырвал у него револьвер и наотмашь ударил им Николаева по голове. Тот беззвучно повалился на пол.

Затем Борисов осмотрелся, заметил меня и осклабился. В глазах его мелькнул дьявольский огонек. Я разгадала его намерение. Борисов понял, что его версия покушения провалена, и он решил переложить всю ответственность на дру-

гого, то есть меня.

– Не хватало только, чтобы меня сделали второй Фанни Каплан, – подумала я.

Охранник направил револьвер на меня и со словами:

– Это ты, сука, все подстроила, – спустил курок.

Раздался сухой треск капсюля, но выстрела не последовало: этот патрон стараниями самого Борисова оказался холостым. Я не стала дожидаться следующего выстрела, а мигом приблизилась к вредному НКВДешнику на расстояние вытянутой руки и аккуратно его вырубил. Признаться, я сама немало удивилась тому, как легко и просто это получилось. Как будто я всю жизнь прослужила в спецвойсках, и вот так обездвигать человека было моей основной профессией. Но удивляться было не время. Я деловито направилась к другому сотруднику НКВД и легким прикосновением пальца тоже уложила его рядом.

Ничего, через несколько минут они начнут приходить в себя, и тогда будет интересно, что они «запоют». Затем подошла к телу погибшего, вокруг головы которого расплзлась лужа густой крови и убедилась, что спасти его бесполезно. Я это сделала тоже почти машинально, как опытный патологоанатом.

Удивительно, но эти знания и навыки я приобрела, путешествуя во времени на данное задание. И в очередной раз сказала «спасибо» моим добрым друзьям из будущего.

– К сожалению, мы с Вами так и не познакомились, това-

рищ Киров, – подумала я.

Все это время женщина за секретарским столом, не переставая, вопила.

Я подошла к ней, несколько фамильярно под подбородок закрыла ей широко разинутый в крике рот.

– Меня зовут Екатерина Ивановна. А ты, верно, Мильда Драуле, жена Николаева? – спросила я, с некоторой неприязнью глядя на ее залитое слезами смазливое личико.

Она молча кивнула.

– Это правда, что товарищ Киров был хорошим человеком?

– Да, очень, – плаксиво промолвила та и снова принялась голосить.

– Сейчас уже поздно причитать. Хвостом нужно было меньше крутить, – сказала я наставительно.

Увидев стоящий на столе стакан чая, спросила:

– Это для него приготовила?

Получив утвердительный кивок, помешала ложечкой, отхлебнула глоток.

– Слишком сладкий, такой я не пью. Ты куришь?

Она также молча кивнула.

– Ты вот что: покури пока, а минуты через три вызови охрану и медиков. Ему, к сожалению, уже ничем не поможешь.

– Екатерина Ивановна, а меня арестуют?

– Ты, главное, помалкивай о том, что здесь видела, дольше

проживешь.

Напуганные выстрелами и криками к нам с опаской начали стекаться разные люди, которые вскоре станут «ценными» свидетелями. Поскольку они ничего не видели, их показания будут отличаться завидным разнообразием.

А я размеренной походкой отправилась к выходу. На душе у меня «кошки скребли». Мало того, что я провалила проект «Антитеррор», да еще и сама едва не погибла от пули этого «беспредельщика» из НКВД.

Мне казалось, что я иду не по ковровым дорожкам дворца, пусть даже и бывшего, а по навозной жиже, кишасей отвратительными червями, которых я с детства терпеть не могу.

И в такт шагам мне слышались тяжелые, как будто налитые свинцом, строки Мандельштама:

«Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны...»

А как же там дальше о подручных Горца?

«А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей...»

Дальнейшие события, произошедшие после смерти Кирова, либо хорошо известны, либо успели обрасти легендами.

Очень подозрительной оказалась гибель личного охранника и сотрудника НКВД Борисова, выпавшего из грузовика по дороге на допрос уже на следующую ночь после гибели Кирова. Поскольку разбить себе голову при падении из ехавшей на малой скорости машины весьма сложно, врачи подозревали, что его убили ударом лома в затылок.

Прибывший на следующий после смерти Кирова день в Ленинград Сталин, выглядел перепуганным. Существует легенда, что Иосиф Виссарионович в гневе прямо на вокзале при выходе из поезда ударил Медведя, главу управления НКВД по Ленинграду, по лицу.

Начальник ленинградских чекистов был приговорен к тюремному заключению сначала за халатность, но с началом больших репрессий по новому процессу в 1937 году расстрелян как участник крупного антисоветского заговора и соучастник убийства Кирова.

Мильда Драуле была арестована в декабре 1934 года, расстреляна 10 марта 1935 года. Вместе с Мильдой были репрессированы как «соучастники» и её родственники – сестра и её муж.

В день приезда Сталина в Ленинград глава НКВД Генрих Ягода перепугал актив ленинградских большевиков, ворвавшись в зал заседания впереди Сталина с обнаженным револьвером в вытянутой руке. В сентябре 1936 года Ягода был снят с поста наркома внутренних дел, в марте 1937 арестован, а 15 марта 1938 – расстрелян.

Его преемник Ежов стал одним из главных организаторов массовых репрессий 1937—1938 годов, также известных как «Большой террор». Сам период, на который пришёлся пик репрессий советского времени, получил название "ежовщина". В 1939 году он также был арестован, а спустя год расстрелян.

На посту наркома внутренних дел Ежова сменил Л. П. Берия, который, как известно, тоже плохо кончил.

Чай с вождем

Не все путешествия во времени (особенно в прошлое) я совершала, руководствуясь определенной программой. Были у меня и, так сказать, «частные» визиты, то есть те, которые я проводила по собственной инициативе. Таким оказался мой визит на родину Октябрьской революции в Питер.

И дело даже не в том, что за сотню лет, прошедших со времени ее свершения, образ революционера, беззаветного борца за свободу угнетенного пролетариата несколько утратил свою актуальность в связи с фактическим исчезновением пролетариата к 30-м годам XXI столетия.

Произошла девальвация самого понятия «революция».

Дело в том, что на рубеже XX и XXI веков стали модными книги американского теоретика «цветных революций» Джина Шарпа по методам ненасильственной борьбы с государствами.

Выпущенного из книжки Джина дьявольского джинна было уже не остановить.

Руководствуясь этими рекомендациями, страны Запада, прежде всего США, совершили множество государственных переворотов, которые называли и «оранжевыми», и «бархатными», но всегда «революциями».

Например, только на одной Украине (стране, образованной после распада СССР) в течение четверти века произо-

шло от 3 до 5 (это как считать) таких «революций».

И чем более кровавой и разрушительной оказывалась очередная революция, тем сильнее деградировало государство, на территории которого она произошла, и больше страданий она приносила людям. В конце концов всем стало ясно, что ничего хорошего от революций (в кавычках они или без них) ждать не стоит. Но от частого употребления слово «революция» утратило свой романтический флер и в XXI веке стало больше ассоциироваться с несчастьем и горем.

Поэтому исправить ситуацию, сложившуюся к 17-у году XX столетия, не брался никто из будущих поколений. Речь могла идти только о возможно менее тяжелых последствиях для России. С этими благими пожеланиями я и отправилась в прошлое.

Был канун Хэллоуина, о котором Россия тогда еще не знала.

Октябрь в Петербурге (Петрограде) – один из худших месяцев году. Так было всегда, а в конце октября 1917 года в особенности. Возможно это мне показалось потому, что на улицах, и без того затянутых пеленой тумана, по ночам горели только редкие уличные фонари. С Финского залива дул резкий, пронизывающий ветер. С тусклого, серого неба непрерывно лил дождь. Размазанная тяжелыми сапогами, повсюду под ногами была скользкая и вязкая грязь.

Смольный институт, штаб революции, располагается на берегу Невы. У конечной остановки трамвая возвышаются

купола Смольного монастыря, а рядом – огромный фасад Смольного института.

Революция захватила его и отдала рабочим и солдатским организациям. В нем больше ста огромных комнат, над уцелевшими эмалированными дощечками на дверях видны знаки новой жизни – грубо намалеванные плакаты с надписями: «ЦИК», «Фабричнозаводские комитеты», «Центральный армейский комитет» ...

В длинных сводчатых коридорах, освещенных редкими электрическими лампочками допоздна толпятся бесчисленные солдаты и рабочие. По деревянным полам непрерывно и гулко, точно гром, стучат тяжелые сапоги.

А глубокой ночью длинные мрачные коридоры и залы кажутся пустынными. Громадное здание точно вымерло. Вдоль стен на полу спят люди. Взлохмаченные и невымытые, они лежат в одиночку и группами, погруженные в тяжелый сон. На многих окровавленные повязки. Тут же рядом валяются винтовки и патронные ленты... Невероятно спертый воздух только раздражает горло, но не дает возможности вздохнуть полной грудью.

– Товарищ Ильин! Проснитесь, пожалуйста. Я Вам чай принесла, – вот уже несколько раз произношу я одни и те же слова, но лежащий на диване человек, только недовольно отмахивается, и ни в какую не желает просыпаться. Но у меня тоже нет иного выхода, кроме как попытаться поговорить с ним именно сейчас. С этим невысоким лысым человеком,

устало свернувшимся на потертом кожаном диване и укрытым старым когда-то дорогим пальтецом. Ведь он – вождь пролетарской революции.

Кажется, еще совсем недавно я видела его лежащим в мавзолее. А сейчас он еще «живее всех живых» и совсем не хочет отзываться на мои робкие попытки пробудить его ото сна. Вот к каким парадоксам приводит меня перемещение во времени.

И почему-то у меня язык не поворачивается называть его привычным именем.

Наконец он просыпается, садится на диване, свесив ноги в несвежих, прохудившихся на больших пальцах носках и недовольно произносит:

– Какой чай, я не просил никакого чая, – а потом подозрительно косится на меня, наверно, думая: «А ты кто такая? Что-то я таких рослых дам в нашем штабе не замечал», – и почему Вы называете меня «Ильиным»? Это просто мой литературный псевдоним.

– Извините, товарищ Ильин, и... выпейте чаю. Такого в Вашем окружении сейчас днем с огнем не сыщешь! Да и не смотрите на меня с таким подозрением. Я действительно не из Вашего окружения. Больше того, я вообще не из Вашего времени, а из довольно отдаленного будущего... И фамилию Ильин я взяла из подписи на фотокопии первой страницы Вашей рукописи «Государство и революция».

– Послушайте, что Вы мне голову морочите. Я действи-

тельно написал такую работу, но ведь она еще даже не издана!

– Она будет издана в мае следующего, 18 года, здесь же в Петрограде, а Вы, вместе с Совнаркомом будете работать в Москве. Кстати, Вашу работу я прочла в 33-м томе Вашего Полного собрания сочинений.

– Кажется, я сейчас вызову охрану, и мы посмотрим из какого вы будущего! – мой собеседник начал не на шутку выходить из себя.

«Ну вот, и этот начал грубить в ответ на мои совершенно правдивые слова. Ох, уж эти мужчины!» – с некоторой грустью подумала я и принялась терпеливо объяснять.

– Дорогой товарищ Ильин, Ваша охрана, в лице одинокого красноармейца за дверью, спит богатырским сном и едва ли проснется в ближайшие пару часов. Уж я об этом заранее позаботилась.

– Так вы еще и угрожать мне вздумали? – вскинулся тот.

– Боже упаси! Какая может быть угроза. Да все мы в Советском Союзе были с детства воспитаны на глубочайшем уважении к Вам, создателю нашего государства.

– Ну-ка, ну-ка, расскажите о себе, меня это уже начинает забавлять, – воскликнул он, заметно приободряясь, – судя по вашему виду, мы почти ровесники.

– Я моложе Вас почти на пятьдесят лет. Родилась в 1922 году, пережила Великую Отечественную войну и до 1973 года работала инженером на одном «почтовом ящике». Так

в наше время называли оборонные предприятия. Однажды, уже в предпенсионном возрасте, по пути в командировку, меня застала в горах снежная гроза, и я провалилась во временную яму. С тех пор я только и делаю, что путешествую во времени: то в отдаленное будущее, то в не менее далекое прошлое. Поэтому я даже затрудняюсь точно ответить сколько мне сейчас лет и из какой эпохи я прибыла. Скажу только, что я застала то время, когда отмечали 100-летие Октябрьской революции. И также побывала в том времени, когда праздновали ее 150-летие.

– Ну, а что вы можете рассказать о стране, этом, как вы говорите, «Советском Союзе»?

– К сожалению, эта страна перестанет существовать в декабре 1991 года.

Он посмотрел на меня внимательно, но, кажется, в его глазах не было скорби: видимо, слишком далеким казалось ему это время.

– Неужели революции удалось продержаться так долго? – после некоторой паузы выговорил он, – кстати, вы можете называть меня просто: Ильич. А вас как звать – величать?

– Екатерина Ивановна Леонова.

Конечно, значительно больше его интересовало свое время.

– А знаете, Ильич, – предложила я, – давайте, я покажу Вам историю революции, так сказать, в лицах.

– Как это «в лицах»? – не понял Ильич.

– Ну, в хрониках и художественных фильмах. Да, Вы садитесь, пожалуйста, за стол, пейте чай и смотрите «кино», которое я буду показывать, проектируя свет от моего «смартфона» вот на эту стеночку.

Ильич скоренько поднялся, сунул ноги в поношенные штилеты, опасливо покосился на меня, не заметила ли я дырки на его носках, и уселся за крохотный столик с изогнутыми ножками, который я услужливо придвинула поближе к дивану. На столик я водрузила свою сумку-термос с продуктами, приглянувшуюся мне еще в 20-е годы следующего столетия. Вот он уже с аппетитом уминает плюшечки, запасливо привезенные мною из своего времени, и смотрит видеотеку на тему недавно свершившейся революции. Некоторые «опусы» изрядно его насмешили.

– А это что, они полезли на ворота в Зимнем? Ведь их никто не закрывал! – комментировал он эпизод решающего штурма последнего оплота Временного правительства.

– Знаю, знаю, Ильич, – успокаивала его я, ведь это не просто хроника, но еще и пропаганда революционных событий.

– А что, пропаганда не может быть еще и правдивой? – резонно заметил он, на что я ничего не смогла ему возразить.

– А кто это так нелепо изображает меня? – спросил он во время просмотра отрывка знаменитого фильма.

– Это известный актер, Борис Щукин, – принялась оправдываться я, – принято считать, что ему удалось очень досто-

верно передать образ вождя, то есть Ваш, Ильич.

– Да-а? – недоверчиво протянул вождь, – а разве я так делаю?

Он вскочил, широко расставил ноги, взмахнул вытянутой вперед правой рукой и застыл.

– Ну конечно, Ильич, – с энтузиазмом откликнулась я, – у нас до сих пор стоят тысячи памятников с Вашим незабываемым жестом.

– В самом деле? – недоверчиво хмыкнул он, – надо будет попробовать на одном из митингов.

Вождь заметно начал отходить от недавней настороженности, и его потянуло на откровенность.

– Вы представляете, – доверительно начал рассказывать он, – я почти всю жизнь готовил революцию в России и уже начал думать, что не доживу до нее, а она свалилась как снег на голову в феврале, когда я совсем ее не ждал, и никто, кажется, не ждал.

Ведь я уже почти старик. По ночам плохо сплю. Меня часто мучают головные боли, и от волнения на коже появляется сыпь.

– Вот взгляните, – и он расстегнул рукав не очень свежей рубашки, чтобы показать выступившие повыше запястий розоватые прыщики.

– А сейчас я избран председателем Совнаркома и, по сути, стою во главе огромной страны, в которой только неделю назад произошла великая пролетарская революция.

Заметив, что он перестал есть, я начала собирать свой переносной термос.

– Там еще осталось достаточно для перекуса. Хотите, я оставлю его Вам? – спросила я

Но он даже руками замахал.

– Нет уж, забирайте свою скатерть-самобранку с собой. Она явно не нашего, не российского, производства. Увидят злые языки и скажут: «Вот, большевиков заграница плюшками подкармливает». Мало мне наклеивали клеймо немецкого шпиона только за то, что Германия нас через свою территорию пропустила. А теперь, вот, извольте оправдываться, за намерение заключить с немцами сепаратный мир. Мы, конечно, надеемся на всемирную революцию, а как она припозднится? Германии достаточно нескольких недель, чтобы прихлопнуть Петроград и нашу революцию вместе с ним.

Я ведь еще успею завершить дело всей своей жизни? – полувопросом закончил он фразу.

– Успеете, Ильич. Сто процентов – успеете.

– Ну, тогда я спокоен. Показывайте мне дальше ваше кино о нашей революции.

Мы, не торопясь, продолжили просмотр, а я внимательно прислушивалась к каждому междометию Ильича.

Меня так и подмывало задать ему кое-какие вопросы, но я пока не осмеливалась это сделать. Шутка ли сказать! Задать вопрос самому вождю революции.

Известие о подавлении сопротивления новой властью в

Петербурге и Москве он воспринял спокойно, как должно. А вот сообщение о ходе переговоров с немцами о заключении мирного договора и особенно информация о внутривнутрипартийной дискуссии привели его в чрезвычайно возбужденное состояние.

Минуты три он бегал по комнате, выкрикивая невразумительные междометия, из которых я разобрала только:

– Ах, он, иудушка, революционер вшивый...

И еще что-то, все в том же духе. Я так думаю, это он имел в виду своего боевого соратника Троцкого. Наконец Ильич успокоился, и мы продолжили наши посиделки. Известие о покушении на него вождь воспринял со стоическим спокойствием, я бы сказала, даже равнодушно. Сообщения о «Красном терроре» и о периоде «военного коммунизма» он, вообще, выслушал, даже не комментируя.

Тут я не выдержала и задала вождю один из давно мучивших меня вопросов:

– Ильич, объясните мне, пожалуйста, зачем в ходе революции убивать такое множество невинных людей. В чем они были виноваты?

Он снова посмотрел на меня подозрительно и спросил холодно, с металлом в голосе:

– А вы, матушка, часом не из либералов будете? Или у вас там, в будущем, совсем исчезло классовое чутье?

– Что Вы, Ильич! Я совсем не из либералов. У нас, знаете ли, через сто лет само слово «либерал» делается одним из

худших ругательств.

– Ну, то-то же, – немного поостыл вождь, – а то я, было, уже подумал...

Он не стал распространяться о своих мыслях по этому поводу и продолжал уже почти спокойно:

– Понимаете ли, революция, это не игра в бирюльки, а борьба классов на уничтожение. Либо мы уничтожим буржуазию, либо буржуазия уничтожит нас, передовой отряд пролетариата. Третьего не дано. Но, как говорится: лес рубят – щепки летят. Поэтому возможны безвинные жертвы, и, заметьте, с обеих сторон.

– Вот, так-то, матушка! – последнюю фразу он произнес с издевкой, не скрывая неприязни.

В мои планы вовсе не входило настраивать против себя вождя, поэтому никаких вопросов я больше ему не задавала. При полном молчании, в значительно ускоренном темпе мы просмотрели события гражданской войны, отмену «военного коммунизма» и начало НЭПа. Далее последовали болезнь вождя и его смерть. Мне показалось, что при просмотре эпизода собственных похорон и многотысячной процессии прощания с вождем, Ильич немного расчувствовался и незаметно смахнул скупую мужскую слезу.

Но, может быть, это мне только показалось.

Я заметила, что Ильич уже несколько раз совсем не к месту кивнул головой, взглянула на него и все поняла: он засыпал. От избытка впечатлений и совершенно новой инфор-

мации, к тому же разбуженный посреди ночи, Ильич прямо на глазах начал уставать. Поддерживая его под локоток, я помогла ему добраться до дивана, заботливо укрыла его improvisированным одеялом и пожелала спокойной ночи.

Он не ответил.

– А, что, – бормотал он уже сквозь сон, – значит «Брестский договор», действительно, стоит заключить. А я-то до последнего в этом сомневался...

Я осторожно открыла двери и вышла в коридор. Караульный солдат мирно спал, прислонясь к косяку двери. Я дотронулась до его плеча, так чтобы он постепенно начал просыпаться и неспешным шагом пошла прочь, то и дело переступая через лежащих вповалку усталых революционеров.

Необходимость мирного договора с Германией занозой сидела в сознании большинства россиян вне зависимости от их принадлежности к политическим партиям. Она обострялась по мере того, как стремительно разваливалась русская армия, обнажая фронты, и все большую наглость в своих требованиях предъявляло немецкое командование. Положение осложнялось тем, что даже в руководстве большевиков не было единства по этому вопросу. Ильич стоял за мир любой ценой, понимая, что революция висит «на волоске». И так же любой ценой добивался принятия решения о мире.

Когда же кабальный Брестский договор был подписан, и все узнали о его условиях, негодованию в стане друзей вождя и его врагов не было предела. Однако основная цель этого

договора была достигнута. Враг был остановлен в 170 километрах от Петрограда. А спустя полгода грянула революция в Германии, договор был расторгнут, и немецким войскам в спешном порядке пришлось убираться с захваченной территории.

Это был триумф Ильича, за которым утвердилась репутация человека, не совершающего политических ошибок.

О Вере

В доме предварительного заключения, расположенному сразу за зданием Губернского суда, по адресу Санкт-Петербург, Литейный 4, в тот день царил ажиотаж.

Назавтра, 12 апреля 1878 года должно было состояться заседание суда присяжных по делу о покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова.

Дело было, как сейчас говорят, резонансное. Генерал Трепов, солдафон и грубиян, в нарушение всех законов приказал высечь находившегося в предварительном заключении студента Боголюбова только за то, что тот не снял перед ним головного убора.

Особенно негодовала свобододолюбивая молодежь. Строились планы стрелять в Трепова. Но всех опередила молодая женщина, записавшаяся на прием к градоначальнику как мещанка Елизавета Козлова, которая выстрелила в него из револьвера и ранила генерала в область живота.

За подобное преступление полагалось 15-20 лет каторги. Передовая общественность была, разумеется, на стороне террористки, настоящее имя которой было – Вера.

Вот и сегодня к ней стремились на свидание многочисленные посетители с выражениями поддержки и сочувствия. Последней была высокая сухопарая монахиня лет около пятидесяти от роду.

Обвиняемая была невысокая молодая еще женщина до 30 лет, не ухоженная, как это принято у нигилистов, плохо и бедно одетая. Она была скорее нехороша собой, только взгляд лучистых глаз выдавал незаурядную натуру.

– Матушка, я совсем не ожидала видеть у себя монашку. Спасибо, конечно, за сочувствие, но только я не верю в бога, – мягко сказала Вера и улыбнулась.

Я заметила, что за внешним спокойствием в ней, как у раненой птицы, скрывалось отчаяние и пожалела ее.

– Что? Совсем-совсем не веришь? – спросила я

– В юности я была религиозна, а потом совсем разуверилась. То единственное в религии, что врезалось в мое сердце, – Христос – с ним я не расставалась; наоборот, как будто связывалась теснее прежнего. Теперь я верю только в светлое будущее здесь, на земле, и уже не для себя, а для других людей. И за их счастье я готова погибнуть.

– Ну, вот видишь: веру в бога вы, революционеры, заменили на веру в революцию. Для вас – это та же религия, только бесплодная. Почему же для тебя привлекательно только будущее?

– А что может меня ожидать в этой жизни? В лучшем случае я могла быть гувернанткой...

– Милая, милая Вера. Твоя вера прекрасна, но твой поступок бесполезен. А сколько еще молодых людей пойдут вслед за тобой и отдадут свою бесценную жизнь во имя будущего. И в наше время множество молодых жизней приносится уже

во имя веры в загробную жизнь или вполне земной Халифат. И все заканчивается их смертью и смертями невинных людей. Но ты стала первой женщиной, которая решилась на теракт.

– Вы – не монашка! Но кто же вы? – удивилась Вера.

– Я – «Вестница», я пришла из будущего, – ответила я, и она, святая душа, поверила.

– А какое оно, будущее? – кротко спросила она.

– А что ты хочешь узнать? О стране или о себе?

– Конечно о России. Ведь со мной уже все ясно.

– Ну, не скажи... А с Россией в ближайшие полстолетия будет вот что. В следующие почти 40 лет в России будет постепенно развиваться капитализм и сохраняться самодержавие. Одновременно будет все больше углубляться пропасть между реакционным режимом и всеми слоями общества. Будут возникать тайные общества различной политической окраски: от анархизма до коммунизма.

– Извините, а что это такое?

– Ты сама скоро обо все узнаешь из первых рук.

– А революции будут?

– Будут. Целых три. Сначала в 5-м году следующего столетия, а потом еще две в 17-м.

– Как долго еще ждать! – сказала она разочарованно.

– Ты так считаешь? Люди нашего поколения, я говорю о тех, кто будет жить лет через 100 и 150, начнут относиться к революциям более осторожно. Вот, например, как это

произойдет в России. Накануне первой революции случится война с Японией, которую страна позорно проиграет. Грядет революция. Она будет жестоко подавлена и царизм устоит. В 14-м году начнется новая война, на этот раз мировая. Миллионы людей в Европе погибнут, страна будет истощена, произойдет новая революция и царизм будет сметен. Однако новая власть оказалась слишком слабой для того, чтобы решить накопившиеся проблемы и успокоить народ. И только маленькая партия марксистов – большевиков во главе с Лениным решилась взять власть в свои руки.

– Ленин? Какая странная фамилия..., – протянула она.

– Это не фамилия а партийная кличка, псевдоним. Ты еще сможешь познакомиться с ним лично. Революция, а затем гражданская война унесут жизни 10 миллионов людей. Голод и разруха будут царить в огромной стране. Заводы и фабрики будут лежать в упадке, земля зарастет дикой травой и ее некому будет обрабатывать. Вот что такое революция, моя милая.

– Как страшно! А что же будет со мной? – Вера закрыла глаза в непритворном ужасе.

– С тобой все будет хорошо, – заверила я, – ты станешь известной личностью. Видным деятелем мирового революционного движения, как напишут о тебе биографы.

– Вы, наверное, пошутили, – грустно улыбнулась Вера, – полжизни каторги, вот, что меня ждет.

– А вот и нет! Твои тюремщики совершили непоправи-

мую ошибку, отдав твое дело в общегражданское производство. Завтра тебя ожидает суд присяжных. Адвокат произнесет прекрасную речь и тебя оправдают.

– Нет, это, к сожалению, невозможно!

– Верь мне. Тебя пытаются обвинить в том, что ты совершила покушение в отместку за оскорбление твоего жениха. Мол, пришла какая-то любовница политического преступника, стреляла в губернатора при исполнении должностных полномочий. Они надеялись, что тебя и так за это замордуют.

– Какого жениха? Какая любовница? Я даже знакома не была с Боголюбовым! Все это из чувства солидарности, и я сделала бы это будь на месте этого студента любой другой человек.

– Это для тебя понятно, и для меня тоже, но тем господам даже и в голову не могло прийти, что можно так поступить ради чести и достоинства совершенно незнакомого человека. Вот они и совершили очевидную глупость.

Теперь вот что. Когда тебя оправдают и на следующий день отпустят из Дома предварительного заключения, ты, пожалуйста, не мешкай ни минуты и постарайся скрыться.

– А зачем мне скрываться, если меня оправдают? – не поняла она.

– Я затем к тебе и пришла, чтобы предупредить тебя. Нельзя ни минуты медлить. Уже на следующий день выйдет указ о твоем аресте. Так что уезжай куда-нибудь подаль-

ше, лучше сразу за границу. Там ты и будешь жить большую часть времени. А в Россию будешь только наездами, да и то ненадолго.

На этом мое свидание в Доме предварительного заключения закончилось. На следующий день присяжные вынесли поистине историческое решение: «не виновата». Она еще успела на радостях устроить чаепитие. А при выходе ее встречала огромная ликующая толпа.

Вера вскоре выехала в Швейцарию и оставалась за границей в течение последующих нескольких лет. Её дело имело сильный резонанс и вызвало подъём революционного движения в России и в Европе. Вера первой из женщин-революционерок испробовала метод индивидуального террора, но и первой разочаровалась в его результативности.

Дальнейшая ее деятельность протекала куда более мирно. Она вступила в плехановскую группу «Освобождение труда», занималась литературной деятельностью, переводила сочинения Маркса и Энгельса, вела с ними переписку. Она принимала активное участие в деятельности Второго Интернационала, вела пропаганду идей марксизма.

После Второго съезда РСДРП в 1903 году стала одним из лидеров меньшевизма. В марте 1917 вошла в группу правых меньшевиков-оборонцев «Единство», выступала вместе с ними за продолжение войны до победного конца.

Революцию большевиков Вера считала контрреволюционным переворотом, прервавшим нормальное политическое

развитие буржуазно-демократической революции.

Вера Засулич умерла в 1919 году в Петрограде, так и не поверив в Октябрьскую революцию.

Перед дальней дорогой

Он лежал в вип-палате ЦКБ на ортопедической кровати под белоснежной простыней, настолько худой и изможденный, что посетительница его едва узнавала. Только когда он открыл глаза и еще в полузабытьи посмотрел на нее своими прекрасными карими глазами, она окончательно убедилась, что это он, ее «Академик».

– Екатерина Ивановна? – полустоном выдохнул он, узнавая.

Она взяла его руку, костлявые беспомощные пальцы и почувствовала невыразимую боль. Как больно, когда уходят друзья. Не отпуская руки, долго смотрела на него, и постепенно силы стали возвращаться к больному. И он даже попробовал шутить, как когда-то.

– Вы, наверное, удивлены, застав меня похудевшим наполовину. Уверяю Вас, что это осталась лучшая моя половина.

А потом уже серьезно:

– Мой милый друг. Я очень рад, что снова вижу Вас.

– Я тоже, дорогой мой Академик. К сожалению, нам редко приходилось встречаться в последнее время, но я постоянно следила за Вашими успехами. Когда Вы заболели мы дали знать, что в США уже изобретено перспективное лекарство, которое могло бы Вам помочь. Но, вероятно, в этой стране не забыли о той оплеухе, которую Вы отвесили им когда-то.

Поэтому спецслужбы пошли даже на международный скандал, только бы не отдавать это лекарство в нашу страну.

Но ничего. Не долго осталось «янки» считать себя средоточием Вселенной. Всего через несколько месяцев начнется кампания по выборам их Президента, которая будет самой «грязной» за всю историю, и закончится настолько неожиданно и скандально, что Америка надолго забудет о своей спеси. Заодно даст серьезную трещину план глобализации неолиберального клана Клинтонов, и в Соединенных Штатах станет на некоторое время модным своеобразный изоляционизм, в котором имперские амбиции этой страны станут особенно очевидными. Так что, в известном смысле, Вы будете отмщены.

– Да я и не питаю вражды к кому бы то ни было.

– А Вы помните, в июне 95-го как-то спросили у меня, сколько проживете? Я ответила, что, по крайней мере, еще лет двадцать. И вот теперь июнь 2015-го. И Вы знаете, что умираете. Но стоит Вам только захотеть, и мы пройдем сквозь время. И так же, как мне когда-то, Высшие Силы не дадут Вам умереть. Решайтесь.

Он задумался на мгновение, а потом отрицательно покачал головой:

– Нет, спасибо. Конечно, мне не хочется умирать. Но я прожил долгую жизнь и уйти хочу достойно. Хорош бы я был, если бы бесследно исчез из больничной палаты, а потом объявился неизвестно где живым и здоровым. Нет, уж,

увольте. Давайте лучше поговорим о будущем, которого я никогда не увижу.

– А что Вы хотите узнать?

– О России, конечно.

– О России не беспокойтесь. Вы славно потрудились над программой «Феникс». Главной Вашей заслугой, которая надолго останется в памяти людей, будет поворот самолета над Атлантикой. С этого времени начался отсчет независимой политики новой России. А другая задача, которая с блеском была решена, видимо, останется тайной за семью печатями.

– Вы говорите о нем?

– Да, о Президенте. Ведь это же Ваш выбор стал решающим. А потом, после инаугурации, кто, как ни Вы, вручили ему свой именной «смартфон» с программой «Феникс»?

– Ну, а как же я должен был поступить? Ведь он стал Президентом, и до этого показал, что намерен решительно бороться за интересы страны. А еще я заметил, что он легко может совершать самые простые ошибки...

– Вы имеете в виду «Курск»?

– Да и не только это. Поэтому я и передал в его руки программу «Феникс». С этого времени он стал действовать более осмотрительно.

– Ну, еще бы, ведь перед ним открылось настоящее окно в будущее...

– Однако ему потребовалось еще достаточно много вре-

мени, для того чтобы осознать свое предназначение – быть выразителем интересов России – и понять те бесчисленные опасности, которые подстерегают его на этом пути.

Поэтому неудивительно, насколько изменила человека эта должность. Ведь от его решения зависят судьбы тысяч людей. В этом своем выборе он страшно одинок: у него нет никого, с кем бы он мог разделить свою ответственность. Признаться, я ни минуты ему не завидовал и отдал Ваш «смартфон» с чистой совестью.

– Зато он воочию увидел Будущее, то, которого ему еще предстояло добиться для своей России. Поэтому не так уж далеки от истины те западные журналисты, которые увидели в улыбке Президента предвидение любого из происков его политических противников.

Что касается самой России, судьбу которой так тесно связывают с судьбой Президента, то она упрямо прорывается сквозь частокол санкций, травлю и откровенное шельмование и научилась не только защищаться, но все чаще переходит в наступление.

У руководства страны был выбор, куда направить нефтедоллары: на гражданские нужды или на оборонку. И только Президент наверняка знал, когда этот поток дополнительных средств превратится в жидкий ручеек. Поэтому нужно было поторопиться, чтобы успеть не только залатать дыры в оборонном щите страны, но и создать задел на будущее.

И вот тут наших «партнеров» на Западе ожидал большой

сюрприз. Пока они, по привычке, забавлялись беспомощным барахтаньем страны, якобы безвозвратно погрязшей в коррупции и беззаконии, пока они наслаждались видом ржавеющих танков и ожидали выхода из строя последних баллистических ракет, вдруг, как черт из табакерки, в России появилась новейшая военная техника и невиданные технологии.

Крым, а затем Сирия и Специальная Военная Операция покажут на деле, что такое программа «Феникс» в действии. Изумленные журналисты тут же окрестят эти технологии «инопланетными» и объявят о помощи России инопланетной цивилизации. И тут они будут не так уж неправы, ошибаясь только в том, кто протянул руку помощи: не разум из далекого Космоса, а интеллект из Будущего.

Теперь о процессах, происходящих в России. В итоге из страны с олигархическим компрадорского типа капитализмом она превратится в страну с капитализмом частно-государственным, ориентированным на собственные интересы. Попросту говоря, Президенту удастся, в основном, закрыть те настежь открытые окна, через которые «выдувало» национальное богатство государства. И это было основной причиной, почему так ополчился на Россию коллективный Запад: ведь ее пример фактически пустил под откос придуманную им концепцию Свободного Мира по-американски.

– Екатерина Ивановна, – вспомнил он, – со мной все ясно, а как Вы сама поживаете? Небось давно на пенсии, и только ко мне, старику, проститься пришли. Помнится, Вы говори-

ли, что мечтаете понянчить правнуков? Удалось Вам? У меня, вот, их целых четыре.

Ничего не ответила Вестница, и только посмотрела в глаза умирающему долгим печальным взглядом. И он все понял. Значит не так уж безопасны путешествия во времени. И однажды она забралась так далеко, что обратно уже не вернулась.

– Ну, а как же сейчас? Ведь Вы находитесь рядом со мной, такая же живая и близкая, как когда-то, в период начала нашей совместной работы над «Фениксом». Значит Вы и не умерли вовсе?

– Понимаете ли, в известном смысле я, да, и не умирала совсем. Вообще все обстоит совсем не так, как мы это понимали на Земле. А что касается работы, то она тоже не очень сильно поменялась. Только я путешествую теперь не во времени, а между Мирами.

– Что – что? – не понял он, – между какими Мирами? Нельзя ли поподробнее?

– Да, полно, мой дорогой Академик, скоро Вы сами обо всем узнаете. Для Вас уже давно местечко припасено в Горнем Мире. А я кто? Я теперь просто «Вестница».

Я вижу, Вы очень устали. Позвольте, я покажу Вам Россию, какой она будет лет, скажем, через сто.

– А как Вы это сделаете, ведь нового «смартфона» у Вас нет?

– Сейчас я могу это делать гораздо проще. Закройте глаза

и смотрите.

Он послушно смежил усталые веки, и мгновение спустя мощный поток подхватил его и понес по воздуху. Это было удивительное, ни с чем не сравнимое ощущение абсолютной свободы и полета. Ничто больше не стесняло его: ни немощное еще секунду назад тело, ни законы физики, которые он много лет назад изучал в школе. Ничто не мешало больше ему взлететь высоко-высоко и нестись над великой Родиной, которую он любил больше всего на свете. Но удивительное дело: как бы высоко ни поднимался, он с легкостью различал все, что было внизу. И слышал каждый звук и каждый самый легкий шорох на деревьях и в траве, и глубоко под землей.

Он летел над огромными, кажущимися бесконечными городами, соединенными между собой стремительно движущимися составами, над безбрежными полями пшеницы и уходящими за горизонт садами. Он видел множество машин и механизмов, которые выполняли сложные работы совершенно без помощи человека.

– Ну да, – подумал Академик, – роботизация.

– Вы совершенно правы, мой дорогой, – услышал он знакомый голос Вестницы, – люди здесь задействованы мало. Для них нашлась другая, более сложная работа.

По свободным от ледяных полей Северным морям плыли бесконечные вереницы огромных кораблей, перевозящих грузы и пассажиров, предпочитающих путешествие по морю наземному транспорту.

Колоссальные космодромы отправляли межпланетные ракеты в дальний полет.

– А где же спрятанные в шахты баллистические ракеты и многочисленные воинские гарнизоны? Неужели войны успели уйти в прошлое? – только успел подумать он и тут же получил ответ.

– К сожалению, я вынуждена Вас разочаровать. Правда, угроза глобальной войны ушла в прошлое, и огромные армии великих держав перестали существовать. В них просто не было необходимости. Однако еще остались весьма ограниченные воинские контингенты на случай локального конфликта или террористических актов, которые продолжают уносить жизни людей в разных странах планеты. Кстати, за порядком на планете следят Объединенные Силы Безопасности.

Он видел множество детей разных возрастов и цвета кожи, живущих со своими родителями в небольших поселениях среди цветущих оазисов почти нетронутой природы.

– Что-то вроде израильских киббуцев, – догадался он.

– Да, семья и небольшая община признаны лучшим окружением для воспитания детей. А обучение давно стало доступным для всех с помощью гораздо более совершенных технологий, чем прежний Интернет.

Он летел на Восток, за Уральские горы, но бесконечные леса и сады и не собирались заканчиваться.

– А как же вечная мерзлота? – успел подумать он, и тут

же услышал ответ Вестницы.

– Ее больше нет. Она отступила далеко на Север и люди научились выращивать сады там, где раньше были только непроходимые болота и тощая растительность. Сибирь приютила почти половину миллиарда населения всех рас и народов, – снова услышал он голос своей незримой спутницы, – все эти люди со своими языками, культурой и религией стали гражданами великой страны и приняли на себя обязанности по добровольному для нее служению.

Медленно проплыл похожий на огромную запятую Байкал, и он понял на какую высоту забрался.

– Ах, как хорошо, как радостно жить в такой стране, – подумал он с отрадой, заканчивая свое путешествие на далеких островах, так же, как и все на этой земле, полных движения и жизненных сил.

Еще долго лежал он, зачарованный чудесным видением, а когда очнулся и открыл глаза, то увидел, что в палате кроме него никого нет. Он пошарил на тумбочке за головой и нажал кнопку вызова сиделки. Вошла молоденькая заспанная сестричка в белом халате, несущая ночную смену в этой вип-палате.

– Я слушаю Вас.

– Надюша, скажите, а давно ушла моя посетительница?

Несмотря на молодость сиделка уже привыкла к своим важным постояльцам. Большинство из них приходили в палату самостоятельно и, по видимости, еще полными сил. А

увозили их всех без исключения недвижимыми, на колясках, укрытыми с головой простынями. Занятым своими печальями, им не было никакого дела до юной сиделки, и она отвечала им тем же: безразличием и напускным спокойствием.

Но этот был исключением. Он как будто и не собирался уходить в безвестные дали, и в первый же вечер все расспрашивал ее о семье и советовал обязательно поступать в медицинский. Она, чуть ли не впервые, начала уважать своего временного постояльца и жалела этого человека.

– Сегодня к вам посетителей еще не было, – пожала плечами в недоумении: ее дежурство проходило спокойно, да и никто не мог прийти в столь неурочный час.

– Но ведь я совсем недавно разговаривал здесь с одной моей старинной знакомой.

– Извините, – повторила сиделка уже тверже, – но этой ночью к Вам никто не приходил.

Часть 3

Сестра милосердия

Незаметно шло время. Мои путешествия в прошлое и будущее, вызывавшие поначалу небывалый ажиотаж в узких кругах посвященных, отошли в прошлое.

И моя работа к середине XXI века превратилась в обычную, почти рутинную. Основные программы по возрождению России, хорошо ли, плохо ли, были выполнены. А других пока не намечалось.

И тот факт, что в силу еще не выясненных поныне обстоятельств, путешествие могла совершать только я, лишал научные направления, основанные на этом феномене, прочной базы.

Правда, мои руководители научились доставлять меня в любое место на карте и практически в любой временной отрезок и точно также возвращать меня обратно.

Но это уже не имело решающего значения.

Что касается простых человеческих эмоций, то мне было даже немного скучновато жить в том красивом и высокодуховном мире, начисто лишенном привычных для начала века бурь и коллизий.

И я, в который уже раз, запросилась в новую «команди-

ровку», нет, не на Бали или Багамы, а на Крымскую войну, точнее, в осажденный Севастополь 1854 года.

Еще в юности, роюсь однажды в библиотеке, я совершенно случайно наткнулась на старинную книгу с твердыми знаками и «ятями». Это были воспоминания пожилой женщины благородного происхождения, дворянки, работавшей медсестрой в осажденном Севастополе.

Открывая книгу, я каждый раз останавливала взгляд на женском портрете, помещенном на фронтисписе и даже мысленно разговаривала с ней:

– Я тоже так смогу, ты не думай, что я еще маленькая.

Книга была, как мне тогда казалось, почти совершенно лишена эмоций и проявлений какого-то ни было героизма. Она просто рассказывала о тяжелой доле медсестер, добровольно взявших на себя обязанности по уходу за ранеными солдатами и офицерами русской армии.

Но она захватила меня больше, чем романы Жюль Верна и Майн Рида, которыми увлекались мои сверстники. Нечего и говорить, что, когда в 1941 году началась отечественная война, я сразу после окончания школы решила стать медсестрой.

Правда, на фронт меня не пускали ни под каким видом, и только после окончания войны я узнала, кто выдал эту такую не желанную для меня «бронь».

Два года я добросовестно проработала в госпиталях в Москве и в эвакуации за Уралом. Стала настоящим профес-

сионалом и в полной мере оценила этот тяжелый, как в физическом, так и в моральном отношении труд.

Но потом любовь к технике взяла верх, и я поступила в Бауманское училище.

И вот теперь, в совершенно другой стране и при абсолютно других обстоятельствах я решила возвратиться к мечте моей юности.

Так, в середине сентября 1854 года в Севастополе появилась неприметная женщина средних лет, непринхотливо одетая и имевшая при себе минимум вещей. Это была я. Я потолкалась по городу, привыкая к незнакомой обстановке, подыскивала себе жилье и принялась здесь жить, мучаясь от вынужденного безделья. Я торопилась насладиться зрелищем Севастополя, такого, каким он был еще со времен Екатерины Великой, и каким уже совсем скоро его не увидит больше никто. Город жил своей жизнью, не подозревая, что уже через месяц он будет методически разрушаться вражескими мортирами так же, как и защитные сооружения вокруг города, и скоро практически полностью превратится в развалины.

А люди? Люди еще ни о чем даже не подозревали, они работали, служили, по выходным и праздникам веселились, любили, ненавидели и сплетничали. По вечерам играл духовой оркестр, и я вместе с горожанами выходила на набережную любоваться на закат солнца, купающегося в теплых водах Черного моря. Ни у кого не было даже тени мысли, что

совсем скоро многие из них погибнут или будут ранены и превратятся в беспомощных калек.

19 сентября русскими была проиграна битва на реке Альме, и осада Севастополя стала неизбежной. Эта предопределенность не вызвала в защитниках Севастополя паники или упадка чувств, напротив, я сама видела, каким энтузиазмом горели глаза всех, от мала до велика, когда заходила речь о грозящей опасности.

Никто не допускал и мысли о том, что Севастополь может быть сломлен и побежден. Однако, город был обречен с самого начала, и только благодаря героическим усилиям его защитников, их беспримерному мужеству и боевому мастерству наших адмиралов, офицеров, солдат и инженеров Севастополь сумел продержаться так долго.

Истинная причина поражения была в устаревшем вооружении, архаичной системе комплектования армии, безмерно плохом снабжении войск и, в целом, отсталости общественного устройства царской России.

Я помнила это еще из школьных уроков истории, но одно дело читать в книге, а другое дело видеть все своими глазами и переживать наяву.

Турция не могла простить России поражение при Синопе, Франция спала и видела реванш за 1812 год, Англия ревновала Россию к Балканам, а все вместе, объединившись в Коалицию, они решили дать бой под Севастополем.

Стремительно, как на дрожжах, росли хитросплетения за-

щитных сооружений, в постройке которых принимало участие также и множество горожан. Вражеское нападение не заставило себя долго ждать, и уже 17 октября город подвергся бомбардировке сотен тяжелых орудий. Затем начался штурм вражеских войск на суше и на море, но этот порыв не принес желаемых успехов и был успешно отбит русскими.

Я впервые оказалась в театре боевых действий. Обстрел велся из дальнобойных пушек, стреляющих разрывными и зажигательными гранатами. И пусть это были орудия середины 19 века, но они были достаточно мощными, чтобы разрушать здания и баррикады. В город непрерывным потоком поступали раненые. Это были и военные, и гражданские: женщины, старики, дети. Их количество стремительно росло, и их размещали не только в больницах, но и во всех больших общественных зданиях. Для лечения не хватало всего: лекарств, перевязочных материалов, но больше всего врачей и младшего медицинского персонала.

Я несколько раз приходила в Дом общего собрания флагманов и капитанов или, коротко, Собрание. Вход был свободный, и я без помех проходила в большой зал, где на койках, а частично и на полу лежали до полусотни раненых, ожидающих операции или выздоравливающих. Я заглядывала и в операционную, где доктора оперировали тяжелых раненых и делали очень много ампутаций там, где, на мой взгляд, можно было обойтись более щадящими методами.

На третий или на четвертый день моего прихода в Со-

брание один из докторов, делающих операцию, оказался без фельдшера. И без того хмурое его лицо казалось просто свирепым. Он несколько раз беспомощно озирался, как бы разыскивая себе помощника, но никто не подходил. Наконец, в самый сложный момент, когда он опять обернулся с выражением отчаяния, я подошла и предложила:

– Вам помочь?

– А вы умеете? – спросил он.

Я молча кивнула и стала с ним рядом.

После операции, пока я делала перевязку, он получил возможность закурить.

Затем подошел ко мне и предложил:

– А вы не желаете стать медицинской сестрой?

Так я стала сестрой милосердия.

Еще пару дней я послушно помогала моему доктору, а на третий принесла приготовленные накануне пропитанные гипсом бинты и корытце с теплой водой. Случай представился почти сразу. На хирургическом столе оказался раненый в руку подпоручик, совсем молоденький, почти мальчик. Он плакал, умоляя доктора сохранить ему руку. Наш доктор, такой, казалось бы, уже зачерствевший душой «эскулап», и тот оправдывался слегка дрожащим голосом:

– Ну пойми ты, чудак-человек. Ну, сохраню я тебе руку. А через несколько дней случится у тебя гангрена, и тогда ничто тебя уже не спасет – прямая дорога на тот свет.

– Лучше уж смерть, чем на всю жизнь оставаться кале-

кой, – рыдая повторял юноша.

– Ну, молодой человек, это вы напрасно, – вступила я в разговор, – доктор, позвольте я сделаю ему гипсовую повязку. Она через полчаса застынет и позволит пару недель сохранить кости руки неподвижными. За это время кости успеют срастись.

Доктор некоторое время колебался, но за несколько дней работы со мной он убедился в моем несомненном профессионализме, и это решило все дело.

– Под Вашу ответственность, извольте, – решил он.

Посмотреть, как я накладываю иммобилизующую гипсовую повязку, собрались не только ходячие раненые, но и санитарки, и даже врачи. Уже через несколько дней, даже не снимая гипса, стало ясно, что рука заживает. Доктор разрешил мне сделать еще несколько таких повязок, но другие врачи, по-прежнему, относились к новшеству с опасением.

Все изменилось внезапно. Я делала очередную повязку, когда услышала за своей спиной строгий начальственный голос:

– А кто Вас надоумил делать такие повязки? Чья это школа?

Я обернулась и тотчас же узнала. Это был Пирогов, великий хирург. Это его портрет висел на почетном месте у нас в школе медсестер в 1941 году.

– Конечно же Ваша, Николай Иванович, – ответила я, – чья же еще?

И это была совершенная правда.

Пирогов самым решительным образом изменил саму систему медицинской помощи в Севастополе. Если до его приезда врачи работали практически порознь, то он создал мощную бригаду специалистов с узким распределением обязанностей. Разумеется, с ним во главе. Мне также посчастливилось оказаться в одном с ним коллективе.

Он работал изумительно четко и быстро, успевая делать множество операций за день. Первую неделю Пирогов неустанно проводил операции и только после того, как поток раненых немного ослабел, занялся более глубокой реорганизацией лечения.

Кроме всего прочего, он читал и лекции для медицинских работников, и очень настоятельно рекомендовал переходить на использование гипсовых повязок и сохраняющее лечение огнестрельных ран.

Но главное, что он потребовал сделать, это применять принцип "рассеивания больных", иными словами, сортировки их по видам и тяжести ранений и заболеваний. Еще одной среди множества других инноваций стало массовое применение Пироговым наркоза в качестве анестезирования.

Незадолго до приезда Николая Ивановича я тоже стала применять другую, не медикаментозную местную анестезию, причем весьма специфического характера. Особенно удачно это получалось в случае ранения верхних конечностей.

Как это происходило, я расскажу на другом примере, почти совсем с медициной не связанным.

У нас практически закончились бинты и корпия, которая до начала производства ваты активно использовалась в качестве перевязочного материала. Каждый день я ходила к нашему каптенармусу, буквально вымаливая хоть немного бинтов. Однако этот прохиндей весьма жуликоватого вида попросту меня отфутболивал, обещая выдать все необходимое с приходом обоза.

Наконец обоз пришел, и я лично видела, как в надвигающихся сумерках крымцы разгружали тюки с расходным материалом. Каптенармус в очередной раз выставил меня за дверь, пообещав отоварить завтра с утра пораньше. Каково же было мое негодование, когда, придя на рассвете позднего ноябрьского утра, я вновь застала только пустые полки. А этот подлец, вместо объяснений повысил голос и даже замахнулся на меня. Тут я применила против него прием, после которого рука у него мгновенно потеряла чувствительность и бессильно повисла. Он, видимо, не понял в чем дело и замахнулся левой. И только когда упала и эта рука, он страшно испугался.

– Ну-ка, говори быстрее, куда ты девал наши бинты. А то я тоже самое сделаю с твоей шеей, и ты живо отправишься в ад, ворюга несчастный! – свирепо приказала я.

– Не убивайте меня, – пролепетал этот жулик, – я продал все перекупщикам-крымцам.

– Где они?

– Они везут тюки к французам, Вы еще можете их нагнать.

Я стремглав выбежала на улицу, не помня себя, как будто делала это множество раз, вскочила на стоящую у привязи лошадь и поскакала за уехавшей повозкой. Когда я настигла беглецов, один из них выстрелил в меня из револьвера, а я, в свою очередь, не стала с ними церемониться. После этого случая каптенармус при встрече со мной всегда бледнел и отдавал честь, как старшему офицеру. Я никому не рассказывала об этом происшествии, но почему-то за бинтами стали отправлять непременно меня.

Вскоре после появления Пирогова начали приезжать медицинские сестры из недавно созданной великой княгиней религиозной общины. Большинство из них были уже среднего возраста, очень грамотные, некоторые дворянского происхождения. И все они добровольно вызвались поехать в действующую армию, подвергая свои жизни опасности.

Это были, без сомнения, прекрасные люди и патриоты России, но я видела, насколько они были не свободны даже в общении между собой, связанные строгими правилами общины и сословными предрассудками.

Сестры в большинстве своем не владели профессиональными навыками, поэтому они стали учиться ассистировать на операциях, ухаживать за ранеными, заведовать лекарствами и провиантом и сопровождать обозы с ранеными. Сестры прибывали небольшими группами и однажды, уже в конце

января, я встретила среди них ту, чью книгу я читала в юности и перед портретом которой клялась бороться за жизни защитников Отечества.

Я сразу ее узнала, хотя на портрете она выглядела старше. И случилась удивительная вещь. Словно какая-то искра пробежала между нами. Даже по тому, что я говорила о себе, мол, вдова мелкого служащего, погибшего в дни первой же бомбардировки, и ею, внучкой известного полководца, дворянкой, должна была пролегать непреодолимая пропасть. Еще дальше мы находились друг от друга на самом деле. А вот, поди ж ты, мы сразу почувствовали друг к другу необъяснимое расположение.

Я, разумеется, никому из защитников Севастополя не рассказывала, кто я есть на самом деле. И в знании иностранных языков не признавалась. Только умение в уходе за ранеными и моя сноровка отличали меня от других сестер милосердия. Поэтому, хоть мы были на равных в нашей неожиданной дружбе с Екатериной Михайловной, о себе, своем круге, порядках и обычаях в дореформенной России рассказывала больше она.

Я же в основном показывала то, что я умела, и что запомнила о сестринском деле со времен моей практики во время Отечественной войны следующего столетия. Мы поселились вдвоем в небольшом частном домике, хозяйка которого за небольшую плату готовила нам еду, которую мы наспех проглатывали во время краткого отдыха. Все остальное время

мы проводили в госпиталях в составе бригады врачей под руководством неутомимого Пирогова. Скоро уже и доктора начали обращать внимание на то, что большую часть времени мы проводим вместе. А Николай Иванович в шутку даже называл «наши две Екатерины» и находил, что мы похожи друг на друга, как если бы были сестрами.

Это был прекрасный, и в то же время ужасный период. Почти постоянно под огнем противника, дальнобойные пушки которого простреливали все пространство, мы по многу часов подряд занимались ранеными, спасая их жизни. Ну, а на свои жизни обращали тогда очень мало внимания, можно сказать, почти никакого. Ужасающие бедствия, связанные с огромными потерями от ранений, дополняли начавшиеся эпидемии холеры и тифа. Разумеется, болели не только раненые, но и лечащие их врачи, фельдшеры и медицинские сестры.

О себе я не беспокоилась, я сделала прививки против всех эпидемий, о которых знали в середине XXI века. Когда появились симптомы заболевания тифа у Екатерины Михайловны, я поначалу была настроена оптимистически. Однако затем появились признаки холеры, и двое суток я провела у ее постели сама не своя. Надежду мне внушал факт, про который знала одна только я. Еще только почти через полвека она должна будет выпустить книгу своих воспоминаний, а, значит, сейчас ее жизни ничто не должно угрожать. Поэтому смерть моей дорогой подруги сразила меня, как удар

молнии. Мало того, что я привязалась к ней, как к самому близкому человеку, а тут еще нестыковки в моем знании о будущем.

– Как же так, – думала я, – но кто-то же должен написать эту книгу, а до этого руководить общиной в Санкт-Петербурге и организовывать движение медсестер в Турецкую войну?

В тяжелых раздумьях я провела бессонную ночь. И приняла для себя единственно правильное решение. Кто-то должен прожить эту трудную жизнь, спасти сотни русских солдат и совершить те подвиги, которые станут примером для множества русских женщин. Так пусть же это буду я.

Но одного моего решения было недостаточно. Чтобы реализовать мою задумку, нужна была помощь моих друзей из далекого будущего. На рассвете ужасного дня в конце марта я ушла в близлежащие горы, а спустя пару часов вернулась совершенно другим человеком.

Это для здешнего времени минуло только два часа, а для меня в другом времени прошло несколько месяцев. Пластическая операция, кропотливое изучение исторических документов двухсотлетней давности.

Наконец, я была готова к новой для себя жизни. Жизни русской женщины XIX столетия, положившей половину жизни на благородное дело развития движения сестер милосердия в России. Это была большая честь и огромная радость для меня: быть современницей Льва Толстого, Федора Достоевского, Петра Чайковского, Николая Пирогова, Дмит-

рия Менделеева и других гениев. Жить в золотом веке русской культуры, быть свидетельницей стремительного обновления России. И всеми силами способствовать этому обновлению.

Это ли не завидная судьба для моей «Вестницы»?

Уже подходя к улице, на которой был расположен наш дом, я услышала несмолкаемую канонаду. В этот день обстрел Севастополя был особенно сильным. Один из разрывов накрыл и наш дом. Под его обломками были погребены старики хозяева и скромная медсестра, от которой не сохранилась даже фамилия. Но о ней еще долго горько плакала ее подруга, дама за сорок, не простого, дворянского происхождения.

Когда через пару недель Екатерина Михайловна оправилась после тяжелой болезни и вышла на работу, сильно похудевшая, но неизменно бодрая и сильная духом, никто и не обратил внимания, что она стала совсем другим человеком. Только Николай Иванович, успевший достаточно хорошо узнать обеих подруг, временами задумчиво начинал следить за руками новой старшей сестры, которая особенно быстро усвоила навыки ухода за ранеными.

После первых неудач армии Коалиции приступили к планомерной осаде и фактическому уничтожению Севастополя. Пользуясь преимуществом в дальнобойной артиллерии, они устанавливали свои батареи на расстоянии, недоступном для русских пушек, и совершенно безнаказанно разрушали

защитные батареи и сам город. Для того, чтобы обеспечить бесперебойное снабжение войск, коалиция регулярно подвозила боеприпасы и снаряжение по морю.

В марте 1855 года англичане построили между Балаклавой и позициями своей армии под Севастополем железную дорогу. Все стройматериалы для неё, а также паровозы и вагоны были завезены из Англии.

Многие проблемы русской армии состояли в длительной доставке грузов, которая производилась гужевым транспортом. Боеприпасов не хватало. Армия была полуголодной. Не хватало и путей сообщения. Русская армия была сосредоточена на полуострове, на котором существовала лишь одна грунтовая дорога. Боеприпасы, амуницию, провизию приходилось везти издалека. Транспортировку часто сопровождала распутица: подводы с провиантом проходили расстояние от Перекопа до Симферополя за месяц.

К концу лета 1855 года стало ясно, что падение Севастополя – дело ближайшего времени. Со второй половины августа огонь вражеских батарей уносил жизни не менее полутысячи защитников города ежедневно. 8 сентября французские войска захватили Малахов курган. Вслед за этим защитники оставили практически полностью разрушенную Южную сторону города.

Одной из последних из медицинского персонала по временному переходу через бухту перешла Екатерина Михайловна. Еще с первых дней знакомства Пирогов обратил вни-

мение на редкое умение Екатерины Михайловны находить общий язык с людьми разных сословий и аргументы для всех. После смерти ее названной сестры Николай Иванович предложил Екатерине Михайловне заниматься сопровождением обозов с ранеными. Разве могла она не оправдать его доверие. Кстати, тут пригодилось и ее знание языков и наречий.

Разговаривать на французском, английском и, может быть, немецком тогда могли многие представители высшего общества. А вот объясняться на языке крымцев, как тогда называли крымских татар, ногайцев и других жителей Крыма, могла она одна.

И, разумеется, у нее не прослеживалось никакой робости в общении ни с генералами, ни с любой другой знатью. Тут выручало воспитание советского человека.

Для барина в генеральской форме изысканный французский, с которым к нему обращалась простая сестра милосердия, означал, что он разговаривает с ровней, а не с человеком низшего сословия, которого можно было послать куда подальше.

Но еще большего эффекта она добивалась, обращаясь к простому погонщику лошадей, на его собственном родном диалекте. Даже если требовала от него почти невозможного.

А невозможное тогда было везде. И не было никакой возможности достать лошадей, повозки и солдат сопровождения. В пути негде было разместить раненых на отдых, найти

замену измученным животным и прочее, и прочее.

Однажды, для того чтобы вытащить застрявшие в грязи повозки с ранеными, Екатерине Михайловне пришлось убеждать не только татарский обоз, но и проходивший поблизости конвой с французскими пленными. Без свободного владения татарским и французским это было бы просто невозможно.

Но особенно тяжело пришлось, когда после падения Севастополя она сопровождала санитарный обоз, переправлявший 500 раненых из Симферополя в Перекоп. А спешить с эвакуацией нужно было и даже очень. Она помнила, что смертность от болезней и эпидемий повысилась в Крыму именно к концу 1855 года.

Екатерина Михайловна всегда с восхищением относилась к Пирогову. Мало того, что он был «хирургом от бога». Но он был настоящим патриотом своей страны и никому, даже царю не спускал, а прямо в глаза резал правду-матку. Когда, после окончания Крымской войны Пирогов удостоился аудиенции императора Александра II, хирург напрямую высказал самодержцу, что главные причины поражения – это отсталость России, продажность чиновников и бездарность верховного командования. Александру этот «диагноз» был крайне неприятен, и с тех пор Пирогов находился в опале.

Станный это был разговор: врач пекся перед царем о судьбе России, а тот пенял ему за одежду не по форме и не застегнутый воротничок. Врач о России, а царь о воротнич-

ке. Уровень понимания проблем, как говорится, был налицо. Однако время отмены крепостничества было уже не за горами.

После окончания Крымской войны Екатерине Михайловне пришлось некоторое время руководить монастырской общиной сестер. Однако ее живой характер не давал сидеть на месте, и она активно вовлекалась в организацию сестринских обществ по всему Санкт-Петербургу.

У нее не раз возникали трения с высшими представителями царской семьи по поводу преимущественно клерикального характера сестринского движения. Что, в общем-то объяснимо, если вспомнить, где и при каких обстоятельствах проходила ее юность. Но зато с каким энтузиазмом взялась она за дело, в котором ей уже никто не мог помешать: обустройством больницы в глубинке России. единственной на весь уезд с почти 150 тысячным населением.

Она на свои средства не только построила здание больницы и выплачивала содержание врачу, но и обеспечила клинику таким уровнем сервиса, что у сведущего человека того времени просто захватило бы дух.

На самом деле это было вполне объяснимо, учитывая тот факт, что еще какое-то время она могла пользоваться переходом в будущее время и снабжать свою клинику оборудованием и медикаментами, которые появились в России только через два столетия.

Когда же временной мост по неизвестным для нее причи-

нам закрылся, она уже ни о чем не жалела. Екатерина Михайловна твердо знала, что нашла свое место в этой жизни.

Она с огромным удовольствием вела прием больных, ухаживала за ними и давала лекарства, которые, как считали полуграмотные крестьяне, приготовила сама. Она покинула свое любимое детище только один раз, когда Россия вступила в Русско-турецкую войну. Как одна из опытейших организаторов госпитального дела, она оказалась востребована руководством Российского общества Красного Креста.

Несмотря на достаточно преклонный возраст, она еще поедет на Кавказ в качестве руководительницы медсестер временных госпиталей. На фронте в этот раз Екатерина Михайловна пробудет больше года, затем снова вернется к своим земским делам.

Разумеется, она напишет воспоминания о работе сестрой милосердия в период Крымской войны. Те, которые почти через полвека, в Советской стране случайно прочтет девочка Катя и «заболеет» заботой о раненых бойцах.

Так замкнется некий мистический круг фантастических путешествий и великих забот о спасении русских людей.

Пленить Бонапарта

Вспоминаю еще одно свое путешествие во времени, которое запомнилось не столько его содержанием, сколько резонансом, связанным с его подготовкой, и решением проблем, имеющих, можно сказать, историческое значение.

А начиналось все еще во времена моей юности, в предвоенные годы. Но все уже дышало предстоящей войной, и нас, подростков, готовили стать защитниками Родины. Я помню, как однажды к нам в школу приехал ученый-академик со странной, как будто иностранной фамилией, который читал в нашем клубе главы из своей книги, которая называлась: «Нашествие Наполеона на Россию».

И хотя действие книги происходило больше ста лет назад, у всех нас было ощущение, что через годы с нами говорят наши современники.

В общем у Тарле так складно все получалось (я потом купила книжку и запомнила фамилию автора). Наполеон напал на Россию, а ему противостоял весь русский народ и армия с полководцем Кутузовым во главе. Но были у Кутузова и внутренние враги: английский генерал Вильсон и его недоброжелатели из штаба, и даже царь Александр, который прислушивался больше к завистникам нашего полководца.

Прошло очень много времени, прежде чем я снова взялась за прочтение книг Тарле, именно так, а не Тарлэ, про-

сил он читать свою фамилию в годы репрессий. Что и говорить, смелый был человек, и не боялся признать себя евреем, именно тогда, когда это было наиболее опасно.

Правда, и он был обескуражен известиями из Франции, которую, как мне представляется, горячо и неизменно любил. Начиналась холодная война, и мнения сторон перестали быть объективными. Так, во Франции совершенно «забыли» о роли России и Кутузова, в частности, в поражении Наполеона, приписывая его неудачи то пожару в Москве, то «генералу Морозу».

Короче, в нашествии Наполеона на Россию не усматривали ничего предосудительного и сожалели только о том, что оно так бесславно завершилось.

Вот с этой «забывчивости», которая продолжалась без малого полтора столетия, и начались мои хлопоты по подготовке моего очередного проекта под названием «Пленить Бонапарта».

Вслед за холодной войной началось головокружение от «победы» над «Советской империей». И победа идеологии Западного либерализма, с его безоглядным оправданием почти любых позорных страниц колониализма и агрессии. В двадцатые годы следующего столетия дошло до того, что либералы пытались поставить на одну доску фашистскую Германию и Советский Союз.

Разумеется, в этих условиях «мировая общественность» напрочь отказывалась давать добро на любую операцию про-

тив такого исторического деятеля, каким являлся Бонапарт.

И только когда морок либеральной идеологии окончательно рассеялся, и в большинстве стран стали трезво смотреть на свое историческое прошлое, появилась, наконец возможность реализовать мой давно перезревший проект.

Это произошло в самом конце XXI века, но, как говорится, нет худа без добра. Мне удалось захватить из того времени такие технические средства и прочие «прибамбасы», с которыми путешествие на рискованную «экскурсию» в начало XIX оказалось в итоге весьма безобидным приключением.

Однако мне обязательно были нужны помощники, и лучше моих друзей из 1995-го я и придумать не могла.

Не стану утруждать читателя техническими подробностями, как мне удалось встретиться с Геной Фроловым и Витей Коваленко. Скажу только, что была очень рада встрече с ними, и, судя по всему, они разделяли со мной это чувство.

Я вкратце пересказала произошедшие перемены, и мы начали готовиться к новому проекту. Местом подготовки выбрали ту самую обсерваторию в окрестностях Алма-Аты, из которой мы как будто совсем недавно уехали. На самом деле нам было очень уютно и свободно готовиться в этом чудесном месте, которое выглядело крайне безлюдным и запущенным в середине девяностых.

Мы решили подготовиться как следует, для того чтобы исключить любые неожиданности в далеком 1812 году.

В первую очередь мы много тренировались со средствами

связи, ориентации на местности и ночного видения, разумеется, с теми, которые мне удалось «прихватить» с собой из России практически в конце XXI века.

Далее следует сказать о транспорте, который мы получили в свое распоряжение. Речь идет о некоей комбинации аэросаней и электрического «багги», практически невесомого и почти бесшумного.

И, наконец, стоит упомянуть еще об одной «изюминке» XXI века – смеси бронезилета и экзоскелета, делающей человека неуязвимым для любого стрелкового оружия и в то же время, увеличивающим физическую силу в несколько раз, и, кроме того, сочетающем в себе свойства термобелья с прекрасным регулятором теплообмена.

Ну а поистине революционным оказался образец нелетального оружия: невзрачный на первый взгляд прибор, по внешнему виду чем-то напоминающий работающий на батарейках громкоговоритель – тот же раструб и ручка с какими-то кнопками и рычажками. Этот прибор назывался «Индивидуальный Успокоитель».

Работал он так: стоило направить раструб в сторону одного или нескольких стоящих неподалеку людей и нажать на одну из кнопок, как они моментально погружались в глубокий безопасный сон. Нажав на другую кнопку, можно было также быстро пробудить спящих. Прочие рычажки регулировали дальность действия и время погружения в сон.

Пока парни доводили до совершенства свои навыки в об-

ращении с новой техникой, я принялась изучать местность и метеоусловия во время предстоящей операции.

Во-первых, я отбросила вариант проведения операции в самом начале нашествия Наполеона. Слишком много тогда окружало Бонапарта людей, и попытка его пленения могла бы привести к многочисленным жертвам.

Следовательно, оставался период отступления, вернее, бегства французов. И я принялась его изучать с удвоенным вниманием.

И тут меня удивило, что в обыденном сознании бедствия отступающих французов ассоциировались с жуткими холодами. Так, в знаменитом фильме Рязанова основные действия происходят уже в зимнее время. На самом деле, морозы, действительно были, но это уже после появления французов под Гжатском, в самом конце октября, а обильные снегопады начались на последних переходах французской армии перед Смоленском в начале ноября. Самые же крепкие морозы ударили после того, как французы прошли Борисов, то есть в двадцатых числах ноября.

Поэтому не мороз, то есть не погодные условия, а голод стал основной причиной гибели великой армии Наполеона. Следовательно, корень зла был в недостатках снабжения, а не пресловутом «генерале Морозе». Хотя, конечно, и он помог, но уже на последнем этапе отступления французов.

Так что, сильного мороза нам бояться не стоило, а вот запастись провиантом следовало.

Теперь о месте возможного пленения Бонапарта.

Известно, что отступающая французская армия двигалась по старой Смоленской дороге, среди сожжённых дотла самими французами городов и сел, так что ни провианта, ни приюта им найти было негде.

А русская армия двигалась практически параллельно французской, но только несколько южнее. И, по крайней мере, с ночлегом у нее было все в порядке.

До 14 ноября Наполеон продолжал находиться в разоренном по его же приказу Смоленске, а уже через несколько дней его армия уносила ноги из расположенного в сорока пяти километрах Красного.

Мы решили устроить свой пункт северо-западнее Смоленска, откуда в середине ноября было рукой подать и до Наполеона, и до Кутузова.

Наступило 14 ноября 1812 года. В предутренних сумерках никто и не заметил появление вдали от тракта трех странных людей, снаряженных весьма громоздкими баулами, которые они, однако, поднимали и переносили с видимой легкостью.

Но странное дело, по мере того как позднее зимнее солнце давало о себе знать сначала робкой светлой полоской на горизонте, потом румяной зарей, а затем и вовсе выкатилось над лесом слепящим переливающимся диском, фигуры таинственных незнакомцев не становились более четкими, а все больше как бы растворялись и становились почти бесплотными.

Что и говорить, система маскировки в конце XXI века далеко шагнула вперед по сравнению с началом века XIX. Даже в нескольких шагах нас было практически не видно. Разве что кто-то случайно бы наступил. Но на этот случай у нас был безотказный «Успокоитель», или, уж на совсем худой конец, по легкому лучевому пистолету, стреляющему совершенно беззвучно, но, к сожалению, уже с летальным исходом.

Расположившись довольно удобно, мы раскрыли палатки и развернули средства воздушного наблюдения, которые были похожи на парящих в небесной вышине крохотных птичек, и были, разумеется, совершенно не различимы с земли.

Нужно было следить одновременно за передвижением французской армии и уточнять расположение русского штаба, с тем чтобы совершенно точно знать до наступления темноты координаты Наполеона и Кутузова.

Что касается французов, то отыскать их не составило большого труда. С раннего утра с той стороны, где располагался Смоленск, начал дымиться горизонт, и скоро многочисленные дымовые столбы сомкнулись в один, поднимающийся в неподвижном морозном воздухе до самого неба. Это горел многострадальный Смоленск, вернее то, что осталось от него во время последнего пожара.

Несмотря на довольно большое расстояние, отделявшее нас от пожарниц, в воздухе уже довольно сильно ощущалась едкая гарь – не ароматный дымок от мирно куривших-

ся труб, которые топились тогда исключительно дровами, но удушающий смог от догорающих бревен и прочего скарба, а также тысяч человеческих тел и трупов домашних животных.

И хоть наша командировка под Смоленск в начале зимы 1812 года продолжалась чуть больше суток, этот запах – запах войны и пожарищ, преследовал меня потом еще длительное время.

– Екатерина Ивановна, – встретили меня в нашем штабе в XXI веке, – а ведь Вы, действительно прямо-таки пропахли дымом пожарищ.

Таково было традиционное поведение «цивилизованных» французов. По приказу Наполеона, сжигалось все: деревни, села, усадьбы, через которые проходили войска. Но, начиная от Можайска, и сжигать было почти нечего: так страшно были разорены эти места еще в добородинский период войны.

Но тогда, в августе, великий Бонапарт вымещал на ненавистном Смоленске свою досаду за поведение русской армии, которая постоянно от него ускользала, а теперь, в ноябре, он был просто в бешенстве от того, что продовольствия, на которое он очень рассчитывал, там не оказалось. Но в отличие от лета, он уже не скрывал, что отдал приказ сжечь этот старинный, оказавшийся таким негостеприимным, город.

Уходя из Москвы, армия Наполеона насчитывала около ста тысяч человек, и тянувшийся за ней обоз с награблен-

ным имуществом и ценностями казался бесконечным. Бегущая из Смоленска армия захватчиков уменьшилась втрое, и от безысходности император приказал сжечь все повозки и экипажи, для того, чтобы иметь возможность спасти хотя бы пушки.

Именно этот новый пожар мы заметили, наблюдая за трактом, по которому вот-вот должна была проследовать французская армия.

Скоро, по наблюдениям наших крылатых помощников, появились конные разведчики французов. Они сновали взад и вперед, пока, наконец, из-за поворота не появилась головная колонна императорского войска.

– Красиво идут! – воскликнул Гена, которому было поручено дистанционно следить за перемещением французского войска.

– Кто-кто? – не сразу поняла я, погруженная в мысли о предстоящей нам операции.

– А вон те, – ответил мой охотник, – в мохнатых папах с красными тюрбанами.

– Это императорская гвардия, – пояснила я, – она всегда находится в авангарде. Посмотри внимательнее, среди них должен находиться и сам Наполеон.

– Ага, кажется я его вижу, – снова подал голос Гена, – вот он идет прямо посреди колонны.

– Ну-ка, дай погляжу, – заинтересовалась я, пристально всматриваясь в голографическое изображение колонны вра-

жеских войск, передаваемое одним из наших миниатюрных коптеров.

Нужно было немного привыкнуть к виду сверху французского воинства, для того чтобы выделить среди мохнатых папах знакомую по картинам треуголку императора Франции. Конечно, это был он. Семенящий рядом с высокорослыми гвардейцами великий император, все еще мнящий себя хозяином половины мира.

Бонапарт опирался на палку и о чем-то разговаривал с идущим рядом ветераном-гвардейцем. Кажется, он даже пытался шутить.

Тракт был еще не утоптан от недавно выпавшего снега, и поэтому передней колонне приходилось идти по колено в свежем пушистом снегу.

– Интересно, – снова раздался голос Гены, – а анекдоты тогда у французов тоже были?

– Скорее всего, – обнадежила я, – ведь французская нация издавна славилась тонким чувством юмора.

– Тогда он явно скабресный анекдот рассказывает – вон как ржут его ветераны.

Мы знали, что следующая колонна французских войск выйдет из Смоленска через четыре часа, а в этой колонне была одна наполеоновская гвардия.

Я поручила Гене следить уже только за Бонапартом и переклонила внимание на нашего астронома, которому было поручено наблюдение за российскими войсками.

Там пока что не происходило ничего серьезного. Штаб Кутузова расположился в деревеньке Юрлово, находящейся почти в тридцати километрах от Красного. В какой из крестьянских изб разместился штаб командующего, было выяснить не сложно: именно к ней чаще всего приходили и приезжали пешие и конные посыльные.

Основные силы Главной армии расположились лагерем неподалеку. Мы знали, что накануне конный отряд Ожаровского захватил Красный. А на рассвете из лагеря русских войск вышла большая колонна в сопровождении артиллерии и направилась на северо-запад.

– Это отряд Милорадовича, – догадалась я, – завтра он встретит возле Ржавки передовую колонну гвардейцев Наполеона и задаст им хорошую трепку, а еще через день тот же Милорадович уже перед Красным так распушит корпус Богарне, что тот уменьшится на добрую треть и лишится всех пушек.

Между тем передовая колонна французских войск продолжала движение практически непрерывно.

– Когда же они остановятся «на перекус»? – не выдержал Гена.

Мои ребята вот уже пару раз прикладывались к сухим пайкам, которыми нас щедро снабдили перед командировкой в прошлое.

– А может, у них и есть-то нечего, вот они и не останавливаются, – подал голос Витя, который неотлучно наблюдал

за положением русского штаба.

– Вы еще пожалейте их! – сказала я, не скрывая досады, – в конце концов никто не звал французов в Россию. Сидели бы у себя на Лазурном берегу и грелись на солнышке. Так нет же, захотелось им получить ключи от Москвы – вот и получили!

Солнце уже успело склониться за горизонт и занялась скудная ноябрьская заря, предвещающая крепнувший мороз, когда авангард французского войска остановился неподалеку сожженной деревни Корытня, расположенной приблизительно на полпути к Красному.

Началось хаотическое движение гвардейцев, и нам с трудом удавалось следить за местом расположения императора. Но нет, он никуда не делся, толкался себе от одной группы ветеранов к другой.

Мы с любопытством разглядывали, как французы располагаются на бивуак. Многие рыскали по развалинам деревеньки в поисках чего-нибудь съестного, другие отправились в соседние рощицы нарубить хвороста и собрать сухого валежника. Некоторые забирались и того дальше, в надежде набрести на уцелевшее жильё и пожить чем-то более существенным.

Несколько таких смельчаков добрались даже до нашего лагеря. Мы уже приготовились было померить их пыл с помощью нашего «Успокоителя», но они, как будто почувствовали подстерегающую опасность, собрались в кучку, посове-

щались о чем-то вполголоса и повернули обратно.

Все это мы прекрасно разглядели с помощью наших крылатых помощников, своевременно перешедших на «ночное видение».

Мы что-то не заметили активности интендантских служб по обеспечению даже императорской гвардии. Разумеется, говорить о снабжении прочих родов войск и вовсе не приходилось. После крайне скудного ужина, который для многих заменял не только обед, но и завтрак, гвардейцы принялись устраиваться на ночлег.

Французы разводили большие костры и укладывались вокруг них ногами к огню, а головами наружу в виде своеобразной «ромашки». Причем ложились прямо в снег, практически ничего не подстелив под себя.

– Вот странно, – опять подал голос Фролов, выросший в Сибири, – им что, лень нарубить елового лапника у дороги? И спали бы тогда себе спокойно, а не примерзали волосами к снегу.

– Наверное, они не привыкли к хвойным породам, – ответила я, – ведь на равнинной Франции преобладают широколиственные леса, или потому, что находятся уже в степени крайнего истощения и заготовливать лапник у них просто нет сил.

Мы выждали еще пару часов, пока всякое движение французов не прекратилось, сели на свой верный снегоход и помчались к неприятельскому лагерю. Начиналась самая опас-

ная часть нашего мероприятия.

Впрочем, говорить об отчаянной смелости не приходится. Конечно, определенная опасность, вызванная какой-нибудь случайностью, разумеется была. Ну, например, если бы нам пришлось вступить в бой с сотней поднятых по тревоге французских гренадеров. Но они валялись в снегу смертельно усталые и изможденные.

Мы шли по вражескому лагерю, ведомые безотказным ручным навигатором, в респираторах, практически не видимые для посторонних глаз, да и не было этих посторонних глаз. Спали все поголовно, включая постовых и дежурных, ответственных за поддержание костра. Спали все мертвецким сном, и для многих это уже не было преувеличением.

Так мы добрались до одной из немногих палаток в этом лагере, в которой, мы знали это точно, спал сам великий император. Оставив Гену на страже, мы с Витей на четвереньках вползли в палатку. Оказывается, у Бонапарта была не только персональная палатка, но и личный спальный мешок, большая редкость по тем временам.

Он спал, солидно похрапывая, по самые плечи погрузившись в спальный мешок. Торчала только голова, и она была ... в женском чепце. Мы с Витей так и застыли от удивления. И пришлось включить фонарик, чтобы в луче яркого света убедиться, что перед нами действительно Бонапарт.

Правда предварительно воспользовались «Успокоителем», чтобы не дай бог, не потревожить чуткий сон монарха.

А так, по крайней мере, один час Бонапарт проспит с гарантией.

– Екатерина Ивановна, – спросил астроном, – как мы его будем паковать, с чепчиком или без?

– Давай с чепчиком, Витя, – ответила я, – а треуголку императорскую я так захвачу, на всякий случай.

Сказано – сделано. Вытряхнул Коваленко аккуратно императора из спального мешка, тот только промычал что-то недовольно, но, разумеется, не проснулся. Взял его под мышку и понес, хоть было в императоре добрых кило под восемьдесят. Витя только крикнул, но справился, разумеется с помощью экзоскелета. За палаткой его подждал Гена, и они понесли Бонапарта уже вдвоем, а я прокладывала им путь до снегохода и, на всякий случай, держала наготове «Успокоитель».

Однако все было тихо. Никто даже и не заметил пропажи Наполеона. Одну часть работы мы выполнили. Теперь нужно было кратчайшим путем доставить нашего высокопоставленного пленника в ставку Кутузова.

Сначала нужно было без помех пересечь тракт, по которому, несмотря на позднее время, могли двигаться не только отдельные ездоки, но и целые отряды войск, как наших, так и французских. Мы быстро справились с этой задачей благодаря системе навигации и нашим воздушным помощникам.

Затем кратчайшим путем понеслись к деревне Юрлово, где в самой большой избе и расположился штаб Кутузова. В

саму деревню мы решили на снегоходе не заезжать, а остановиться за околицей, в небольшой березовой рощице, и оттуда уж добираться до ставки пешком. Благо, расстояния были совсем небольшие, да и сама деревенька была, можно сказать, крохотная.

Заехав в рощицу, мы переоделись. Ведь не гоже было являться перед глазами фельдмаршала в маскировочной амуниции и с разного рода «прибамбасами», выдающими нашу принадлежность к совсем другому времени.

Нужно сказать, к тому, что следует надеть к свиданию с нашим знаменитым предком, мы готовились с особой тщательностью. Так для Коваленко, учитывая его внешность и южный мягкий говорок, была сшита форма хорунжего казачьих войск. Гене Фролову понравился мундир поручика Преображенского полка.

А я очень долго выбирала себе одежду. Задача состояла в том, чтобы никто не мог усомниться в благородном происхождении хозяйки моего наряда и нас беспрекословно пропустили ли бы к фельдмаршалу.

Все время нашей поездки на снегоходе император мирно похрапывал на заднем сиденье, пристегнутый ремнем безопасности. Только иногда, когда он излишне наклонялся к сидевшему рядом с ним Вите, чистюля Коваленко, брезгливо морщившийся от шедшего от монарха запаха немывтого тела и грязной одежды, давал ему локтем под дых. И тогда Бонапарт послушно склонялся в другую сторону.

В отличие от астронома, мне и дела не было до того, какой запах исходил от Бонапарта. Я, можно сказать, впервые осознала, что сейчас со мной связаны события, которые могут изменить мировую историю. Что может ожидать французского императора в плену? Как трансформируются события под воздействием пленения Бонапарта? И, наконец, заслуживает ли такой участи этот гениальный полководец и политический деятель?

Но ведь он не только гений, но и злодей, завоеватель, на чьем счету тысячи загубленных жизней, разоренных и сожженных городов и сел. И не важно, что его преобразования носили прогрессивный характер, прогресс в любом случае наступил бы и без наполеоновских войн.

Поэтому, будь что будет, но мы привезем Бонапарта к Ку-тузову, потому что он один, а не царь и его придворные представляет Россию перед лицом всего мира.

И вот мы идем по ночной деревеньке. Светит полная в заметной дымке луна. На фоне черного звездного неба заметно, как из большинства труб струится ароматный и кажущийся совсем мирным дымок. И так тихо кругом. Ни одна собака не залает, только снег под нашими ногами, уже хорошо утопанный, звучно поскрипывает. Видно, морозец к ночи стал крепчать не шуточный. По этой ли причине, или по счастливой случайности, мы не встретили вплоть до конечной точки нашего маршрута ни одного постороннего. Правда, я держала наготове наш «Успокоитель» и могла приме-

нить его при первом же удобном случае.

Однако нажимать на гашетку «Успокоителя» ни разу не потребовалось. Так мы подошли к избе, в которой размещался главный русский штаб. Перед входом в сени мирно дремал часовой в тулупе с ружьем и примкнутым трехгранным штыком.

Мои помощники опустили и поставили на ноги своего пленника, который продолжал мирно спать.

Поручик Преображенского полка подошел к спящему часовому, негромко кашлянул и тронул того за плечо. Часовой испуганно вздрогнул, открыл глаза и, увидев перед собой незнакомых офицеров, сильно растерялся.

– Милейший, – обратился к нему поручик, – позови-ка сюда дежурного адъютанта. Видишь к командующему его дочь любимая приехала.

И он указал на стоящую рядом высокую даму в белоснежной меховой мантии и шляпке. Пока заспанный часовой добудился до такого же, очевидно, спавшего адъютанта, прошло порядочно времени.

Наконец, прибывших пригласили войти. Единственная комната в избе была жарко натоплена. От стоящей в углу русской печи так и пыхало жаром. На полатах, откуда только что, видимо, слез молоденький адъютант, спали еще несколько человек.

Пожилой главнокомандующий в генеральском мундире, единственный кто еще бодрствовал в эту глухую пору, по-

дошел к прибывшим, держа перед собой подсвечник с тремя горевшими свечами. Несколько секунд он пристально взглядывался своим единственным глазом в стоящую перед ним высокую даму в горностаевой мантии и изысканной шляпке.

– Что за шутки, – недовольно буркнул он, – ведь Вы не моя дочь! И кто Вам позволил врываться в штаб командующего, да еще в ночное время?

– Увы, светлейший князь, я, действительно, не Ваша дочь. Я – совсем не известная Вам особа. Меня зовут Екатерина Ивановна. Мой маленький отряд, который можно назвать партизанским, захватил пленного, которого я хочу передать непременно Вам, – очень спокойно, не теряя самообладания, ответила дама, – но Вы, кажется, с ним знакомы – это Наполеон Бонапарт.

И она указала на стоявшего между офицерами приземистого невысокого француза, в измятой и грязной генеральской шинели, и нелепом женском чепце на голове, вдобавок, еще, как будто, спавшего.

Раздался тихий щелчок, и знатный пленник очнулся. Он недоуменно захлопал глазами, затем, видимо, сообразив, что находится в стане врага, принялся лихорадочно шарить по карманам, в поисках какой-то очень нужной ему вещи.

– Вы не этот пузырек ищете, сир? – спросила дама, по-французски, разом вернув пленника к печальной действительности.

– Верните мне мой яд! – закричал в отчаянии Наполеон, потому что это, действительно, был он, и бросился к даме, пытаясь отобрать склянку с ядом. Его в свое время изготовил гвардейский доктор Юван, как раз на случай пленения императора.

Но дама, которая, была не только значительно выше Бонапарта, но и, по всей видимости, сильнее пленника, просто высоко подняла руку со склянкой. Она подозвала к себе поручика, тот отодвинул заслонку печи и швырнул склянку на еще тлеющие уголья.

Бонапарт осознал тщетность своих стараний и вдруг вспомнил, что он все еще находится в чепце и выглядит в этом женском наряде совершенно нелепо. Он беспомощно обернулся, и тут другой военный, казачий вахмистр, пришел на помощь и протянул ему знаменитую треуголку.

Наполеон сдернул несчастный чепец, натянул свою шляпу и засунул кисть правой руки за лацкан шинели. Теперь он почти обрел свою всегдашнюю уверенность.

– Сначала он подумал о жизни, а потом о чести, – отметила про себя дама.

– Надо же, действительно, Наполеон Бонапарт собственной персоной, а я подумал чучело огородное, – съязвил удивленный Кутузов.

– Это ты хитрый северный лис опять перехитрил меня, – воскликнул тот, глядя в упор на фельдмаршала.

– Я рад приветствовать Вас, сир, в своей ставке, но я здесь

совершенно не при чем, – ответил русский военачальник, также твердо глядя на своего врага.

– Извините, но это я, сир, вместе со своими друзьями изволила взять Вас в полон, – вступила в разговор дама в ослепительно белой меховой мантии.

– Но кто Вы такая? – не сдержал досады монарх, – и по какому праву Вы суете свой нос в такое мужское дело, как война.

– По праву русского человека, которое Вы растоптали, напав на нашу землю! – оборвала говорившего дама.

– Сир, а как Вам отдыхалось в Москве? – тонко улыбаясь, перевел разговор в другое русло генерал-фельдмаршал.

– У вас варварский народ и градоначальники такие же варвары, – раздраженно ответил Наполеон, – в цивилизованной Европе хозяева покоренных городов приносили мне ключи от своего города, а ваш граф Ростопчин сжег вашу столицу, лишь бы она не досталась победителю.

– Ну да, и Кремль он тоже приказал взорвать, сразу после Вашего ухода, – дипломатично заметил Кутузов.

– Полноте, Ваше Величество, – опять вступила в беседу дама, – Вас послушать, так – французы и муху не обидят. И зачем только пришли они на русскую землю?

Весь этот разговор происходил, разумеется, на французском языке, на котором в те годы разговаривала вся российская просвещенная знать. Даме казалось, нет она была уверена, что Бонапарт не осознает, в каком положении он ока-

зался и все еще мнит себя если не хозяином мира, то, хотя бы, его половины.

– Я не один раз пытался договориться о мире с вашим Государем, но он как будто не слышал меня, – уклончиво отвечал Бонапарт.

– Это, сидя в Московском Кремле, Вы хотели поболтать с русским царем? И еще удивляетесь, что он Вам не ответил. Возможно, Государь до сих пор в обиде за Тильзитский мир, да и Ваше нашествие на Россию не добавило ему хорошего настроения, – продолжал ерничать Кутузов.

– Наверное, я был не совсем прав, когда решил начать поход на Россию, – Бонапарт заметно поубавил спеси.

– Французская армия, когда вторглась на нашу землю, превышала полмиллиона, сейчас, после Смоленска, она уменьшилась почти в двадцать раз. Так что, Ваша Великая армия вот-вот прикажет долго жить, – подвел не утешительные для Бонапарта итоги русский князь.

– Нет, эти властители явно теряют связь с реальностью, особенно когда долго находятся в зените славы, – продолжала делать про себя горькие заметки дама в белом.

Преппирательства с императором продолжались довольно долго. Денщик старого князя успел заменить свечи в подсвечнике, который теперь он держал в руках, а господа все продолжали и продолжали спорить. Наконец, дама начала замечать явное смятение в глазах плененного монарха. И он, неожиданно выдернутый, подобно репке, из своего окруже-

ния, вдруг осознал реальное положение дел. Но это было только начало того страха, который в дальнейшем будет все больше и больше овладевать им в предчувствии неминуемой гибели.

– Я думаю, сир, Вам самое время признавать ошибки, а не то я прикажу отдать Ваше Величество моему Государю или британскому посланнику, который меня поедом ест за слишком благодушное отношение к французам. Уж эти гордые бритты сумеют из Вас все жилы вытащить и в якорные канаты свить, – мстительно пообещал русский военачальник.

– Нет, не надо меня отдавать Вильсону, у меня с британцами давние счёты, – явно начинал трусить Бонапарт, – я готов признать, что был не прав, тысячу раз не прав, придя в Вашу страну с войной. Здесь все нас ненавидят и норовят убить. Все: от генерала, до простого крестьянина. Но я еще раз повторю, что вы, русские, самые настоящие варвары, вы и воюете как варвары. А эти ваши партизаны, способны довести просто до помешательства.

– Пообещайте, сир, что никогда в жизни Вы больше даже не взглянете в сторону России, – грозно нахмурил брови Кутузов.

– Истинным Богом клянусь, никогда больше не вступать на Русскую Землю, – приниженно обещал Бонапарт.

– Наконец-то до него дошло, и он по-настоящему испуган. Он еще долго будет изображать из себя бесстрашного властителя, но пережитый здесь ужас будет пожирать его изнут-

ри. Ради одного этого и стоило, пожалуй, затевать похищение Наполеона, – отметила про себя дама.

– Ну что, Екатерина Ивановна, может быть, поверим обещаниям французского императора? – заговорщицки подмигнул даме фельдмаршал.

– Я уж, и сама не знаю, может быть, действительно, стоит вывести его на Смоленскую дорожку, да дать хорошего пинка, чтобы катился он с остатками своей армии до самой Березины? – ответила дама по-русски.

– Ребята, – обратилась дама к своим сопровождающим, – может быть, вы справитесь с этим делом без меня, а я тут пока чайку со светлейшим князем выпью, если он его мне, конечно, предложит.

– Конечно, конечно, сударыня, для Вас, всегда пожалуйста. Эй Прохор, – обратился Кутузов к своему денщику, – растопи-ка ты нам с барыней самоварчик!

Перед уходом Бонапарта Кутузов проводил монарха такими словами:

– Ты, Ваше Величество, на меня зла не держи. Старый лис, как ты меня называешь, тебя ощипал хорошенько, да голову-то не оторвал. Ты других врагов опасайся. Европейских монархов, да и нашего Государя, в первую очередь. Запомни, нет никого мстительней, чем обиженная посредственность

И вот мы сидим вдвоем с милейшим Михаилом Илларионовичем и беседуем так душевно, будто знакомы уже целую вечность, а не пару часов, да еще в компании с этим

несносным французской.

Нет, я, конечно, признаю, что, возможно, Наполеон был гений, но человек-то он был на редкость заносчивый, самовлюбленный и вздорный.

Мы сидим на колченогих стульях, за простым крестьянским столом, накрытым выдавшей виды скатертью, и прихлебываем чай из наспех разведенного самовара. Расторопный Прохор сгреб на широкую лавку многочисленные служебные бумаги.

В избе жарко, фельдмаршал давно расстегнул пуговицы на своем мундире, а я скинула свою роскошную мантию и небрежно бросила ее поверх документов. На мне закрытое черное шерстяное платье в пол и кокетливая меховая шапочка, которую мне ни в коем случае нельзя было снимать, чтобы не обнаружилась спрятанная под ней арматура для связи с моими друзьями. А так я могла слышать каждое их слово.

– Нет, а здорово, Екатерина Ивановна, мы с Вами его приложили, – совсем по-домашнему, раскованно говорит и широко улыбается мой собеседник, – давно мне уже хотелось «умыть» этого задаваку Бонапарта. Да все случай не находился. Спасибо Вам за предоставленную возможность.

Вообще-то, нам в России сейчас никакой Бонапарт уже не страшен. Он так себе здесь пятки подпек, да уже завтра еще получит, что, в любом случае, к нам больше ни ногой.

Пусть его в Европе больше боятся. И чем дольше они его будут бояться, тем меньше они на наши просторы будут рты

разевать. Уж больно велика Россия, и богатства у нее не меряные.

Меня вот только совесть мучает: не слишком ли своевольно обошелся я с Вами? Вы Бонапарта поймали, знаю, что очень непросто это было, а я его за здорово живешь на волю отпустил.

– Что Вы, что Вы, Михаил Илларионович, Вы просто камень с души у меня сняли. Ведь это так непросто решиться изменить ход истории. Но меня только вот что беспокоит, дорогой Вы мой, пресветлый князь, как бы этот широкий жест не пошел Вам во вред в глазах высшего света, – говорю я ему сочувственно.

– Э, дорогая моя, мне уже ничего не может навредить. Царь меня просто ненавидит. Его окружение – тоже. Да и я, скажу откровенно, плачу им той же монетой. Ничего они мне не сделают, пока нога последнего француза не покинет нашу землю. А там, хоть отставка, хоть обструкция – мне уже будет все равно. Я свою задачу на этом свете практически выполнил, остались последние штришки.

– Позвольте предложить Вам, – продолжаю я осторожничать, – если кто спросит про ночной визит, скажите, что обмишурились партизаны, привели какого-то самозванца вместо французского императора. А свидетелей особо-то и нет – вишь какого храпака задают Ваши адъютанты.

Разумеется, я не стала говорить моему собеседнику, что богатырскому сну адъютантов его превосходительства

в немалой степени поспособствовал и наш безотказный «Успокоитель», которым Гена, по моей просьбе, успел шелкнуть в направлении полатей широкой печи как раз перед разговором с Бонапартом.

– Милая Вы моя, прямо как родная мать заботливая, – совсем расчувствовался Верховный главнокомандующий, – уж и не знаю, за что мне такая радость выпала – с Вами встретиться. А я ведь даже и не знаю, какого Вы роду-племени. И не буду даже спрашивать об этом. Если бы сочли нужным, давно бы рассказали. А мой ординарец Прохор – он будет молчать как рыба, да и по-французски он не понимает.

Да, не простой наш генерал-фельдмаршал человек, умный и многоопытный. В разговоре со мной он, как бы между прочим, переходил с одного языка на другой, пока не дошел до своего коронного турецкого. Известно, что многие образованные люди в России владели несколькими европейскими языками, а вот турецкий знали совсем не многие.

Я не хотела ни кокетничать, ни притворяться перед великим мудрецом и честно отвечала ему на том языке, на котором он меня расспрашивал. Только об одной вещи я не стала ему говорить: о том, что явилась из будущего. На этот разговор у нас просто не хватило бы времени.

Услышав, что мои ребята благополучно возвращаются, я поняла, что пора прощаться с главнокомандующим и, вообще, с Россией 1812 года. Но у меня не было ничего, что я могла бы оставить в качестве памяти. Хотя нет, я видела, что

моя задумка с мантией, кажется, произвела впечатление.

Правда, несмотря на великолепный внешний вид, это был не натуральный, а искусственный мех, хоть и весьма высокого качества. Конечно, в начале XIX века о таких диковинах и слышать не слыхивали, не то что через два с половиной столетия, когда общественное мнение будет строго осуждать любителей носить шкуры убитых животных.

– Михаил Илларионович, кажется мои помощники возвращаются и нам пора прощаться, – сказала я, – а Вы не станете возражать, если в качестве компенсации за тот вынужденный обман, когда я назвалась Вашей дочерью, я оставлю для одной из Ваших дочерей этот салоп?

– Что Вы, Екатерина Ивановна, я никогда не осмелюсь принять из Ваших рук такой дорогой подарок, – пытался отнекиваться мой добрый хозяин.

– Дорогой Михаил Илларионович, я открою Вам один маленький секрет: это вовсе не натуральный мех, как Вы, наверное, подумали, хоть и выглядит он отлично, – успокоила я командующего.

– Скажите, вот, никогда бы не подумал, – задумчиво сказал князь, поглаживая ладонью белоснежное одеяние, – и где же научились такое делать? Наверное, далеко?

– Да нет же, совсем близко, – ответила я, и тут же прервала себя, – вот, кажется и мои помощники пришли. Прошу Вас: поберегите себя. Особенно осторожны будьте в обманчивые весенние деньки, и, пожалуйста, поменьше катайтесь

верхом. Итак, прощайте, Михаил Илларионович, спокойной Вам ночи.

– Прощайте, Екатерина Ивановна, буду помнить встречу с Вами до конца своих дней. А что касается «спокойной ночи», то я давно уже по ночам не сплю. Знаете ли, старческая бессонница.

– Ну, это мы сейчас исправим, – сказала я, и обращаясь к вошедшему Гене с «Успокоителем» в руке, добавила, – будь добр, успокой фельдмаршала часов на пять, а Прохора поменьше – на пару.

Мы устроили поудобнее спящего старого князя и его слугу и вышли во двор. В рощице за околицей стоял наш снегоход, который я, естественно, не хотела оставлять в 1812-м.

Так, вместе со всем имуществом, мы благополучно прибыли на склон горы в Заилийском Алатау, который уже был мне памятен по другим путешествиям во времени.

– Екатерина Ивановна, – заметил, наконец, изменение в моем внешнем виде Коваленко, – а где же ваша знаменитая мантия?

– Витя, ты очевидно говоришь о салопе? Я вспомнила, что есть еще старое русское название для этой одежды и оставила на память Михаилу Илларионовичу для одной из его дочерей. Подозреваю, что он достанется старшей дочери Прасковье, так же, как и княжеский титул ее сыну.

– Так расскажите, как вы доставили Бонапарта в его лагерь? – попросила я.

– Да все очень просто, Екатерина Ивановна! – ответил Гена, – когда мы вышли из штаба Кутузова, я, на всякий случай, щелкнул «Успокоителем» и нам пришлось опять тащить тяжеленного Бонапарта на себе. Но так было надежнее. Еще не известно, какие фортели он бы выкинул, будучи в нормальном состоянии. Мы вернулись практически прежним маршрутом. В лагере все французы по-прежнему спали, поэтому мы дошли до палатки Наполеона, затащили его вовнутрь и засунули в спальный мешок.

– А чепец не забыли надеть? – поинтересовалась я.

– Нет, не забыли, – ответил Витя, – я вытащил его из кармана шинели Бонапарта, снял его шляпу и натянул чепец. Вот только шляпу наполеоновскую я забыл там оставить и машинально взял ее с собой. Вот она.

– Ну, ладно парни, – сказала я со смехом, – а больше вы ничего из 12 года не прихватили?

– Екатерина Ивановна, – в некотором смущении отозвался мой охотник, а Вы ругать меня не будете? Я еще шашку походную Наполеона взял с собой. На память.

С тех пор, когда бы я ни появлялась в том времени, где жили мои друзья, я обязательно находила часок для встречи с ними. И, заметив в их доме на самом почетном месте раритеты из далекого прошлого, мы всегда обменивались понимающими улыбками.

Все дальнейшие события конца 1812 года хорошо известны.

После нескольких боев под Красным армия Наполеона перестала быть Великой.

Правда, Бонапарт с остатками своей гвардии сумел под Березиной избежать полного разгрома, но это нисколько не умалило в глазах потомков цены победы над завоевателями, одержанной нашим народом и армией во главе с Михаилом Илларионовичем Кутузовым.

К сожалению, Кутузов совсем ненамного пережил время победы. Находясь в зарубежном походе во главе русской армии в Пруссии, он, несмотря на плохую погоду, прокатился верхом и простудился, а спустя несколько дней умер. Был апрель 1813 года.

Судьба Наполеона трагична и в то же время поучительна. Едва перейдя с остатками армии Березину, он бросил своих ветеранов умирать от перенесенных невзгод в госпиталях, а сам отправился в Париж.

Здесь он сформировал новую армию и направил ее в бой против очередной европейской коалиции. Но постепенно фортуна все сильнее отворачивалась от Бонапарта. Еще в течение двух с половиной лет он боролся как с внешними, так и с внутренними врагами, подобно мухе в паутине, все больше и больше запутывающейся с каждым своим рывком.

Наконец он совершил последнюю в своей жизни ошибку, доверившись Британии, надеясь получить у нее политическое убежище. Но бритты, как водится, обманули, и отправили бывшего императора пленником умирать на далекий

остров святой Елены.

Так свершилось то, чего он боялся и о чем услышал в ходе короткой встречи с русским полководцем, но так никому ни единым словом не обмолвился об этом до самого конца своей жизни.

На мызе у Ломоносова

Злободневная в девятнадцатом и двадцатом веках «норманская теория» возникновения древнерусского государства по-прежнему оживленно обсуждалась и в двадцать первом веке. Только сейчас она определялась и дополнялась продолжающейся «вестернизацией» общественного сознания страны. А также связанной с этим процессом волной всепоглощающих либеральных взглядов, а затем, по мере усталости и разочарования, с их постепенным откатом.

Как известно, первым и самым решительным противником «норманизма» был наш отечественный ученый поистине «ренессансного» масштаба Михаил Васильевич Ломоносов.

Именно это, и еще многие не решенные тайны его личности и послужили поводом очередного моего путешествия во времени – в гости к Ломоносову.

Разумеется, предварительно я старательно подготовилась, изучив обстановку в России и в мире во второй половине 18 века, особенности русского языка в этом веке и прочее, и прочее.

Кстати, язык, которым говорил Ломоносов и его близкие, оказался не таким архаичным и тяжелым, как я предполагала вначале, изучая его письменные образцы. Однако мне все-таки пришлось немного реконструировать некоторые моно-

логи самого Ломоносова, чтобы они звучали немного живее и привычнее для нашего уха.

И вот я сижу напротив хозяина в его уютном рабочем кабинете на его мызе в Усть – Рудице.

В русском языке слово «мыза» основательно закрепилось в значении «отдельная усадьба» с синонимами «хутор, отшиб и выселки».

Вот такими выселками и была Усть – Рудица, где великий исследователь оборудовал свою фабрику.

Ломоносов казался очень высоким даже по сравнению со мной, хотя я раньше была ростом около 180 сантиметров. Он выглядел особенно кряжистым в свободной домашней одежде и чем-то напоминал моего отца, каким тот был в последние годы.

Я застала ученого в его рабочем кабинете, где он что-то рисовал графитовым стержнем. Увидев меня, Ломоносов в сердцах отшвырнул кусок графита, свернул лист бумаги и поднялся из-за стола весьма недовольный.

Краем глаза я успела увидеть рисунок. Возможно, это были какие-то детали эскиза последней его мозаики «Взятие Азова», которую он так и не успел закончить. Очевидно, он совсем не ожидал гостей в такой ранний час.

Я заявила, что крайне заинтересована его мозаичными работами и приехала, чтобы познакомиться с ними. Ломоносов явно подобрел, услышав столь лестную характеристику его работы и начал разговаривать более приветливо.

Нужно сказать, что я не торопилась представиться. Одетая была по тогдашней моде, но не слишком роскошно, так что он мог принять меня за кого угодно.

Услышав голоса, в кабинет вошла его жена Елизавета Андреевна – невысокая женщина с добрым, но несколько болезненным лицом. Я вежливо ее приветствовала на немецком и стала расспрашивать о ее здоровье и здоровье Михаила Васильевича.

Елизавета не стала кокетничать, рассказывая о себе, а сразу принялась жаловаться, что обеспокоена здоровьем мужа, ноги которого стали сильно опухать и ходить он начал с большим трудом.

– Ну, что ты говоришь, Лизанька, – решительно остановил ее муж, – все это пустяки. Вот сделаю последнюю большую работу и займусь своим здоровьем. Поедем с тобой на воды в Баден-Баден. А ты принеси-ка, лучше, нам пирожка с морошкой. Давеча приходили ко мне земляки, принесли гостинцев северных.

И, сказал, повернувшись ко мне, когда жена вышла из кабинета:

– Вы, сударыня, поди, морошки-то и в жизнь не пробовали.

– А, Вы знаете, Михаил Васильевич, что я сама родом из ваших мест и пироги с морошкой я очень люблю. А отец мой юношей тоже по Белому морю ходил. Да я Вам вот что скажу...

И я рассказала ему то, что читателю уже известно из моего рассказа «Адмирал».

Нужно сказать, что моего радушного хозяина несколько не смутило мое сообщение о том, что я гостья из далекого будущего.

И не вызвало ни тени сомнения.

Его, кажется, больше впечатлил тот факт, что мой отец, Адмирал, оказался его земляком-помором, да и я, северянка по рождению, хотя с детства жила в Подмосковье. Когда же я откровенно рассказала, что никогда не была признана официальной дочерью Адмирала, и любила, и преклонялась перед ним всю жизнь – тут он как-то странно хмыкнул и перевел разговор на другую тему.

Умеренно порадовал мой подарок – подарочная книга, выпущенная к 300-летию со дня рождения.

Его, Ломоносова, рождения.

Правда, дата вызвала определенные возражения. И тут я стала свидетелем раскрытия одной из его тайн.

– А Вы знаете, уважаемая Екатерина Ивановна, что 11 год вовсе не является годом моего рождения? – спросил Михаил Васильевич.

– Нет, а какой же? – спросила я несколько сбитая с толку?

– А вот какой!

Он достал старинный футляр, который всегда был при нем и достал выписку из метрической книги, из которой следовало, что что младенец мужского пола Михаил появился на

свет 20 ноября ... 1703 года. То есть он был на целых восемь лет старше, чем считалось прежде.

И, следовательно, «царская версия», то есть предположение, что действительным отцом Ломоносова мог быть Петр I вновь заиграла в полную силу. Тогда объяснялись многие вещи, которые были практически невозможны для детей крестьянского сословия, к которым относился молодой Ломоносов, но становились вполне правдоподобными для внебрачного ребенка царя.

Однако общеизвестно, что после 1703 года Петр ни разу не посещал Архангельск. Поэтому новая дата рождения все ставила на свои места. Второй листок, появившийся из футляра не оставлял никаких сомнений в справедливости этой версии. В нем предписывалось предъявителю сей бумаги оказывать всяческое содействие в его делах. Ниже следовала подпись самого Петра.

Это была ошеломляющая новость.

Ради этого стоило вернуться на два с лишним столетия в Прошрое.

– Значит, Вас можно называть Михаил Петрович, – осторожно спросила я, – и триста лет мы ошибались?

Но Ломоносов только отрицательно покачал головой.

– Я только тот, кто я есть. Первый российский академик и никто более. Это звание я заслужил своим трудом, а не правом по рождению, которое, кстати, мы пока еще доказать не можем. Да я и пытаться не буду. А что касается моих бумаг,

то я их обе только Вам одной показывал, и впредь больше никому не стану. На меня уже пытались однажды напасть и узнать, что у меня в потайном футляре содержится. Но, видно, не на того напали. Я их так отделал, что все трое едва ноги унесли. Однако, думаю, что интерес к ним теперь проявляют в кругах, близких к Императрице, а может быть и она сама. Ведь только я один и являюсь продолжением династии Романовых по мужской линии и с моей смертью она фактически пресечется. Так что бумаги, хранящиеся в моем футляре, представляют для них жизненно важный интерес. И они не оставят попыток их выведать, чего бы для этого не пришлось предпринять вплоть до моего физического уничтожения. Ведь по сути правящая Императрица пришла к власти в результате мятежа. И она это знает, и это будет тяготить ее до конца жизни.

– К тому же она – немка, – попробовала я перевести разговор в нужное мне русло.

– Да дело не в национальности, – отмахнулся он. – моя верная жена тоже немка, и мой зять, лучший мой помощник немец, и покойный Георг Рихман, мой друг и соратник, тоже был немцем. Я не против немцев вообще. Но когда немец пробует, без особых на то оснований, построить теорию, унижающую достоинство моего народа и моей родины – России, вот тогда я против. Ведь как это было? Приглашённый ещё моим покойным батюшкой немецкий академик Байер написал трактат «О варягах». Байер не знал ни

слова по-русски и основывался только на немецком переводе «Повести временных лет», но из него он вывел, что Русское государство было создано скандинавами. Основные положения этой теории были затем развиты другим немцем Миллером в его сочинении «Происхождение народа и имени российского». Разумеется, я не мог согласиться с сочинением моего коллеги, который доказывал тождество варягов с норманами и что имя Русь скандинавского происхождения. Поэтому я начал заниматься историей Древней Руси. В докладе, представленном мною Академии, а позднее в первом томе «Древней российской истории» я стремился доказать славянское происхождение варягов и призванного около 862 г. варяжского племени «русь». При этом я отталкивался от версии, изложенной ещё в Никоновской летописи при Иване Грозном, что Рюрик с братьями были призваны из Пруссии. Кроме того, возражая Миллеру, я утверждал, что, если Киева и Новгорода не было во времена первых апостолов, значит, придётся признать неверным сказание о миссии Андрея Первозванного. Это недопустимо по государственным соображениям так как послужит соблазну православных.

– Дорогой Михаил Васильевич, – ответила я на его продолжительную тираду – Ваше рвение абсолютно понятно и для меня совершенно оправдано. В самом деле, эти немцы договорились до того, что с самим понятием «государственность» восточных славян познакомили только скандинавы, что уже абсолютно не соответствовало истине. Больше того,

эта теория поддерживалась в правящих верхах Российской империи, монархи которой были далеко не русскими. Но вот что я хочу сказать: и мнение немцев и Ваша теория строились по сути на мнениях летописцев, которые, как указывал наш историк Василий Ключевский, были глубоко субъективны в изложении событий, происходивших задолго до их времени. Поэтому, как Вы тоже множество раз говорили: «Один опыт я ставлю выше тысячи мнений». Скажу прямо: отечественная археология в большом долгу перед русским народом. Но, все-таки, постепенно факты доказывают Вашу правоту. Так, начиная со середины XIX века нашли уже более тысячи берестяных грамот, относящихся к IX-XIII векам. При этом известны даже письма семилетнего ребенка. То есть средневековая Русь была развитым в культурном отношении обществом. Эти факты никак не укладываются в теорию «норманизма».

– Михаил Васильевич, а можно я задам Вам несколько вопросов, чтобы понять, что происходило в вашей жизни на самом деле, а что придумано намного позже?

– Хорошо, Екатерина Ивановна, спрашивайте, – согласился он.

– Значит, в Москву вы подались не в 20, в 28 лет?

– Да, так оно и было. Но прежде я выучился грамоте у местного дьячка, а еще немецкому, голландскому, английскому, шведскому и норвежскому – у приплывавших в Архангельск моряков. Больше учиться было не у кого, да и

нечему.

– А когда узнали, что Вы – сын царя Петра I?

– После смерти Алексея Петровича, своего сына, Петр Алексеевич решил справиться, что стало с мальчиком, которого ему родила дочка дьячка Сивкова. Когда же выяснилось, что юноша жив – здоров и отличается редкой сметливостью и тягой к знаниям, царь повелел выправить в документах дату рождения, чтобы никто не заподозрил, что я его сын. А, с другой стороны, он приветствовал мое стремление к знаниям. Моему приемному отцу дали денег на покупку судна, а мне «филькину грамоту», необходимую для продолжения учебы и еще вот эту – уже настоящую грамоту, которой я обязан царю-батюшке по гроб жизни. Мне самому нравилась суровая, но привольная жизнь морехода и я долго раздумывал, прежде чем принять решение, которое перевернуло всю мою жизнь. В конце – концов тяга к знаниям пересилила, и я увязался вслед за рыбацким обозом в Первопрестольную. Ну, а дальше Вы все знаете.

Тут дверь отворилась и в кабинет вошла супруга ученого Елизавета Андреевна в сопровождении сенной девушки держащей поднос с пирогом в руках. Следом зашел слуга с дымящимся самоваром. Мы пили чай с любимыми мною с детства ароматным пирогом, и я наслаждалась беседой с гением.

– Мишенька, – сказала Елизавета по-русски, с едва заметным акцентом, – что же ты не представишь нашу гостью? А

то неудобно, право.

– Графиня фон Риббентроп, – представилась я первым пришедшим на ум именем и назвала королевство, находящееся подальше от родной для нее Саксонии, – статс дама короля Вюртембургского, а для моих земляков – просто Екатерина Ивановна Леонова. Я приехала издалека, услышав про Ваши чудесные мозаики. А сейчас Михаил Васильевич рассказывает, как ему пришла мысль создать такое чудо.

– Да, Екатерина Ивановна, – включился в мою игру Ломоносов, по умолчанию согласившись не посвящать жену в подробности моего визита, – так вот, лет уже несколько назад я заинтересовался мозаичными картинами в доме графа Воронцова, где бывал частым гостем, которые тот привез для своей коллекции из Италии. Одна из работ, собранная по оригиналу картины Гвидо Рени, особенно выделялась среди других богатой красочной палитрой. Ведь Вы знакомы с произведениями этого художника?

– Ну разумеется, Михаил Васильевич, – ответила я на чистейшем итальянском, – знакома ли я с произведениями великого болонца? У нас их просто обожают. Особенно поздние его работы, исполненные истинной свободой и мастерства.

– А какие картины Вас привлекают больше? На мифологические или религиозные темы? – продолжил экзаменовать меня Ломоносов, тоже перешедший на знакомый ему итальянский.

– Вы знаете, мне нравятся больше религиозные: «Матфей и Ангел» или «Христос дает ключи Святому Петру».

– Мишенька, – взмолилась Елизавета, – а нельзя ли говорить по-немецки, или, по возможности, по-русски.

– Ну что ж, по-русски, так по-русски, – согласился Ломоносов, – вот я и говорю этому итальяшке: назови любую сумму за секрет изготовления смальты. Так нет же, хитрая бес-тия, ни в какую не согласился. Тогда я сказал: я сам открою этот секрет. Мне пришлось потратить целых три года и про-вести тысячу опытов, чтобы создать смальту, не уступающую по качеству и цветовой палитре итальянской. Кроме того, мне удалось разработать собственную теорию "Трех цветов". Я доказал, что белый свет состоит из трех основных цветов – красного, желтого и синего, и смешивая их мы получаем весь спектр радуги. Потом я изобрел рецептуру изготовле-ния цветных непрозрачных стекол, и организовал производ-ство смальты и склеивающего раствора. Все, что Вы здесь увидите, Екатерина Ивановна, построено под моим руковод-ством, но руками приписных крестьян, которых мы обучи-ли и некоторые из них стали прекрасными мастерами своего дела. Я бы сам с удовольствием провел бы для вас экскурсию по Усть – Рудице, но мне стало тяжело ходить, поэтому я прикажу сделать это моему мастеру Игнатию Петрову, он у нас один из лучших.

Скоро пришел Игнат, молодой еще парень, одетый в рабо-чую робу. Я поинтересовалась, где и как живет Игнат. Ока-

залось, что он проживал в деревне Шишкино. В одной из четырех деревень, приписанных к мызе Усть – Рудица вместе со своими неженатыми братьями и незамужними сестрами, а всего в деревне насчитывалось около ста человек. Игнат рассказал, что он участвовал в строительстве фабрики разноцветных стекол в Усть – Рудице с самого ее начала, когда ему едва исполнилось семнадцать лет.

Усть – Рудица расположена приблизительно в двадцати километрах от Ораниенбаума и Ломоносов на первых порах приходил из города пешком.

– А как ты относишься к своему барину, – спросила я.

– Я не раздумывая готов за него жизнь отдать, – последовал решительный ответ.

Игнат провел меня по всей Усть – Рудице, с любовью рассказывая про каждое здание. Только на фабрику мы заходить не стали, потому, что работы сейчас не велись. Это был очень продвинутый для своего времени комплекс, оборудованный всем необходимым для производства работ. Начиная с кирпичного заводика, чтобы не нужно было возить материал для строительства зданий издалека и кончая плотиной на одной из протекающих неподалеку речек, обеспечивающих производство большим количеством проточной воды.

Заводские строения с плавильными печами, плотиной, мельницей и рабочим поселком расположились на левом берегу запруды, а усадьба на правом. Ее центром стал одноэтажный дом с мезонином. По сторонам, ближе к реке, рас-

полагались два флигеля, образуя главный фасад усадьбы. В левом флигеле была оборудована лаборатория, в правом – мастерская. За строениями тянулись фруктовые сады и огороды, распланированные симметрично по отношению к подъездной аллее. Их окружали пашни. Ломоносов превосходно учел возможности естественного рельефа и использовал их для создания чудесных прогулочных аллей. Берега мыса были высокими и образовывали естественный вал, защищавший усадьбу от северных ветров. Природа была лишь упорядочена. Дорожки, повторяющие извилистые линии берегов, были обсажены липами.

Возвратившись к Ломоносову в кабинет, я застала его в глубокой задумчивости. Стараясь отвлечь его от грустных мыслей, в которые он был погружен, я спросила:

– Михаил Василевич, расскажите, пожалуйста, как Вам удалось открыть атмосферу на Венере. Я сама немного работала в обсерватории через двести с лишним лет после Вас. И видела Венеру в 70-е годы XX века в сравнительно небольшой телескоп с линзой около одного метра. Она выглядела небольшим кружком на фоне восходящего Солнца. Как же Вы, имея гораздо меньший телескоп, сумели совершить такое открытие?

– Вы знаете, Екатерина Ивановна, я совсем не считаю себя великим астрономом, подобно Кеплеру либо Галлею. Пару лет назад я участвовал в организованной европейскими учеными методике определения солнечного параллакса (рассто-

нения до Солнца).

26 мая 1761 г я, так же, как и многие в России и за рубежом, наблюдал прохождение Венеры по диску Солнца. Но на явление, которое я назвал «пупырь», обратил внимание только я. Оно продлилось не более секунды. Мне оставалось только сделать вывод.

– И сформулировать открытие, которое астрономы всего мира называют: «Явление Ломоносова», – продолжила я его мысль.

– Неужели так и называют? – удивился он.

– Представьте себе. И это явление с удивительной точностью повторилось 6 июня 2012 года.

Тут я обратила внимание, что книга – мой подарок – лежит открытая на 27 странице, где приведены слова из письма Тауберта от 8 апреля 1765 года: «На другой день после его (Ломоносова) смерти граф Орлов велел приложить печати к его кабинету. Без сомнения, в нем должны находиться бумаги, которые не желают выпустить в чужие руки».

– Вы огорчены тем, что узнали дату своей смерти? – спросила я.

– Да нет, – бросил он с некоторой досадой, – я хорошо понимаю, что конец мой не далек, но меня покоробил тот факт, как они обошлись с моими документами. Ведь это просто низость – так поступить со многими работами, которые я создавал на благо России.

– Но, впрочем, – добавил он после паузы, – все-таки кое-

что после меня и сохранилось. Не так ли?

– Конечно, Михаил Васильевич! – заверила я с энтузиазмом, – Вы для нас поистине звезда первой величины. Недаром наш первейший поэт, Александр Сергеевич Пушкин, который был горячим поклонником Вашего гения написал: «он сам был нашим первым университетом».

– Это который Пушкин? – поинтересовался Ломоносов, – я знаком с его предками?

– Ну, с одним его прадедом Вы точно знакомы: Ганнибал – «арап Петра Великого», как называл его Пушкин.

Наступила пора прощаться.

– Я проведу Вас, Екатерина Ивановна, – сказал Ломоносов.

– Не беспокойтесь, Михаил Васильевич, мне совсем недалеко идти, – стала отнекиваться я, – спасибо большое.

– Нет, уж, позвольте.

Ломоносов шел с явным усилием, опираясь на тяжелую клюку.

Мы шли вдоль липовой аллеи, одетой в золотой осенний наряд. Я не выдержала и принялась декламировать:

«Унылая пора! очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса -

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса,

В их сеньях ветра шум и свежее дыханье,

И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы».

– Как хорошо сказано: «очей очарованье», – задумчиво произнес Ломоносов, – это, наверное, тоже Пушкин. В наше время так писать еще не умели.

– Но ведь если бы не было Вас, дорогой Михаил Васильевич, а потом Державина, то не было бы и самого Пушкина. Кстати, Гавриил Державин уже служит рядовым гвардейцем в [Преображенском полку](#), но писать стихи он начнет еще не скоро. А Пушкин родится только в конце века. Я, знаете, о чем подумала: каждый новый поэт, прежде, чем достичь новых высот, опирается на то основание, которое создали его предшественники. А все вместе вы создаете недостижимую русскую культуру.

– Как хорошо, что Вы завернули ко мне на мызу, Екатерина Ивановна, – прочувствованно произнес Ломоносов, – да, я узнал предел своих дней, но еще я понял, что труды мои не пройдут все даром. Кое-что да останется, и это чувство согреет мне остаток моих дней.

– Далеко ли нам еще идти? – спросил он, когда мы вошли в березовую рощицу.

– Да нет, мы уже почти пришли, Михаил Васильевич, – ответила я, – Вы только отвернитесь на пару минут и не смотрите в мою сторону, а потом спокойно идите домой. И пере-

дайте мой привет Елизавете Андреевне. Я рада была с ней познакомиться.

– Мишенька, ты уже проводил свою гостью? – встретила его с порога жена, – я что-то не заметила, чтобы за ней кто-то приезжал.

– Ее ждала двуколка сразу за нашей аллеей, – отвечал хозяин, – кучер поджидал ее все время, пока она гостила у нас.

Ничего не ответила Елизавета Андреевна, которая наблюдала за нами из окна в мезонине и хорошо видела, что никто не проезжал по дороге к большаку.

А я еще долго вспоминала приветливых хозяев на далекой мызе и угощала знакомых моченой морошкой, которую передала мне в качестве гостинца Елизавета Андреевна Ломоносова, урожденная Цильх.

Командировка в средневековье. Дося и Дуся

Самый ранний период, в который я отважилась перенестись, был временем накануне Раскола.

Не потому, что я была горячей сторонницей Старой веры, хотя сознаюсь, с детства, когда мы с мамой жили еще на Севере, мне были симпатичны некоторые наши соседи, про которых говорили: «Они ведь староверы».

Просто мне хотелось хоть одним глазом взглянуть на «дониконовскую» патриархальную Русь.

Лето 1648 года выдалось на юге Руси жарким, но обильным на дожди. Поэтому пожилую даму, путешествующую по Орловской губернии на перекладных, встречали желтеющие нивы и обширные луга разнотравья в пояс, звенящие стрекотом насекомых и перекличками перепелов.

Наконец, появилась цель ее путешествия – село Никольское и деревянная господская усадьба с расположенным за ней большим садом фруктовых деревьев, владельцем которой был знатный московский дворянин Прокофий Федорович Соковнин.

Российское государство дорожило своими служивыми людьми «по отечеству», а Прокофий Федорович был как раз из их числа. Известно, что в двадцатые годы своего столетия он был губернатором на Мезени и в Кевроле, что на Русском

Севере, а в тридцатые – губернатором в Енисейске, в Восточной Сибири. Правда, в сороковые он стал московским сановником, но имел поместье на юге страны, в Орловской губернии, которую России нужно было заселять своими людьми для защиты от набегов крымских татар. Несмотря на знатность, богатством Соковнины отнюдь не блистали, и в сельце насчитывалось всего несколько десятков крепостных крестьян, промышлявших хлебопашеством и извозом.

К приезжей набежали слуги и легко сняли увесистый сундук с подарками для дочерей Прокофия Федоровича. Гостью, дальнюю родственницу отца, прибывшую из Литвы, встречали хозяйка, Анисья Никитична, и две дочери. Отец и оба сына отсутствовали. После свадьбы царя Алексея Михайловича и Марии Милославской отец получил чин дворецкого царицы и занимал влиятельную должность при царице. Оба сына, несмотря на юный возраст, были зачислены в царские стольники.

Гостьей из Литвы, разумеется, была я. Объемный сундук под старину я специально заказывала в середине XXI века в кустарной мастерской. Сундук был из пластика, но выглядел, на мой взгляд, вполне аутентично, зато весил намного легче, как если бы был из натурального дерева. Я намаялась с этим сундуком, прежде чем мне удалось на ближайшем почтовом стане нанять ямщика и загрузить мой багаж на его повозку. Зачем же он мне был так необходим здесь, в XVII веке? Единственно, чтобы доставить приданое дочерям Проко-

фия Федоровича, старшая из которых была уже на выданье.

После свидания с Ломоносовым я довольно уверенно рассматривала свои шансы найти общий язык с дворянами середины XVII века, ведь за столетие с небольшим, которое было до моего прошлого визита, русская разговорная речь не должна была сильно измениться.

Как обычно, я долго выбирала, в каком обличье мне предстать перед хозяевами. Было решено следовать легенде и отыскать родственников Соковниных среди немецких баронов, проживающих в Литве или, как она тогда называлась, Великом княжестве Литовском. Я тщательно изучала обстановку в этом государстве, которое, впрочем, скоро будет поглощено Речью Посполитой, и станет постоянным источником вестернизации Русского государства.

Забегая вперед, скажу, что при очередном перемещении ко мне непроизвольно добавились некоторые полезные умения и навыки, которые оказались отнюдь не лишними в том суровом времени.

С одеждой, как мне казалось, особых проблем быть не должно. Я старательно подбирала одежду, как для себя, так и для подарков. На мне было длинное платье с отложным воротничком, широкой гладкой юбкой и короткий жакет с укороченной баской. Все достаточно скромное и лишенное драгоценностей. Это могло быть объяснено входившей в моду лютеранской неприязнательностью. Только в одном я не могла себе отказать. В украшенной искусственными цвета-

ми по парижской моде широкополой шляпке из рисовой соломки.

Для приданого я подбирала в основном ткани, стилизованные под те, что носили бояре и дворяне в то время, и украшения, которые должны были имитировать драгоценности XVII века, но, разумеется, все они были искусственными. Отдельно шли шубы, которых мы добавили по несколько штук на каждую девушку, но все из «экологического» меха и современных тканей.

Хозяева вовсе не готовились к встрече гостей и поэтому выглядели по-домашнему: босые, в простых длинных полотняных рубашках, совсем не накрашенные. Девушки были с непокрытыми головами, украшенными девичьими повязками.

– Дося, – назвалась старшая дочь, поклонилась мне в пояс и прыснула со смеху.

Это Феодосия – догадалась я.

– Дуся, – назвала свое имя младшая, так же поклонилась и коротко чему-то рассмеялась.

А это Авдотья – опять угадала я.

Было очевидно, что девушки находятся, как сказали бы в наше время, «на одной волне». Прежде всего это касалось младшей сестры. Было видно, что она во всем берет пример со старшей. И всю жизнь будет брать.

Нет, мне откровенно понравились эти девчонки, тотчас решила я

Дося, которой исполнилось 16, была истинной красавицей. Темная шатенка с густыми, слегка волнистыми волосами, яркими губками, сквозь которые сверкали два ряда ровных зубов, натуральности которых сегодня позавидовали бы голливудские звезды, и огромными выразительными глазами необыкновенного цвета спелой вишни. Эти глаза постоянно меняли выражение. То лучились детским восторгом, то темнели и в мгновения смуты делались почти черными. Я подумала, что появившись на свет эта девушка в наше время, она непременно приобрела бы известность. Какую? Над этим я не стала задумываться, потому брать ее с собой я бы ни за что не решилась.

Дуся, которая была года на три моложе сестры, выглядела совсем еще ребенком, и была совсем на Досю не похожа, но тоже хороша: белокожая блондинка с пушистыми волосами и сияющим взглядом небесно-голубых глаз.

Анисья Никитична отлучилась, чтобы распорядиться по хозяйству, а я осталась наедине с девушками.

– Тетушка, – спросила старшая дочка, – а почему я никогда даже не слышала про тебя?

– Видимо потому, что ваш отец не очень любит вспоминать про своих немецких родственников, – ответила я, – вот ты, например, знаешь, как появилась фамилия – Соковнины?

– Не-ет, – ответили девочки в замешательстве.

– По преданию, род Соковниных происходит от одного

из древнейших родов Германии баронов Мейендорф, восходящих к IX веку. Два брата фон Мейендорф переселились из Голштинии в Ливонию в 1198 году. Один из братьев Конрад получил от графа-епископа Рижского замок Икскюль, по имени которого потомки стали писаться фон Мейендорф-Икскюль. И только одна ветвь, к которой, кстати, я и принадлежу, именуется ныне Мейендорф. Иоанн фон Икскюль выехал из Ливонии, где я живу до сих пор, к вашему царю Ивану Васильевичу Грозному и принял святое крещение с именем Федора Ивановича. Его сын Василий Федорович, по прозвищу «Соковня», и есть родоначальник Соковниных.

– Тетушка, так ты, стало быть, из рода Германского? – с тревогой спросила Дося.

– Успокойся, доченька, – отвечала я, – германцем был мой покойный муж, а я-то, как раз, веры православной и родом из поморов, что на севере Руси. Называйте меня по имени: Екатерина Ивановна и фамилия моя Леонова. Но, живя в Ливонии, я изучала разные иноземные языки, которые могут пригодиться по случаю.

Я появилась в XVII веке в середине лета, когда, в соответствии со Студийским уставом, Петров пост уже завершился, а Успенский еще не начался. Поэтому питались Соковнины, особо на ограничения не оглядываясь. К обеду приступили после молитвы, которую все повторяли с особенным чувством. Обед был сытным, но лишенным каких-либо изысков,

и состоял из щей, карасей из местного пруда, запеченных в сметане, вареных куриных яиц, каши, меда, вишен и летних яблок из барского сада.

Так уж получилось, что Анисья Никитична, как рачительная хозяйка, была в основном занята хлопотами по совсем не маленькому поместью, а занятия с гостьей целиком перевернула своим дочерям. Чему я, кстати, была очень рада.

После обеда занялись разбором моего вместительного сундука. Каждая вещь, извлеченная из его недр, вызывала бурю восторга у девушек и желание тут же примерить обновку. Особенно веселилась Дося. Все-то она надевала, и во всем выглядела красавицей, исполняя при этом какой-то только ей ведомый танец, движения которого она мгновенно придумывала. Когда же перешли к разбору бижутерии, Дося снова меня удивила, обнаружив природный талант кутюрье. Она очень быстро сообразила, какие «драгоценности» нужно использовать для шуб, какие для камзолов, а какие для собственного украшения. После обнаружения отрезков тканей мы плавно переместились в девичью, все стены которой были в образах и лампадках. Как оказалось, предприимчивая Дося организовала здесь пошивочную мастерскую. Несколько сенных девушек занимались пошивом новой и перелицовкой старой одежды.

С моим появлением у сестричек появился дополнительный интерес к прогулкам по окрестностям, который в обычное время не поддерживался бдительной Анисьей Никитич-

ной. Всего месяц назад в Москве случился Соляной бунт, который затем перекинулся и на другие города. Кроме того, в недавно созданной Орловской губернии по-прежнему изредка появлялись небольшие отряды крымских татар, да и банды беглых крепостных крестьян пошаливали.

Но тут Анисья Никитична сменила гнев на милость и разрешила нам с девушками прогулки в окрестностях поместья, дав в провожатые пару рослых молодых парней из прислуги. Так мы и путешествовали: девушки, взявшись за руки, я рядом с ними, а наша «охрана» с дубинами через плечо – несколько поодаль.

Ах, как хорошо было гулять на этом просторе среди моря дразнящих яркими красками луговых цветов. Однако, присмотревшись, я заметила знакомые растения, которым вроде бы и не место быть на лугах. Это был ковыль. Его гибкие шелковые стебельки раскачивались на свежем ветерке.

Уже вернувшись в свой XXI век я справилась в интернете, как называется такой ландшафт. Оказалось, луговая степь. Луговая степь – это особая степь. Она действительно была бы похожа на красочный луг, если бы не встречались степные растения

Девушки моментально стали подбирать себе цветки на венок, громко обсуждая достоинства каждого растения.

Вот шалфей луговой. Его крупные фиолетовые цветки собраны в кисти. А вот пион. Он очень похож на садовый пион, но цветки у него не махровые, а простые, с шелковисты-

ми широкими лепестками. Цветки ярко-красные, крупные и далеко видны среди степных просторов. И еще здесь росли удивительные свечи! И название у растения, как оказалось, тоже было удивительное – синяк красный.

А что это так знакомо и пряно пахнет вокруг? Я присмотрелась и увидела, что кругом разбросаны мелкие кустики сильно пахнущего чабреца, или тимьяна. Его еще называют богородской травкой. Уж не его ли я видела за иконами в доме моих радушных хозяев?

А какая пестрая мозаика клеверов – красные, розовые, белые!

С клевером у нас было связано первое маленькое приключение. Я заметила, что, проходя между цветов, Дося постоянно внимательно к чему-то присматривается. Вдруг она стремительно шагнула в сторону и с торжествующим возгласом сорвала какую-то неприметную травинку.

Оказалось, что она нашла стебелек четырехлистного клевера. Из-за любви к нему пчел в народе это растение недаром прозвали «медовиком». Если обратиться к легендам, можно заметить, что оно, действительно, имеет «райское происхождение». Считается, что первоначально четырехлистники произрастали только на Эдемских полях. Повсеместному же распространению они обязаны прародительнице Еве, которая взяла их с собой в память об утраченном Рае. Издавна считалось, что редкий цветок с четырьмя листочками приносил своему обладателю счастье и везение во всем. Разуме-

ется, не могла пройти мимо талисмана и наша Дося.

– А что ты будешь делать, Досенька, если принесет тебе твой талисман огромное богатство? – сказала я, как бы в шутку, но зная наперед ее удивительную судьбу.

– Да мы и сейчас не совсем бедные, тетя! – пробовала отшутиться девушка.

– Нет, я говорю о настоящем богатстве, чтобы ухаживала за тобой сотня слуг, и экипаж состоял не из двух лошадок, а минимум из шести, – не унималась я.

И тут она сделалась совершенно серьезной.

– Я считаю, что богатство, как и бедность, дается нам свыше, как испытание. И от того, как мы выдержим это испытание, зависит наша вечная жизнь.

И как бы в подтверждение значимости этих ее слов глаза ее полыхнули таким темным пламенем, что ни на миг не появилось у меня сомнения: все сказанное этой совсем еще юной девушкой – правда. А я, чуть ли не в первый раз почувствовала, что нахожусь, нет, не просто в другом времени, а совершенно в другой эпохе, когда между словами, только что произнесенными, и делами, которые вслед за ними последуют, нет и не будет большого расстояния.

Так и шли, пританцовывая, сестрички, посреди цветущего и звенящего моря, украшенные драгоценными венками из полевых цветов, и мне казалось – краше их никого нет и не может быть!

Гораздо значительное приключение случилось, когда вы-

думщица Дося надумала искупаться в протекающей неподалеку от усадьбы Оке. В своем верхнем течении река была не широкой, но достаточно быстрой, с пологим левым берегом и обрывистым, поросшим лесом правым. На ближнем к усадьбе левом берегу росли прекрасные луговые травы. Хлеба на этих землях полегли от близкого уровня грунтовых вод, и смекалистые местные крестьяне предпочитали их не распахивать, используя эти земли под кормовые угодья. Только у самой воды виднелись жидкие кустики тальника. Зато песчаные пляжи были чудесные, жаль только загорать на них в те времена было некому.

Дося оставила наших провожатых на приличном расстоянии и обязала повернуться спиной к реке. Сама же девушка быстро направилась к воде, мигом скинула все свое одеяние и смело бросилась в воду. Через минуту она уже плыла по середине реки, вынося из воды поочередно то одну, то другую руку. Это был исконно русский стиль плавания – саженки. Следом к ней присоединилась и Дуся. Однако плавать она почти не умела и держалась вблизи берега. Наконец, не удержалась и я. Поскольку купальника в средневековье я с собой не прихватила, пришлось плавать такой, как была – голышом.

С некоторым удивлением, я обнаружила, что почти профессионально плыву кролем. Я легко догнала Досю и, поравнявшись с девушкой, перевернулась на спину, и спросила у нее, где она научилась так хорошо плавать.

– А, это когда папенька был губернатором в Енисейске. Там большая река, холодная, а он ее один переплывал и меня научил.

– Так ты и в Сибири успела побывать? – полюбопытствовала я.

– Да, только я тогда была совсем еще маленькой и мало что помню, но, вот что он научил меня плавать – помню.

А потом поинтересовалась у меня:

– Как это Вы, тетушка, необычно плаваете? Быстро очень. Я так не могу.

– Ну, это стиль такой, кроль называется.

– А как еще можете, – не унималась девушка.

– Еще есть способ, брасс, – показала я.

– Так лягушки плавают, – рассмеялась Дося.

– Верно. А вот еще. На что это похоже? – и с некоторым удивлением от своей смелости я поплыла баттерфляем, чего, кстати, никогда прежде не делала.

– Ух ты, прямо, как бабочка! – восхитилась девушка и даже в ладоши захлопала.

– Правильно, это так и называется, или «удар дельфина», это такое животное есть в море, – ответила я и добавила озабоченно, – ты побудь пока одна, а я посмотрю, что там такое.

Я нырнула под воду и, проплыв метров тридцать, вынырнула у самого куста тальника, совершенно неожиданно для прятавшегося за ним человека. Тот даже вскочил испуганно. И тут я с облегчением узнала в нем одного из наших прово-

жатых, который незаметно пробрался к берегу с целью посмотреть на купающихся господ.

Хорошо, что на этот раз, мне не пришлось демонстрировать свои навыки в рукопашном бою. Парень с позором удалился, а я еще несколько минут наблюдала за играющими в песке девушками. Какие же все-таки они были красивые, хотя и совершенно не похожие друг на дружку. Дося – фигуристая, как будто налитая, а Дуся тоненькая, узкобедрая. Такой бы в балет податься, но еще долго не будет в России балета. И у меня вдруг защемило сердце при мысли о том, какое будущее их ожидает в действительности.

И этот поход, можно сказать, прошел вполне благополучно, чего нельзя сказать о следующей нашей прогулке.

Их было человек 6 или 7 на взмыленных лошадях с арканами в руках и тяжелыми пищалями за спиной – передовой разъезд крымских татар все еще совершавших свои набеги на юг Российского государства. Я обернулась назад, чтобы увидеть, готовы ли парни, с большими дубинами на плечах нас защищать, но увидела только брошенное импровизированное оружие и быстро удаляющиеся спины наших несостоявшихся защитников. Деваться было некуда.

– Придется защищаться самим, – подумала я.

Девчущки сиротливо жались за моей спиной, благо мой маленький рост и широкополая шляпа позволяли это делать. Конечно, первый аркан полагался мне. Он уже промелькнул над моей головой, но я, действуя совершенно ма-

шинально, успела перехватить его левой рукой и резко рванула петлю из сыромятной кожи вниз. Всадник, молодой, голый по пояс парень, совершенно не ожидал такой прыти от пожилой женщины, которую он и за добычу, в общем–то не считал, вылетел из седла, как пробка из бутылки.

Правой рукой я выхватила из потайного кармана на своем жакете небольшой прибор в виде плоского пистолетика и дважды нажала на курок, целясь в двух ближайших ко мне всадников. Это оружие, которое я прихватила с собой на всякий случай, было не летальным, но довольно действенным травматическим оружием ближнего боя. Во второй половине XXI века такие «пистолетики» носили спецназовцы – нелегалы, которым нужно было не уничтожить, а только временно обездвижить нападающих.

Сработало оно безотказно и на этих диких степняков. Оба воина свалились, как кули, и застыли неподвижно. Остальные всадники тоже замерли, видимо, отчаянно соображая, что же им делать дальше. Я сорвала с головы свою соломенную шляпку с легкомысленными шелковыми цветочками, чтобы все увидели цвет моих совершенно седых волос, и обратилась к нападавшим с краткой, но выразительной речью на их родном языке:

– Пошли прочь отсюда, дети собаки, и передайте своему бею, чтобы он убирался из страны урусов навсегда!

Татары безропотно подчинились, подобрали троих своих товарищей и с криками «шайтан, шайтан – баба!» мгновенно

ускакали по проселочной дороге.

Больше мы их не видели ни в тот день, ни в другие оставшиеся дни моей командировки. Но я стала всерьез опасаться за сохранность сестер Соковниных. Попади они в плен к татарам или случись на их веку по моей вине какая – либо другая непредвиденность, и, кто знает, как бы отразилось это на одной из трагических страниц истории моей родины.

Нечего и говорить, что девушки были просто огорошены случившимся, однако нервы у них были не в пример крепче, чем у современных барышень. Разумеется, находясь за моей спиной, они не видели моего компактного оружия, но они слышали мою отповедь разбойникам, хотя и совершенно ее не поняли.

– Тетушка, – спросила меня Дося, которая первой пришла в себя, – а на каком языке ты с ними говорила?

– На их родном, татарском, точнее, крымско-татарском, их еще называют, крымцами.

Я еще хотела добавить, что мне пришлось с этим народом общаться во время обороны Севастополя, но вовремя остановилась, вспомнив, что это произойдет еще через двести лет.

– Тетушка, – продолжала выпрашивать Дося, – а какие языки ты еще знаешь? Греческий знаешь?

– Знаю, Дося, а еще английский, немецкий, французский, ну и еще... – ответила я не очень охотно.

– А я пока никаких языков не знаю, разве что церковно-

славянский, а ты его знаешь? – не унималась девушка.

– Вот его-то я, как следует, и не знаю, ведь это не живой язык, на нем никто не разговаривает. Существует множество диалектов церковнославянского, их еще называют изводами. Есть еще, по крайней мере, один такой же «мертвый» язык – латинский. Его я тоже не знаю. Кстати, кто тебя грамоте учил? – поинтересовалась я.

– Маменька, вестимо. Сначала меня, а потом Дусю.

– А по какой «Азбуке» ты училась? По московской, Бурцова или по «Грамматике» Смотрицкого?

– Дося и «Грамматику» читала и еще много других книг, – ответила за сестру Дуся, – она у нас шибко грамотная.

– У папеньки в библиотеке я читала «Учительское евангелие», «Кириллову книгу», «Куранты», которые он выписывает, ну и всякие там «Повести о Еруслане Лазаревиче» и «Ерше Ершовиче», – подтвердила Дося.

– Ну и что из книг ты узнала самого важного? – продолжала интересоваться я.

– Да, разное... Есть многие страны и народы, но в них живут иноверцы, и только Святая Русь сумела сохранить истинную веру. Вот бы мне другим языкам научиться, – задумчиво произнесла старшая сестра, – и книг бы разных поболее, да где их сыскать?

– Ничего! Будет у тебя возможность книжной мудрости поучиться. Какие твои годы? – ответила я, прекрасно помня, какое будущее ее ожидает.

После этого приключения мы распрощались с парнями из нашей «охраны», которые продемонстрировали свою полную профнепригодность, но и выводить девушек за пределы усадьбы я больше не решалась. А прогулки наши продолжились по обширной территории фруктового сада.

Здесь, на юге тогдашней России, гораздо проще было выращивать те сорта фруктов, для которых в средней полосе было холодно. Например, сорт яблок «налив», который сейчас называют «белый налив». О нем еще Олеарий, известный немецкий путешественник, писал, что он нежный и белый, и если такое яблоко держать на свету против солнца, то внутри него можно видеть зерна.

Правда, тщательно ухаживать за садом в поместье не хватало рук. Поэтому яблоки срывали только для еды, а те, что не успели сорвать, падали сами и устилали подножие деревьев ровным белым покрывалом, которое постепенно темнело, желтело и привлекало своим ароматом тучи насекомых. И почувствовать этот своеобразный запах гниющих яблок можно было за многие сотни метров.

И этот аромат, и тишина, нарушаемая только жужжанием насекомых и падением очередного тяжелого переспелого плода, будили грустные мысли о тщете всего земного и желание думать о вечном.

Поэтому здесь мы охотно говорили с Досей о вере, а Дуся, как водится, внимательно нас слушала, во всем соглашаясь со своей старшей сестрой.

Я не случайно назвала так тему наших бесед, потому что именно так называлась книга, которую мы обсуждали.

Как обычно, тон в этой беседе задала Дося. Я порой даже удивлялась широте кругозора этой девочки из средневековой России. И до всего-то ей было дело, все ее интересовало. Но на этот раз тема была действительно очень важной. Она так и спросила:

– Тетушка, а ты читала «Книгу о вере»? Правда ли, что скоро нас ждет светопреставление?

Ну, разве могла я не рассказать ей все, что только знала об этой книге?

В 20-е годы XVII века пророчество о числе 1666 появляется в литературе киевской православной митрополии. Учение о нем представлено в произведении З. Копыстенского "Палинодия". Он доказывает, что, по истечении магического числа 1000 освобожденный сатана смог вмешиваться в дела людей и подчинить себе наименее стойких в вере, с его точки зрения, представителей римско-католической церкви.

А дальше произошло вот что. Текст Копыстенского был переработан неизвестным украинским автором в сочинение, получившее название "Книга о вере".

Правда, если Копыстенский имел в виду прежде всего католицизм, то в «Книге о вере» называлась уже киевская митрополия, над которой антихрист уже распространил свою власть. Далее утверждалось, что несоблюдение православных норм в преддверии царства антихриста могло повлечь

утрату благочестия в России и светопреставление в 1666 году.

– Так, когда же нам ждать конца света? – простодушно переспросила Дуся.

– Ой, девушки, право и не знаю, что вам ответить. Если и будет настоящий конец света, то уж точно не в 1666 году. Но опасность ожидает русскую православную церковь. Произойдут ужасные события, которых меньше всего ожидают истинно верующие люди. Их судьбы, а то и жизни решительно изменятся либо пресекутся.

Между тем моя командировка в средневековье явно подходила к концу. В дни, проведенные здесь, в российской глубинке, я лишний раз убедилась в искренности сторонников старой веры.

В обратную дорогу мне собрали много продуктов и две корзинки яблок местного сорта «налив» и вишен. Я уезжала на карете хозяев, запряженной парой лошадей.

Перед отъездом я, необычно для себя, расчувствовалась. Едва ли не в первый раз я так остро пожалела о том, что наперед знаю страшную участь этих девушек, с которыми успела по-настоящему сродниться.

– Тетушка, что же ты плачешь? – уговаривали меня сестрички, – приезжай к нам еще, мы будем только рады! Договорились?

Я обещала навещать, но совершенно твердо знала, что теперь могу встретиться с ними только на страницах книг.

По возвращению домой, в начало осени 2022 года, я еще раз убедилась, что конец света, так и не наступивший в роковой 1666 год, как никогда явно опять угрожает человечеству.

Было совершенно очевидно, что в XXI веке Западная цивилизация переживает сильнейший кризис за всю свою пятисотлетнюю историю. Западная цивилизация, следуя логике своего развития, дошла до Постмодерна, отрицания прогресса, различия между добром и злом, господства «новой этики» и откровенного сатанизма. А, следовательно, идя по этому пути, Россия непременно придет к тому же самому финалу.

Это значило, что далеко не все, что мы перенимали от Запада, может быть однозначно признано для нас полезным. И еще большой вопрос, являются ли воспринимаемые с Запада новшества для России благом или же ведут ее на край пропасти.

События 2022 года и война России на Украине против объединенного Запада потребовали по-новому взглянуть на взаимоотношения нашей страны с Европой. Теперь европейская общность однозначно предстает в качестве паразита, который веками развивался за счет других обществ и укладов, подавляя и пресекая их собственные пути развития. Долгий путь закабаления Азии, Африки и Латинской Америки прямое тому подтверждение.

В XVII веке в Европе начиналась эпоха Нового времени.

Она рождалась в череде войн, длящихся более двух столетий, которые позже назовут религиозными. Здесь состоялся Вестфальский мир, который положил начало новому порядку в Европе, получившему название «всеобщего единения».

А в России Новое время еще не наступило. Начиная со времени объединения Руси, в течение нескольких столетий происходило расширение территории страны в основном за счет продвижения в Сибирь и на Дальний Восток. В отличие от Запада, в России только еще намечалось религиозное противостояние. Раскол не мог не возникнуть в том многолетнем горячем противостоянии религиозно-патриотических чувств русского народа в борьбе с польскими захватчиками в период кризиса отечественной верховной власти. И борьба с польскими ставленниками была одновременно борьбой за православную веру против католичества. А с другой было все более усиливающееся стремление правящих верхов соответствовать нормам, требованиям и, как теперь говорят, менталитету крепнущей Западной цивилизации.

Вновь открывшиеся обстоятельства давали мне полное право несколько под другим углом взглянуть на «чистосердечные» заметки приезжих гастролеров о России.

Для европейца Россия была интересна, прежде всего, как источник ресурсов, а не как страна с большой самобытной культурой. Теоретическое обоснование такой точке зрения было дано уже в следующем веке в виде «норманнской теории» возникновения Руси. Но в XVII веке до этого было еще

далеко, что не мешало, впрочем, даже самым внимательным путешественникам видеть именно то, что они хотели.

Адам Олеарий, путешественник и преподаватель Лейпцигского университета, в своем знаменитом произведении «Описание путешествия в Московию» давал прямо-таки гротескное описание нравов и быта элиты русского общества XVII века.

Нам настойчиво вдалбливалось мнение о беспробудной «лапотности» и лени русского человека. Но при этом даже не упоминалось, что русские служивые люди еще при Иване Грозном не только добрались до Тихого океана, но и, переправившись через него, осваивают Америку. Возможно, Адам не был знаком с дворянином Прокофием Соковниным, либо с воеводой Афанасием Пашковым, хоть того и ругал нещадно протопоп Аввакум.

Мол, типичная поза молодой боярыни опущенные глаза и руки. Смотреть мужчине в глаза – неприлично. Основным занятием женщин были различные рукоделия. Они только и делали, что слушали рассказы и сказки мамушек и нянюшек и много молились.

Но разве могла вырасти из подобной барышни будущая боярыня Морозова, которую сам царь Алексей Михайлович еще как побаивался?

«Благожелательные» рассказы иноземцев с охотой подхватывались последующими отечественными историками, причем источником вместо реальных обычаев зачастую служи-

ли наставления из Домостроя.

Особенно старательно муссировалась тема религиозности. И здесь вместо глубокого понимания ее основ, сосредотачивались на внешних проявлениях, не забывая, как водится, приврать.

После того, как я немного разобралась с иноземными путешественниками, мне захотелось внимательнее присмотреться к личности самого царя, второго в династии Романовых. Ведь именно он ответственен перед историей за религиозный раскол в нашей стране.

Когда в 1645 году царь Алексей Михайлович взошел на престол, ему еще не было и шестнадцати лет от роду. Поэтому совсем не удивительно, что он попал под влияние близко стоявших к нему людей. В первую очередь это был пожилой и умудренный опытом дядька царя боярин Морозов, который воспитывал наследника с пяти лет.

Алексея обучали достаточно однобоко, поэтому после восхождения на престол, у него появилась масса проблем, которые он не готов был решать. По этой причине Романов еще больше сближается с боярином Морозовым.

Романов слыл добродушным, мягким и тихим правителем, соблюдающим церковные обряды. Три раза в неделю он не пил и не ел. Бытовало мнение, что именно из-за особенностей своего характера и набожности его и прозвали «тишайшим».

Но тут я заметила одну закономерность. Умиление харак-

тером царя вслед за иностранными гостями испытывали и некоторые наши исследователи еще со времен «царя батюшки». Однако при более пристальном взгляде на его характер и время его правления оказывается, что не такой уж он был «тишайший», а очень даже крутехонький. И рукоприкладством—то он занимался, и обругать мог даже близкого родственника. А бунты, случавшиеся во время его правления, он подавлял без всякой жалости, со свойственной тому времени жестокостью.

Так что наши предки эпитет «тишайший» воспринимали, скорее, как официальный государев титул, имевший отношение к сану, а не к характеру царя.

С детства у Алексея Михайловича его наставником Борисом Морозовым воспитывалась любовь ко всему западному. Все началось с познавательных картинок, отпечатанных в Германии, на которых, разумеется в «лютеранском духе», были изображены разные явления и предметы. Расширяя кругозор наследника престола, воспитатель заказывал одежду у портных в Немецкой слободе и в английском торговом доме.

Не случайно, что уже будучи взрослым, Алексей Михайлович стал первым русским царем, который регулярно читал европейские СМИ, которые с 1659 года стали регулярно доставляться в Россию специально организованной почтовой линией. Причем читал не только сам, но и зачитывал вслух боярам некоторые статьи, специально переведен-

ные для него в Посольском Приказе. Кстати, высшая знать, по всей видимости, не только разделяла почтительное отношение царя ко всему иностранному, но и всячески его поддерживала. Поэтому, когда грянула «никоновщина», количество ее противников среди высших кругов можно было перечесть по пальцам.

А теперь о набожности царя Алексея Михайловича.

Вместе с патриархом Иосифом он занимался строительством храмов и монастырей. При царе сложился, так называемый, «кружок ревнителей благочестия» или, как тогда его еще называли, «боголюбцев».

«Ревнители благочестия» регулярно собирались в государевых покоях, вели беседы. Считали, что все беды от грехов человеческих, а значит, надо укреплять веру. Тогда устроятся все дела и внешние, и внутренние.

Однако вопрос был в том, как именно добиваться укрепления веры. На этом кружок и раскололся. Вонифатьев, Ртищев и Никон поддерживали киевских и греческих учёных и священников. Мол, на Руси накопились «искажения» и «ошибки», их нужно исправлять. Перенимать лучшие достижения в богословской науке, образовании. Другое крыло кружка относилось к «западникам» настороженно, подозревало «ересь» и советовало оградить русскую церковь от их влияния. А опору, по их убеждению, следовало искать в русской старой вере.

К началу 1650-х годов, на фоне укрепления русской госу-

дарственности и царского абсолютизма, вопрос о наведении нормативного порядка в русском православии стал безотлагательным. Элиты разделились: одни выступали за реформирование на основе отеческих преданий и постановлений Стоглавого собора 1551 года, другие, включая царя Алексея Михайловича, настаивали на преобразованиях по новым греческим нормам.

У современного человека необходимость редактирования текстов не вызывает сомнения. Сейчас невозможно представить, что исправление в книгах может привести к противостоянию в обществе. Между тем, в русском средневековом сознании взгляд на редактирование или, как называли источники того времени, «книжную справу», был принципиально иным. Споры о книжной справе стали причиной одной из самых значимых и имевших долговременные последствия катастроф в русской культуре – [расколу Русской церкви](#).

Причина этого – в отношении к тексту и языку: книга не несла информации, она позволяла земному человеку соприкоснуться с миром небесным. Как и икона, она создавала возможность постичь божественное откровение. Поэтому все, что было связано с книгой, считалось священным.

В средневековый период истина находилась в прошлом. Она была дана пророкам Ветхого Завета, но в полной мере воплощена явлением Христа. Целью и смыслом работы книжников была верность первоисточнику – Библии. Но под древностью в разные периоды понималась как русская тра-

диция, так и греческая.

Летом 1652 года после смерти патриарха Иосифа Никон был торжественно возведён на престол патриархов Московских и Всероссийских. Во время интронизации Никон вынул царя дать обещание не вмешиваться в дела Церкви.

Никону было прекрасно известно, что между написанными на греческом языке Символом веры и современными ему московскими книгами имеются расхождения.

Со времен знаменитого старца Елизарова монастыря Филофея, возвестившего о нравственном падении мира и о преображении Москвы в Третий Рим, в подсознании российских царей и высших иерархов церкви неизменно жила мечта о времени, когда Россия и Русская Православная Церковь соберут под свою руку православных христиан всего мира.

Теперь возникла опасность самим оказаться недостаточно православными. Никон поделился своими опасениями с царем Алексеем Михайловичем, который полностью одобрил его планы. Нужно было исправить «ошибки», допущенные предшественниками, явив миру полное согласие Руси с Греческой Церковью и Восточными патриархами, наделив патриарха беспрецедентными полномочиями.

Унификация обрядов по греческому образцу изменила представления о правильности русских богослужебных книг. Сменились ориентиры, русская традиция была объявлена полностью искаженной, что привело к острому конфликту в русском обществе, переросшему в раскол внутри Церкви.

Конфликт усугубили методы деятельности новых справщиков.

Новоявленный патриарх Никон буквально рубанул с плеча, когда в конце февраля 1653 года разослал по храмам выпущенную без предварительного соборного обсуждения «память» (указ), по которой всем православным предписывалось исполнять прежние обряды на новый лад.

В 1654 году Никон собрал церковный собор, на котором было принято решение исправить церковные книги по греческим образцам. Несколько человек, в том числе протопоп Аввакум, не подписали решения, и через два года на новом соборе они были преданы проклятию и отправлены в ссылку.

На подавление старообрядцев царем, по наущению Никона, были брошены все силы государства. Раскольники бежали из городов и сел, а следом за ними тут же посылались стрелецкие команды, которые сжигали старообрядческие скиты с находящимися в них детьми и стариками.

Патриарх Никон стремился противодействовать тому, что воспринималось им как посягательство гражданского правительства на его юрисдикцию и полномочия.

Как следствие, произошло охлаждение отношений между царём и патриархом. Летом 1658 года Никон, в качестве протеста, оставил Москву и удалился в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь.

Однако компромисс с мятежным патриархом на этот раз не входил в планы Алексея Михайловича.

Собор 1666 – 1667 годов открыто назвал неправославными всех святых Русской Церкви. Это стало проклятием всей русской церковной старины и даже всех дораскольных святых, включая равноапостольных княгиню Ольгу и князя Владимира, Преподобного Сергия Радонежского и других духовных подвижников Земли Русской.

Претендующему на роль цезаря Третьего Рима Алексею Михайловичу пришлось стерпеть это унижение.

Старания «тишайшего» царя «законным образом» сместить ушедшего из Москвы, но отказавшегося сложить с себя сан патриарха Никона привели к неслыханным унижениям не только Русской Православной Церкви, но и Российского государства.

Против новых служебных книг восстал и знаменитый Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь. С 1668 по 1676 годы продолжалась осада древней обители, закончившаяся предательством, гибелью 30 иноков в неравном бою со стрельцами и казнью 26 монахов. Выжившие были заключены в Кольский и Пустоозерский остроги. Расправа над мятежными монахами потрясла даже многое повидавших иностранных наемников, оставивших свои воспоминания об этом позорном походе.

По мнению ряда историков, ещё при жизни Алексея Михайловича борьба со старообрядцами унесла больше русских жизней, чем война с Польшей или восстание Степана Разина.

Алексей Михайлович Романов умер 9 февраля 1676 года.

Источники по-разному описывают безвременную смерть царя. Одни упоминают, что для всех это стало большой неожиданностью, ему ведь было только 46 лет. Тишайший скончался от сердечного приступа.

Другие утверждают, что умирал Алексей Михайлович в страшных муках. Ему казалось, что Соловецкие монахи трут его тело пилами, и страшно на весь дворец кричал умирающий царь.

А как же связаны с событиями церковного Раскола на Руси мои давние знакомые, сестры Соковнины?

Эту историю я оставила напоследок своего рассказа.

В 17 лет, через год после нашего с ней знакомства, Феодосия вышла замуж за всемогущего царского приближённого, боярина Глеба Морозова. Тому было уже 54 года, и он сочетался вторым браком.

Когда юная боярыня Морозова родила сына, Глеб Иванович был несказанно рад. У любимого брата Бориса, скопившего немалое состояние, тоже не было детей, сам Глеб Иванович был отнюдь не бедным человеком, поэтому новорожденный Иван Морозов с младенчества сделался богатейшим наследником.

Так сбылось предсказание четырехлистного оберега – клевера – о несметном богатстве.

В семье Морозовых царила настоящая роскошь. Причем не только в их московском доме, но и в подмосковных имениях. В селе Зюзино по барскому двору разгуливали павли-

ны, а боярыня Морозова выезжала в серебряной карете, запряженной шестеркой породистых лошадей, в сопровождении сотни слуг.

Глеб Иванович высоко ценил образованность и ум своей супруги и неоднократно советовался с ней по хозяйственным и политическим вопросам.

После смерти мужа и его брата боярыня Морозова осталась владелицей огромного имения, но не простой вдовой, а «матерой», как тогда говорили, – то есть вдовой-матерью, управляющей поместьями до совершеннолетия сына и сохраняющей для него наследство.

Сведения о замужестве младшей сестры Феодосии, Евдокии, не так широко известны. Она вышла замуж в 16 лет за троюродного брата царя Алексея Михайловича, князя Петра Семеновича Урусова, человека, можно сказать, тоже очень небедного. Родила от него троих детей, но была разведена с мужем в 1672 году, за три года до своей смерти.

Нововведения раскололи русское общество того времени – от знати до горожан и крестьян – на два лагеря. Правительство Алексея Михайловича последовательно поддерживало церковные реформы, и на первых порах репрессии были направлены только против вождей раскола.

Десятилетием позже Патриарха Никона после конфликта с царем лишили кафедры и удалили от дел. Протопопа Аввакума, одного из лидеров раскольников, вернули на некоторое время в Москву и попытались привлечь на сторону офи-

циальной церкви. Принять реформы Аввакум отказался, но за это время в ряды старообрядцев влилось немало новых именитых сторонников.

Самыми известными духовными дочерьми протопопа стали сестры – Феодосия Морозова и Евдокия Урусова. И в этот момент их судьбы делают крутой поворот во второй раз. Дом Морозовой становится центром старообрядчества: сюда приходят и тайно живут гонимые царем раскольники, отсюда рассылается огромное количество писем в поддержку «веры отцов».

Царь Алексей Михайлович хорошо знал о симпатиях Морозовой, но долго боялся тронуть представительницу такого родовитого семейства.

В 1665 году царь предпринял попытку, не прибегая к крайним мерам, устроить боярыню Феодосию. У нее конфискуют значительные земельные владения, оставшиеся после смерти мужа. Но после заступничества царицы большую часть вотчин Морозовой возвратили.

В январе 1671 года царь Алексей Михайлович женился второй раз – на молодой Наталье Кирилловне Нарышкиной. Феодосия Морозова по своему положению одной из знатнейших женщин при дворе обязана была присутствовать на бракосочетании. Однако она намеренно уклонилась от участия в свадьбе, что стало последней каплей для царя.

Несмотря на привычку жить в роскоши, Феодосия Прокопьевна добровольно отреклась от всех земных благ и срав-

нялась с простыми людьми, тайно постригшись в монахини под именем Феодоры. Меньше чем через год после принятия пострига в дом Морозовой по приказу царя явился архимандрит Чудова монастыря, а впоследствии Патриарх Московский Иоаким. Он допросил Феодосию и ее сестру Евдокию Урусову и вначале оставил их под домашним арестом, но через два дня боярыню Морозову перевезли под стражей в Чудов монастырь в Кремле. Именно этот момент запечатлен на бессмертной картине Сурикова.

В заточении Морозова узнала о смерти своего единственного сына. Царские подручные предложили сжечь раскольников, но бояре не дали согласия на казнь знатных узниц. Тогда их начали истязать. Женщин поднимали на дыбу, а затем бросали обнаженными спинами на лед. Не сломив приверженность старой вере, подручные царя заключили Морозову в Новодевичий монастырь.

Вся знать Москвы потянулась туда, чтобы своими глазами увидеть «крепкое терпение» боярыни. Тогда царь решает убрать сестер Соковниных подальше от столицы, сослав их в Боровск. Но и там они не смирились: продолжали переписываться с единомышленниками, их часто навещали известные старообрядцы. В конце концов царь Алексей Михайлович решил поставить точку в этом затянувшемся противостоянии. Морозову с сестрой бросили в яму и стали морить голодом.

Урусова скончалась первой. Боярыня Морозова умерла

после нее второго ноября 1675 года. И была тайно, без отпевания, похоронена рядом с сестрой.

Царь Алексей Михайлович, опасаясь возмущения старообрядцев, три недели не разрешал объявлять о смерти непокорной боярыни. Местонахождение могил мучениц засекретили.

Так трагически оборвалась жизнь этих прекрасных женщин, которые вытерпели ужасные муки за то, что они считали более важным, чем их огромное богатство и даже чем собственная жизнь. Их чистые души оказались выше любых меркантильных расчетов, какими бы громкими словами эти низкие мысли ни прикрывались. Боярыня Морозова и княгиня Урусова, Феодосия и Евдокия Соковнины, мои Дося и Дуся.

Сегодня нас поражает жестокость расправы над людьми, вся «вина» которых состояла в том, что они хотели молиться по старым обычаям, так как боялись, что новые могут «погубить» их души. Но следует учесть, что принятие или отвержение государственной церкви считалось тогда показателем политической лояльности. Царь опасался, что знатная боярыня может стать центром государственной измены.

Тем не менее, не может не ужасать то хладнокровие, с которым «тишайший» царь отдал повеление обречь несчастных женщин на смерть от голода. Не меньше шокирует полное отсутствие сострадания у тюремщиков-стрельцов – вроде бы верующих православных людей, которые на слёзные

мольбы умирающих сестёр дать им покушать чего-нибудь отвечали: «Не велено».

Но разве мы не видим нечто подобное в Украинской войне? Разве в течение восьми лет не уничтожались русские люди Донбасса только за то, что они настаивали на праве говорить на языке своих предков? И разве уничтожение невинных людей не стало обыденным делом войск неонацистского режима и их иностранных наемников?

Но в такой войне не может не быть своих героев, погибших в самом расцвете своей жизни. Такой жертвой стала Даша Дугина, прекрасная девушка, дочь известного философа и геополитика Александра Гельевича Дугина.

На этом я закончила свои записи о командировке в средневековье и перенеслась в 50-е годы, где об Украинской войне уже мало что помнили.